[Русская быль. №]

358
318

Ч-3

И. П. Бѣлоконскій.

ЗЕМСТВО И КОНСТИТУЦІЯ.

КАСИМОВСКАЯ УЕЗДНАЯ БИБЛИОТЕКА
350
ПОГАШЕНО
3 К.

Съ рисунками,
исполненными институтомъ Брукманъ
въ Мюнхенѣ.

Изданіе Московскаго Книгоиздательскаго Т-ва
„ОБРАЗОВАНІЕ“.
1910 г.

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. Ленина
630835-45

Типографія Русскаго Товарищества. Чистые пруды, Мыльниковъ пер., с. д.
Телефонъ 18-35.

I.

60-е и 70-е годы.

Изученіе общественныхъ движеній всѣхъ странъ и народовъ даетъ, намъ думается, возможность сдѣлать тотъ выводъ, что формы этихъ движеній всегда находятся въ соотвѣтствіи съ режимомъ страны, или, вѣрнѣе,—съ правительствомъ, находящимся у власти въ моментъ пробужденія народа и стремленія его перейдти къ новымъ условіямъ жизни. Чѣмъ упорнѣе и дольше правительство стремится сохранить старый строй, чѣмъ больше проявляетъ оно жестокости по отношенію къ новымъ вѣяніямъ, тѣмъ, въ концѣ концовъ, ужаснѣе проявляется революція, какъ противовѣсъ правительственному упорству. Доведенное до отчаянія репрессіями, населеніе выдѣляетъ изъ своей среды уже не носителей свѣтлыхъ идеаловъ, которыми всегда являются лучшіе и умнѣйшіе люди страны, а фанатиковъ, не менѣе жестокихъ и упорныхъ, чѣмъ само правительство, такъ какъ, изъ чувства простого самосохраненія, является необходимость противъ грубой силы стараго режима выставить не менѣе грубую силу оппозиціи. Вслѣдствіе такого рода условій, освободительное движеніе, въ конечныхъ фазахъ своего развитія, нерѣдко сопровождается весьма тяжелыми явленіями, совершенно противорѣчащими, повидимому, тѣмъ благимъ цѣлямъ, какія имѣется въ виду достигнуть.

Въ частности русскій режимъ никогда не способствовалъ мирному и планомѣрному разрѣшенію назрѣвающихъ народныхъ нуждъ. Русское правительство по отношенію къ освободительному движенію во всѣ времена примѣняло, если можно такъ выразиться, шлюзную систему. Какъ только замѣчало оно проявленіе «вольнаго духа» среди населенія, тотчасъ воздвигало шлюзъ. Когда онъ заполнялся недовольствомъ, и послѣднее начинало переливаться черезъ первый шлюзъ, правительство ставило второй, третій и т. д., совершенно не соображая или не желая соображать, что при такомъ способѣ самый источникъ недовольства не только не уничтожался, а страшно возрасталъ, и что, въ концѣ концовъ, никакой шлюзъ уже не будетъ въ состояніи сдержать напоръ недовольства, которое постепенно переходитъ въ негодованіе, въ злобу, въ отчаяніе.

Эта шлюзная система примѣнена была русскою самодержавною бюрократіею и къ земству.

Земская реформа 1864 года явилась продолженіемъ тѣхъ «великихъ реформъ», которыя осуществились вслѣдствіе несчастной севастопольской войны, какъ реформы 1905 года были слѣдствіемъ, главнымъ образомъ, русско-японской войны. Тогда, какъ и теперь, обезсиленная войною бюрократія стремилась предупредить «внутреннія осложненія» выраженіемъ нѣкотораго «довѣрія» населенію впредь до того момента, когда, окрѣпнувъ, она сможетъ взять обратно все дарованное.

Севастопольская война также обанкротила полицейско-бюрократическій режимъ въ 50-хъ годахъ, какъ японцы въ наше время. Тогда, какъ и теперь, воспользовавшись этимъ банкротствомъ, общество стремилось освободиться отъ этого режима. Въ этомъ можно легко убѣдиться изъ знаменитаго «Колокола» Герцена, къ властному звону котораго не могла не прислушиваться бюрократія. Еще до освобожденія крестьянъ рядъ заявленій и адресовъ со стороны лучшаго дворянства, единственной тогда интеллигенціи, хранившей традиціи декабристовъ, не оставлялъ никакого сомнѣнія въ стремленіи образованной части русскаго общества къ представительному образу правленія, а послѣ реформы 1861 года такого рода заявленія дѣлались еще откровеннѣе.

Конституціонные помыслы были настолько развиты, что на эту тему, по словамъ Леруа Болье, Александръ II въ томъ же 1863 году бесѣдовалъ даже съ Н. А. Милютинымъ, заявивъ послѣднему, что онъ, императоръ, «не имѣетъ отвращенія къ представительному правленію, но что только не можетъ дать его полякамъ, которые бунтуютъ, не давая его вѣрноподданнымъ русскимъ», а этихъ Александръ II «не считалъ зрѣлыми для конституціи».

Однако, volens – nolens, приходилось дать. И вотъ въ бюрократическихъ канцеляріяхъ выработана была земская реформа, поспѣшно осуществленная въ 1864 году, чтобы, между прочимъ, «положить предѣлъ возбужденнымъ по поводу образованія земскихъ учрежденій несбыточнымъ ожиданіямъ и свободнымъ стремленіямъ разныхъ сословій»,—какъ говорилось въ объяснительной запискѣ.

По этому «Положенію», земскія учрежденія образовывались «для завѣдыванія дѣлами, относящимися къ мѣстнымъ хозяйственнымъ пользамъ и нуждамъ каждой губерніи и каждаго уѣзда». Но мы сейчасъ же должны сказать, что русское земство при первыхъ же шагахъ своей дѣятельности совершенно вышло изъ намѣченныхъ ему рамокъ и вступило немедленно на политическій путь. И это произошло совершенно естественно, болѣе того—иначе это и не могло быть.

Дѣло въ томъ, что какъ только земство принялось за исполненіе своихъ основныхъ задачъ, какъ только оно пожелало внести широкое просвѣщеніе въ народныя массы и поднять ихъ экономическій уровень, — тотчасъ же на этомъ пути оно встрѣтилось съ самодержавно-бюрократическимъ строемъ, оказавшемъ земству непреодолимое сопротивленіе.

Нѣтъ ничего поэтому удивительнаго, что земство очень скоро пришло къ непоколебимому убѣжденію въ невозможности при такихъ условіяхъ работать на пользу населенія. Вотъ почему культурно-экономическія задачи земства должны были отойти на задній планъ, и въ этой области, несмотря на всѣ усилія, оно не имѣло физической возможности сдѣлать всего того, что проектировало и что могло бы осуществить, при отсутствіи тормазовъ со стороны неограниченной бюрократіи, на которой лежитъ и вся отвѣтственность за обнищаніе и невѣжество страны. Мы поэтому вовсе почти не касаемся земскаго движенія въ смыслѣ культурно-экономическомъ, а имѣемъ въ виду лишь политическое движеніе, игравшее, какъ мы говорили, значительную роль съ самаго момента возникновенія земскихъ учрежденій.

Несмотря на всѣ недочеты земскаго положенія 1864 года, построеннаго, между прочимъ, на высокомъ цензѣ, оно дало нѣкоторую возможность къ постепенному проторенію пути не только къ истинному мѣстному самоуправленію, но и къ попыткѣ, объединенными силами земствъ, достигнуть народнаго представительства въ дѣлахъ государственныхъ. Правительство начало войну съ земствомъ въ первый же годъ дѣятельности земскихъ учрежденій. Дѣло началось съ Петербургскаго губернскаго земскаго собранія, которое въ декабрѣ 1865 года единогласно постановило ходатайствовать объ образованіи центральнаго земскаго учрежденія для завѣдыванія государственными земскими повинностями, а въ 1867 году уже потребовало участія земства въ законодательныхъ работахъ. Въ отвѣтъ на это правительство закрыло земскія учрежденія С.-Петербургской губерніи, выслало административнымъ порядкомъ въ Оренбургъ предсѣдателя Петербургской губернской земской управы Крузе [1]), удалило въ отставку гласнаго сенатора Любощинскаго, а гласный графъ Шуваловъ принужденъ былъ уѣхать за границу.

Цѣлый рядъ земскихъ собраній въ первыхъ же своихъ сессіяхъ, стремясь къ расширенію и укрѣпленію земскаго самоуправленія, уже въ 60-хъ годахъ обсуждалъ вопросъ о мелкой земской единицѣ, земскомъ единеніи и т. д., а правительство тотчасъ же ставило шлюзъ.

[1]) Впрочемъ, въ концѣ концовъ, дѣло ограничилось, кажется, высылкою Крузе въ его имѣніе.

Оно объясняло, по обыкновенію, земское движеніе «крамольнымъ духомъ» и употребляло всѣ усилія искоренить этотъ «духъ».

Уже, напримѣръ, въ 1866 году, въ циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 12 октября выясняется страхъ предъ служилою земскою интеллигенціею, предъ зарождавшимся «третьимъ элементомъ»: земскіе служащіе—врачи, учителя и т. д.—были поставлены въ полную зависимость отъ администраціи. 16 декабря, разъясненіемъ Правительствующаго Сената, губернаторамъ дано было право отказывать въ утвержденіи всѣхъ избранныхъ земскими собраніями лицъ, если губернаторъ признаетъ ихъ неблагонадежными. 4-го мая 1867 года тотъ же Правительствующій Сенатъ разъяснилъ, что «постановленіе губернскаго земскаго собранія о сообщеніи возбужденнаго въ ономъ предположенія всѣмъ губернскимъ управамъ другихъ губерній съ тою цѣлью, чтобы этимъ путемъ оно могло дойти до такой опредѣленности, которая сдѣлала бы возможнымъ обобщить для всей Имперіи предлагаемую мѣру, представляется не согласнымъ съ закономъ, ограничивающимъ кругъ дѣйствій земскихъ учрежденій предѣлами губерній или уѣздовъ, каждому изъ сихъ учрежденій ввѣренныхъ». Это въ высшей степени важное «разъясненіе» свидѣтельствуетъ, что уже на первыхъ порахъ земства проявили тенденцію къ единенію, безпрерывно продолжавшуюся въ теченіе всего времени существованія земства. И какъ велико было это стремленіе земства, видно изъ того, что всего черезъ мѣсяцъ послѣ приведеннаго разъясненія Сената, 13 іюня 1867 года состоялось Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта, которымъ, безъ разрѣшенія губернатора, воспрещалось печатаніе земскихъ отчетовъ о засѣданіяхъ, преніяхъ и рѣчахъ, бывшихъ на земскихъ собраніяхъ, и одновременно вышелъ законъ, предоставлявшій громадную власть предсѣдателямъ земскихъ собраній до закрытія послѣднихъ включительно, если на собраніи возбуждался какой-либо нежелательный вопросъ.

Въ 1868 году министръ внутреннихъ дѣлъ циркулярами отъ 28 августа и 8 октября опять напоминаетъ о зависимости земскихъ служащихъ отъ правительства и опять требуетъ, чтобы земства не обмѣнивались своими изданіями, печатая ихъ только въ количествѣ, не превышающемъ число гласныхъ.

Въ 70-хъ годахъ земская оппозиція не только возрастаетъ, но, подъ гнетомъ репрессіи, стремится объединить всѣ земскія оппозиціонныя силы.

Въ 1872 году Владимірское губернское земское собраніе постановило ходатайствовать о разрѣшеніи всероссійскаго земскаго съѣзда. Конечно, оно получило категорическій отказъ. Тогда другія земства,

замаскировавъ основную мысль, стали ходатайствовать объ областныхъ съѣздахъ, съ участіемъ «третьяго элемента», для разрѣшенія различныхъ вопросовъ: по страхованію, народному образованію, медицинѣ и т. д. И эти съѣзды не были разрѣшены. Надо было изыскивать иные пути, и земцы стали устраивать частные земскіе съѣзды, нелегальные, такъ сказать, въ родѣ «съѣздовъ» и «совѣщаній» земскихъ дѣятелей, имѣвшихъ мѣсто въ наше время, съ которымъ мы ниже подробно познакомимся. Такихъ съѣздовъ было немного, но на нѣкоторые изъ нихъ являлись представители подавляющаго числа земскихъ губерній. Тогда, какъ и въ наше время, земцы для съѣздовъ пользовались, обыкновенно, всякимъ удобнымъ моментомъ: разрѣшенными профессіональными съѣздами, выставками и т. п. Но были случаи, когда они съѣзжались и безъ «благопріятныхъ обстоятельствъ», вполнѣ конспиративно...

Данныхъ объ этихъ съѣздахъ, покуда, весьма мало. Правительству, насколько извѣстно, ни разу не удалось надлежащимъ образомъ выслѣдить ихъ, а потому оно знало кое-что о съѣздахъ, кажется, только изъ туманныхъ и невѣрныхъ показаній нѣкоего Курицына и изъ полицейскихъ разслѣдованій 1882 года. Курицынъ показывалъ, что «когда въ Кіевѣ, въ концѣ декабря 1878 года, собрался съѣздъ партіи конституціоналистовъ, преимущественно земцевъ, между которыми преобладающее вліяніе имѣли Черниговскіе земцы, изъ коихъ особенно выдѣлялся какой-то членъ Черниговскаго земства Линденсъ или Линдесъ, то на бывшей по этому поводу сходкѣ изъ представителей разныхъ соціально-революціонныхъ партій и украинофиловъ присутствовали въ числѣ другихъ Антоновичъ, Житецкій и Беренштамъ, съ цѣлью отстаивать свои теоріи противъ предложенія конституціоналистовъ о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ въ духѣ конституціи». Что эти свѣдѣнія не точны и добыты на основаніи слуховъ, видно уже изъ перевранной фамиліи извѣстнаго въ свое время земца Линдфорса въ Линденса или Линдеса. Курицынъ не упоминаетъ о такихъ видныхъ лицахъ, какъ И. И. Петрункевичъ, тогда гласный Черниговскаго земства, о земцѣ Савичѣ, объ украинофилахъ: А. А. Русовѣ, В. Л. Беренштамѣ, М. П. Старицкомъ, Н. В Ковалевскомъ, И. А. Житецкомъ, о трехъ представителяхъ отъ поляковъ [1]). Полицейскими же разслѣдованіями дознано было, что такіе

[1]) Предъ этимъ съѣздомъ былъ еще предварительный съѣздъ въ г. Нѣжинѣ, въ которомъ принимали участіе: А. А. Русовъ, А. Ф. Линдфорсъ, Н. А. Константиновичъ—учитель черниговской гимназіи и секретарь черниговскаго статистическаго комитета; представителемъ отъ радикаловъ былъ Бѣловодскій. Черниговскій губернаторъ Дараганъ былъ освѣдомленъ объ этомъ съѣздѣ и говорилъ объ этомъ Константиновичу, но никакихъ печальныхъ послѣдствій не произошло.

съѣзды въ семидесятыхъ годахъ были не только въ Кіевѣ, но въМосквѣ и въ Харьковѣ. Кіевскій же съѣздъ былъ замѣчателенъ тѣмъ что въ немъ принимали участіе и соціалисты революціонеры, и украинофилы. Земцы на этомъ съѣздѣ вели переговоры главнымъ образомъ съ революціонерами, предлагая имъ не предпринимать террористическихъ актовъ и работать совмѣстно для достиженія парламентарнаго строя. Переговоры эти, однако, ни къ чему не привели.

По этому поводу мы считаемъ умѣстнымъ привести здѣсь нѣкоторыя выдержки изъ воспоминаній виднаго революціонера Вл. Дебагорія-Мокріевича, относящихся ко времени переговоровъ съ земцами: «Русскій терроръ,—говоритъ онъ,—носилъ исключительно политическій характеръ и ни разу не измѣнилъ этому направленію. Правда у насъ поднимались разговоры объ «аграрномъ» и «фабричномъ» терроръ, но, по счастью, дѣло ограничилось одними разговорами. Этотъ исключительно политическій характеръ нашего террора, или другими словами, террористическая борьба за политическую свободу, къ сожалѣнію, не была понята всѣми. Сами революціонеры не сознавали этого, а это отсутствіе яснаго пониманія отразилось вредно на дальнѣйшемъ ходѣ событій. Южные террористы—Осинскій, Попко и другіе уже признавали необходимость и полезность конституціоннаго режима, и на югѣ одно время были шансы выработаться правильной программѣ. Но эта группа лицъ, слабо организованная, была скоро цѣликомъ выхвачена жандармами, а «Земля и Воля», организовавшаяся около этого же времени въ Петербургѣ, оказалась въ этомъ отношеніи несравненно менѣе зрѣлою. Въ октябрѣ 1878 года появился № 1 «Земли и Воли». Здѣсь опять на сцену выступили «соціалисты-революціонеры»—Стенька Разинъ, Пугачевъ и ихъ сподвижники, а по вопросу о политической свободѣ сразу наговоренъ былъ цѣлый коробъ старыхъ народническихъ глупостей... А какой глупой ироніей звучатъ теперь слова «Земли и Воли», что паденіе современнаго политическаго строя не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, и что вопросъ только о днѣ и часѣ, когда это совершится. Вотъ уже почти 20 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ это писалось, а скоро наступитъ четверть столѣтія... Цѣлая четверть вѣка! Что же, уже не этотъ ли періодъ времени имѣли ввиду землевольцы, когда писали вышеприведенныя строки!? О, конечно, нѣтъ! Да, мы ожидали тогда соціальной революціи раньше 25 лѣтъ, не то что какую-то конституцію. Но жизнь жестоко посмѣялась надъ нами, и въ настоящее время мы были бы рады—прерады даже плохонькой лорисъ-меликовской конституціи. Пусть бы себѣ на здоровье организовалась наша буржуазія! А то вотъ у насъ до сихъ поръ и буржуазіи нѣтъ,

и все еще одни военачальники, какъ у какихъ-нибудь кафровъ или готентотовъ». Далѣе Дебагоріо-Мокріевичъ сообщаетъ, какъ въ 1878 г. пріѣзжали два земскихъ дѣятеля для переговоровъ съ кіевскими либералами и украинофилами, а также съ революціонерами относительно совмѣстнаго образа дѣйствій для завоеванія конституціи. «Въ переговорахъ этихъ изъ революціонеровъ принимали участіе Осинскій (впослѣдствіи повѣшенный), Ковалевская (впослѣдствіи умершая на каторгѣ) и еще нѣсколько человѣкъ. Помню собраніе было открыто рѣчью земца. Онъ развилъ мысль, что конституціонная реформа необходима для Россіи и будетъ полезна для всѣхъ русскихъ группъ, а въ томъ числѣ и для соціалистовъ, такъ какъ даетъ больше простора для дѣятельности. Затѣмъ, какъ выводъ изъ этого, предлагалъ соединиться всѣмъ группамъ для добытія конституціи. По его мнѣнію, нужно было испробовать первоначально всѣ легальные пути: подачи петицій, мирныя демонстраціи и т. п. Чтобы вовлечь въ движеніе побольше людей, предполагалось развить сильную агитацію въ обществѣ посредствомъ печати. Брошюры конституціоннаго характера, которыя нельзя было печатать по цензурнымъ условіямъ внутри Россіи, земецъ находилъ нужнымъ издавать за границей и оттуда доставлять контрабаднымъ путемъ. Все это были мысли, съ которыми наши террористы, вѣроятно, согласились бы, еслибъ не оказалось одного пункта разногласій. По мнѣнію земца, однимъ изъ первыхъ условій для успѣха конституціонной агитаціи было пріостановленіе террористической дѣятельности революціонеровъ, запугавшей извѣстную часть общества, а равно и правительство. Съ этими требованіями террористы не согласились, переговоры не привели ни къ какимъ результатамъ».

Между тѣмъ, какъ свѣтъ вызываетъ тѣнь, такъ всякое освободительное движеніе вызываетъ правительственныя репрессіи.

Въ семидесятыхъ годахъ онѣ проявились съ особенною силою по отношенію къ обществу вообще и къ земству въ частности. Къ послѣднему бюрократія относилась все съ большею и большею подозрительностью и сыпала, какъ изъ рога изобилія, реакціонными законами и циркулярами.

Весьма возможно, что въ 70-хъ годахъ земство низведено было бы къ нулю, еслибы не возникло сильное революціонное движеніе, настолько осложнившее внутреннее состояніе страны, что какъ говорили тогда, дабы отвлечь, вниманіе общества отъ собственныхъ язвъ, въ 1877 году была предпринята война съ Турціею. Но война эта возбудила еще большее неудовольствіе въ странѣ. Россія посылала свою армію, чтобы избавить болгаръ отъ турецкаго ига,

а въ то же время русскій народъ находился въ тискахъ абсолютизма. Негодованіе еще болѣе усилилось, когда въ Болгаріи былъ введенъ представительный образъ правленія, въ то время какъ въ Россіи оставался прежній полицейско-бюрократическій режимъ. Ясно, что русскій народъ, проливавшій свою кровь за освобожденіе другихъ, признавался самъ недостойнымъ свободы. Нужно ли говорить, что такое отношеніе къ населенію задѣвало національное его самолюбіе. Словомъ, война съ Турціею не только не залѣчила, а еще болѣе разбередила внутренніе раны. И, вотъ, когда выяснилось, что и это средство не помогло, какъ въ началѣ девятисотыхъ годовъ не помогла война съ Японіей, сдѣлана была попытка для уничтоженія крамолы, обратиться за содѣйствіемъ къ обществу. Сначала на эту тему появилось правительственное сообщеніе, напечатанное въ 186 № «Правительственнаго Вѣстника» за 1878 г., а затѣмъ 20 ноября 1878 года, въ Москвѣ, Императоръ Александръ II, обращаясь къ представителямъ различныхъ сословій, сказалъ: «Я надѣюсь на ваше содѣйствіе, чтобы остановить заблуждающуюся молодежь на томъ пагубномъ пути, на который люди неблагонадежные стараются ее завлечь. Да поможетъ намъ въ этомъ Богъ и да даруетъ Онъ намъ въ утѣшеніе видѣть дорогое наше отечество постепенно развивающимся мирнымъ законнымъ путемъ. Только этимъ путемъ можетъ быть обезпечено будущее могущество Россіи, столь же дорогое Вамъ, какъ и мнѣ».

Странно было слышать приведенныя слова изъ устъ Верховной Власти. Ясно было, что они внушены были бюрократіею. Въ самомъ дѣлѣ, во всей Россіи совершался ужасающій произволъ. III-е отдѣленіе насмѣхалось надъ законами. [1]) Обыски, аресты, административныя ссылки, тяжелое тюремное заключеніе, наконецъ смертная казнь [2]), вотъ чему свидѣтелями были всѣ «сословія». Никто не могъ поручиться за завтрашній день, а въ обращеніи говорилось «о законахъ». Земство не могло не воспользоваться этимъ случаемъ-

---

[1]) Рѣзкую, всеуничтожающую критику жандармскаго всевластія и произвола мы находимъ въ брошюрѣ, принадлежащей никому иному, какъ бывшему директору департамента полиціи А. А. Лопухину («Изъ итоговъ служебнаго опыта». М. 1907 г.). «Ни въ одномъ иностранномъ государствѣ,—говоритъ онъ,—особой политической полиціи не существуетъ». Между тѣмъ въ Россіи жандармамъ, для успѣха ихъ дѣятельности, «была присвоена независимость отъ кого либо, помимо іерархическаго, надзора. Не только мѣстному, губернскому или прокурорскому, но и центральному, сенатскому надзору» жандармы «подчиненны не были».

[2]) 2 августа 1878 г., въ Одессѣ былъ казненъ Ковальскій.

чтобы не указать правительству на ужасающія нестроенія въ Россіи и указать на тотъ путь, который могъ бы вывести страну изъ невыносимаго положенія. Этотъ путь тогда былъ такой же, какъ и сейчасъ—это созывъ народныхъ представителей съ законодательными функціями. Нелегко было «земскому союзу» организовать обще-земское требованіе, но все же пять губернскихъ земскихъ собраній (Черниговское, Тверское, Харьковское, Полтавское и Самарское) открыто высказались за созывъ земскаго собора. Первымъ отозвалось харьковское губернское земство. Губернскому собранію, на которомъ былъ заслушанъ и принятъ адресъ, составленный городскимъ головою и земскимъ гласнымъ профессоромъ Е. С. Гордѣенко, предшествовало совѣщаніе. Оно состоялось вскорѣ послѣ Кіевскаго съѣзда съ участниками послѣдняго: И. И. Петрункевичемъ и гласнымъ барзенскаго уѣзда Савичемъ. Они воспользовались празднованіемъ въ Харьковѣ въ 1878 году столѣтняго со дня рожденія юбилея извѣстнаго украинскаго писателя Г. Ф. Квитко-Основьяненко. Послѣ акта въ университетѣ, на которомъ блестящую рѣчь произнесъ профессоръ А. А. Потебня, Петрункевичъ и Савичъ были увѣдомлены профессоромъ Л. А. Соколовскимъ, что на другой день проектируется обѣдъ у мѣстнаго домовладѣльца Филонова, при чемъ есть мысль побесѣдовать по земскимъ дѣламъ. При этомъ профессоръ рекомендовалъ «не брать особенно высокихъ политическихъ нотъ», такъ какъ на обѣдѣ будутъ разныя лица и изъ нихъ нѣкоторыя могутъ «испугаться». Въ указанное время обѣдъ дѣйствительно состоялся. Въ немъ принимали участіе до 50-ти человѣкъ и въ томъ числѣ профессоръ Г. М. Цѣхановскій и А. А. Русовъ. Когда начались тосты, И. И. Петрункевичъ, воспользовавшись юбилеемъ Квитки и актовою рѣчью Потебни, произнесъ, въ свою очередь, захватывающую рѣчь. Ораторъ высказалъ, между прочимъ, пожеланіе, чтобы всѣ такъ заботились о народѣ, какъ заботился покойный юбиляръ. Развивая далѣе свою мысль, онъ указалъ, что существуютъ различные взгляды на общественную дѣятельность. Террористы, напримѣръ, находящіеся въ линіи огня, стремятся къ недостижимому; съ другой стороны, мало результатна и дѣятельность лицъ, кто, какъ, положимъ профессоръ Драгомановъ, эмигрируетъ, надѣясь на вліяніе съ запада. По мнѣнію же оратора, надо работать, оставаясь въ Россіи, и добиваться свободы путемъ организацій общественныхъ силъ. Закончилъ свою рѣчь Петрункевичъ предложеніемъ немедленно организовать особую комиссію, которая выработала проектъ объединенія всѣхъ оппозиціонныхъ силъ въ странѣ. По словамъ очевидцевъ, Гордѣенко, какъ только ораторъ сказалъ, что надо «добиваться свободы», ушелъ. Но

нѣтъ никакого сомнѣнія, что обѣдъ у Филонова оказалъ на него свое дѣйствіе, что и выразилось въ составленой имъ и, какъ мы выше сказали, внесенной въ очередное харьковское губернское земское собраніе 1878 г. запискѣ. Называлась эта записка—«проектъ отзыва правительству на его сообщеніе о преступной пропагандѣ». Мѣсто не даетъ намъ возможности привести записку цѣликомъ, а потому мы ограничились лишь нѣкоторыми выдержками изъ нея. Суть записки заключалась въ необходимости активнаго участія земства въ государственной дѣятельности. «Если,—между прочимъ, говорится въ ней,—внутренній врагъ такъ силенъ, что для одолѣнія его, по словамъ правительственнаго сообщенія, нужны соединенныя силы всѣхъ сословій, всего земства, то мы серьезно должны обсудить наши общественныя средства и орудія, которыми мы располагаемъ»... «Чтобы судить о нравственныхъ силахъ, надобно обратить вниманіе на организацію земскихъ обществъ. Они разрознены, нѣтъ между ними никакой связи, и даже въ каждомъ единичномъ земствѣ губернскомъ или уѣздномъ, хотя есть правила внѣшняго порядка, но нѣтъ корпоративнаго духа, ихъ оживляющаго». Въ концѣ записки говорится: «земство желало бы соединить всѣ свои силы не только для своихъ экономическихъ нуждъ, но и для всѣхъ нуждъ и пользъ государства, чтобы и въ настоящее трудное время, какое мы переживаемъ, оно могло быть дѣйствительно опорою правительства». Въ интересныхъ преніяхъ, которыя возникли послѣ заслушанія записки, гласный Картамышевъ высказалъ пожеланіе, чтобы «представители земства были призваны, по крайней мѣрѣ къ обсужденію тѣхъ средствъ, которые помогли бы государству выйти изъ финансовыхъ затрудненій». А гласный Морошкинъ предлагалъ земству ходатайствовать, чтобы снята была предварительная цензура съ провинціальной прессы, при чемъ ссылался на свою записку и приложенное къ ней обращеніе къ земству по этому поводу отъ профессоровъ, адвокатовъ и представителей судебнаго сословія. Заявленіе это въ высшей степени цѣнно и характерно. Оно показываетъ, что уже въ 1878 году общество чувствовало свою связь съ земствомъ и возлагало на него защиту своихъ чисто уже политическихъ интересовъ.

Послѣ Харьковскаго высказались сначала Черниговское, а затѣмъ Тверское губернскія земскія собранія.

Въ Черниговскомъ адресѣ, составленномъ И. И. Петрункевичемъ и одобреннымъ особою комиссіею, избранною для его редактированія, послѣ ссылки на сообщеніе, напечатанное, какъ мы уже говорили, въ 186 № «Правительственнаго Вѣстника» въ 1878 г., земство, задаваясь вопросомъ, что же дѣлать?—говорило:

«Думать, что идеи, а въ томъ числѣ и анархизмъ можно остановить мѣрами строгости,—значитъ игнорировать развитіе и распространеніе идей. Положеніе русскаго общества, по нашему глубокому убѣжденію, представляетъ въ настоящую минуту всѣ условія для процвѣтанія идей, противныхъ государственному строю». Вслѣдъ за этимъ въ адресѣ указывалось на отсутствіе свободы слова, печати, на репрессіи въ высшей и средней школѣ, которыя въ то время повлекли за собою исключеніе болѣе 6000 молодежи изъ стѣнъ учебныхъ заведеній, что давало богатый матеріалъ для революціонныхъ партій.

Въ силу этихъ и многихъ другихъ условій, всѣ реформы царствованія Александра II стали въ полное противорѣчіе съ существующимъ въ дѣйствительности строемъ. Поэтому и земскія учрежденія совершенно не могутъ стоять на высотѣ своего призванія. «Не обладая чувствомъ, заставляющимъ подчиняться законодательству,—говорилось далѣе въ Черниговскомъ адресѣ,—не имѣя гарантій въ законѣ, не имѣя общественнаго мнѣнія, обуздывающаго всякія личныя, несогласныя съ общественными интересами стремленія, лишенное свободы критики возникающихъ среди него идей,—русское общество представляетъ разобщенную, инертную массу, способную поглощать все, но не способную къ борьбѣ». Въ виду этого, «земство Черниговской губерніи съ невыразимымъ огорченіемъ констатируетъ свое полное безсиліе принять какія-либо практическія мѣры въ борьбѣ со зломъ и считаетъ своимъ гражданскимъ долгомъ довести объ этомъ до свѣдѣнія правительства».

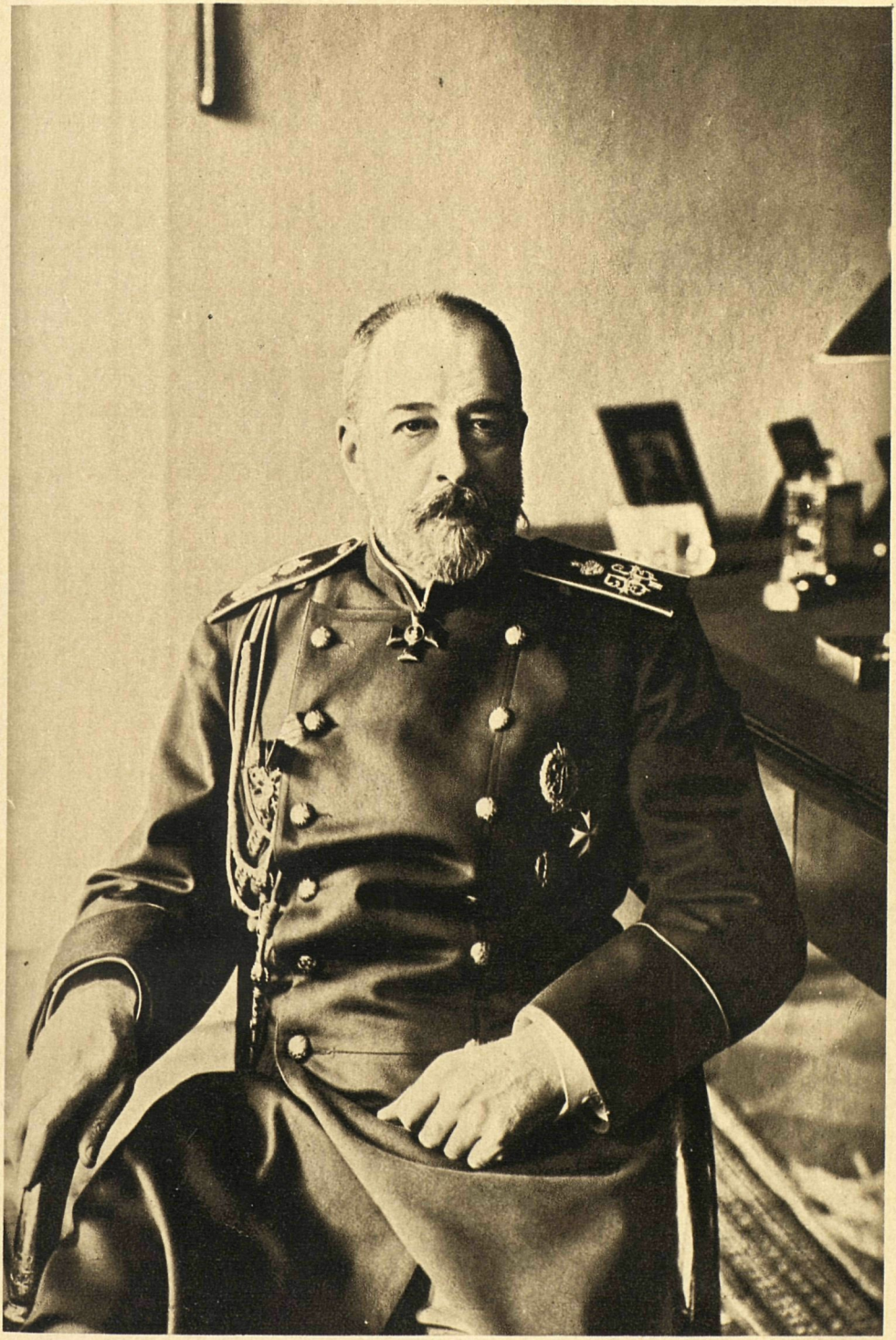
Адресъ этотъ не могъ быть заслушанъ собраніемъ, такъ какъ предсѣдатель, предводитель дворянства Неплюевъ, категорически воспротивился допустить чтеніе его. И. И. Петрункевичъ, поддержанный всѣми прогрессивными гласными, мужественно отстаивалъ права земства и не пожелалъ подчиниться veto предсѣдателя. Собраніе превратилось въ оппозиціонный митингъ, въ которомъ приняла участіе и публика, въ громадномъ количествѣ собравшаяся на это историческое засѣданіе. Тогда Неплюевъ обратился къ помощи жандармовъ. Появленіе послѣднихъ въ залѣ собранія вызвало всеобщій взрывъ негодованія. Предсѣдатель спѣшно закрылъ засѣданіе, и жандармы удалили всѣхъ присутствующихъ. Если мы не ошибаемся, подобнаго событія не было ни въ одномъ земскомъ собраніи за все время существованія земскихъ учрежденій. Главный виновникъ событія, И. И. Петрункевичъ, вскорѣ послѣ этого былъ административнымъ порядкомъ высланъ сначала въ г. Варнавинъ, Костромской губ., затѣмъ переведенъ въ Смоленскъ, а оттуда въ Тверь.

Что касается Тверского губернскаго земскаго собранія, то оно

въ адресѣ своемъ также указало прежде всего на тяжелыя условія въ которыя поставлены высшая и средняя школа, и на печальное положеніе земства. Въ концѣ же адреса, упомянувъ объ освобожденіи Россіею Болгаріи, тверское земство говорило: «Государь Императоръ въ своихъ заботахъ о благѣ освобожденнаго отъ турецкаго ига болгарскаго народа призналъ необходимымъ даровать ему истинное самоуправленіе, неприкосновенность правъ личности, независимость суда, свободу печати. Земство тверской губерніи смѣетъ надѣяться, что русскій народъ, съ такою полною готовностью, съ такою беззавѣтною любовью къ своему Царю-Освободителю несшій всѣ тяжести войны, воспользуется тѣми же благами, которыя одни могутъ дать ему возможность выйти, по слову Государя, на путь постепеннаго и законнаго развитія».

Правительство крайне недовольно было такого рода заявленіями земства на призывъ его къ борьбѣ съ крамолой, но внутренняя смута достигала такихъ размѣровъ, что приходилось что-либо предпринять.

Но прежде чѣмъ перейти къ этимъ мѣропріятіямъ замѣтимъ, что, начиная съ 1879 года, центръ земскаго движенія передвигается на сѣверъ, и первенствующую роль начинаетъ играть тверское земство. Представители послѣдняго во главѣ съ извѣстнымъ профессоромъ и писателемъ В. А. Гольцевымъ устроили въ 1879 году большой съѣздъ въ Москвѣ, подобнаго которому до тѣхъ поръ еще не бывало. На немъ присутствовали болѣе тридцати представителей отъ 16 земствъ. Были здѣсь и извѣстные уже намъ черниговцы: Линдфорсъ и И. И. Петрункевичъ, котораго затѣмъ въ апрѣлѣ 1879 г. отправили въ ссылку. Послѣ этого сѣверъ окончательно занялъ передовую позицію, при чемъ въ Москвѣ сосредоточилась дѣятельность «Общества-земскаго союза и самоуправленія», сокращенно именовавшагося также «Земскій Союзъ». Этотъ «Союзъ», какъ въ наше время «Союзъ Освобожденія», занялся широкой пропагандою въ земствахъ, а въ скоромъ времени рѣшилъ завести и собственный органъ за границею. Первая попытка въ этомъ направленіи была неудачна: въ Галиціи, гдѣ предполагалось обосноваться, арестована была и первая земская агитаціонная литература, и лица, ее напечатавшія. Въ числѣ этой литературы въ руки полиціи попала и програмная брошюра— «Ближайшія задачи земства», въ которой основными лозунгами земства были поставлены: свобода слова и печати, гарантія личности и созывъ учредительнаго собранія.

Кн. П. Д. Святополкъ-Мирскій.

II.

80-е годы.

Какъ и въ наше время, въ 1904 году, являлось намѣреніе «отдѣлаться отъ смутъ небольшимъ довѣріемъ», точно этотъ же рецептъ прописанъ былъ 27 лѣтъ тому назадъ, въ февралѣ 1880 года. Мы объ этомъ «довѣріи» узнали отъ князя Святополкъ-Мирскаго, въ 1880 г. о немъ возвѣстилъ глава вновь утвержденной Верховой Распорядительной Комиссіи графъ Лорисъ-Меликовъ. Въ воззваніи къ жителямъ Петербурга онъ говорилъ, что «на поддержку общества» онъ смотритъ, какъ на главную силу, могущую содѣйствовать власти въ возобновленіи правильнаго теченія государственной жизни, отъ перерыва котораго наиболѣе страдаютъ интересы самого населенія. Какъ бы въ подтвержденіе своихъ намѣреній, графъ Лорисъ-Меликовъ упразднилъ ненавистный для всѣхъ «застѣнокъ», какъ называли «III-е отдѣленіе»[1]), а на праздникъ Пасхи 1880 года, въ родѣ «краснаго яичка», послѣдовало удаленіе губителя учащейся молодежи, всѣми ненавидимаго министра народнаго просвѣщенія, графа Толстого. Затѣмъ въ бесѣдѣ съ редакторами петербургскихъ газетъ и журналовъ графъ Лорисъ-Меликовъ, между прочимъ, заявилъ, что въ его программу входитъ—«дать земству и другимъ общественнымъ и сословнымъ учрежденіямъ возможность вполнѣ воспользоваться тѣми правами, которыя дарованы имъ законами, стараясь при этомъ облегчить ихъ дѣятельность въ тѣхъ случаяхъ, когда на опытѣ въ томъ или другомъ отдѣлѣ предоставленной имъ закономъ дѣятельности окажется недостатокъ полномочій, необходимыхъ для правильнаго веденія дѣла и экономическаго улучшенія мѣстности... Привести къ единообразію полицію и поставить ее въ гармонію съ новыми учрежденіями, чтобы въ ней не было болѣе возможности проявляться разнымъ уклоненіямъ, существовавшимъ доселѣ, дать провинціальнымъ учрежденіямъ большую самостоятельность въ разрѣшеніи подвѣдо-

[1]) Вмѣсто этого «Застѣнка» созданъ былъ и до нынѣ существующій, Департаментъ Государственной Полиціи, бывшій директоръ котораго извѣстный уже намъ г. Лопухинъ такъ отзывается объ этомъ учрежденіи: «Законъ старательно обошелъ всѣ условія, которыя обезпечивали бы департаменту полиціи неуклонное исполненіе жандармскими чинами предъявляемыхъ ими требованій и поставило его въ зависимость исключительно отъ характера личныхъ отношеній между корпуснымъ начальствомъ и директоромъ департамента полиціи».

мыхъ имъ дѣлъ, дознать желанія, нужды, состояніе населенія, обративъ при этомъ вниманіе и на его экономическое положеніе». Нужно ли говорить, что земство не могло не воспользоваться такимъ благопріятнымъ моментомъ для указанія на нужды страны [1]), хотя «лисій хвостъ», какъ прозванъ былъ Лорисъ-Меликовъ, не приминулъ заявить, что «мечтательныя иллюзіи» печати «о привлеченіи общества къ участію въ законодательствѣ и управленіи, въ видѣ ли представительныхъ собраній европейскихъ, въ видѣ ли бывшихъ нашихъ древнихъ соборовъ»—не значатся въ правительственной программѣ.

«Земскій Союзъ» поспѣшилъ созвать съѣздъ, на которомъ было постановлено употребить всѣ усилія для созыва народнаго представительства при непремѣнномъ условіи одной палаты и всеобщаго голосованія. Земскимъ собраніямъ сессіи 1880 года данъ былъ съѣздомъ соотвѣтствующій лозунгъ, и собраніями сдѣланы были нужныя постановленія, но, понятно, въ формахъ и выраженіяхъ, которыя были допустимы на собраніяхъ, на которыхъ въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ трудно было открыто провести оппозиціонныя требованія. Мы ограничимся проведеніемъ лишь нѣкоторыхъ данныхъ, иллюстрирующихъ земское настроеніе въ періодъ Лорисъ-Меликовскаго «довѣрія».

Такъ, въ новгородскомъ губернскомъ земскомъ собраніи, въ 1880 году, гласный г. Румянцевъ, между прочимъ, говорилъ, что земское собраніе боится высказаться по вопросу объ общихъ мѣрахъ къ развитію народнаго благосостоянія. Эта боязнь объясняется тяжелымъ положеніемъ земства, которое принужденно ходить вокругъ да около одной изъ самыхъ серьезныхъ задачъ. Чтобы избавиться отъ такихъ невыносимыхъ условій,—необходимо ходатайствовать предъ правительствомъ о неприкосновенности личности, о томъ, чтобы оно признало, что каждый изъ гласныхъ отвѣтственъ лишь предъ закономъ и только по суду. Безъ этого земство будетъ безсильно и нѣмо во всякомъ серьезномъ вопросѣ.

Еще опредѣленнѣе въ томъ же году высказался въ запискѣ по

---

[1]) Въ 1880 г., въ Москвѣ подъ редакціею В. Ю. Скалона, стала издаваться серьезная еженедѣльная газета «Земство», въ которой принимали участіе многіе видные писатели и общественные дѣятели, какъ-то: Н. А. Каблуковъ, С. А. Муромцевъ, Н. А. Карышевъ, В. А. Гольцевъ, Д. Н. Жадановъ, З. А. Осиповъ, А. Ф. Фортунатовъ, баронъ Н. А. Корфъ, Ф. Ф. Эрисманъ, С. А. Приклонскій и др. Газета эта просуществовала лишь до 1881 г. Съ момента наступленія реакціи въ названномъ году, она получила два предостереженія—за «недозволительное и несправедливое осужденіе дѣятельности лицъ, занимающихъ важныя государственныя должности», и 10 октября 1881 года была закрыта.

продовольственному вопросу гласный того-же земства г. Нечаевъ. Доказывая необходимость дальнѣйшихъ реформъ, чтобы выдти изъ тяжелаго экономическаго положенія, авторъ записки указываетъ, что реформы эти, для того, чтобы получить надлежащую крѣпость и принести желанные плоды, должны соотвѣтствовать дѣйствительнымъ нуждамъ страны и большинства населенія. Для того, чтобы познакомиться съ желаніями и нуждами большинства, правительству необходимо выслушать голосъ народа, дать ему возможность и средство высказаться. Что касается земства, то для наилучшаго служенія государству, необходимо многое измѣнить, многое пополнить, а главное—даровать земству широкія права и сдѣлать его дѣйствительнымъ представителемъ населенія и выразителемъ его интересовъ; нужно ввести земство въ сѣть государственныхъ учрежденій со всѣми необходимыми правами и преимуществами; необходимо сдѣлать земство средоточіемъ всего мѣстнаго управленія, дать ему право свободно высказываться по всѣмъ вопросамъ общественной жизни. Свобода мысли и слова, немыслимая безъ личной неприкосновенности, строгое господство законности, расширеніе правъ земства и преобразованіе его въ смыслѣ болѣе истиннаго и вѣрнаго выраженія общественныхъ интересовъ и желаній, болѣе тѣсная связь и возможность общенія между земствами остальныхъ губерній—вотъ тѣ принципы, которые должны быть положены въ основу дальнѣйшихъ реформъ.

Черниговское губернское земское собраніе, для выраженія своихъ взглядовъ, воспользовалось извѣстнымъ уже намъ событіемъ.

Въ 1879 году, какъ мы уже знаемъ, былъ высланъ административнымъ порядкомъ гласный черниговскаго губернскаго и борзенскаго уѣзднаго земскаго собранія И. И. Петрункевичъ; въ 1880 году, не взирая на отсутствіе, онъ опять избранъ былъ гласнымъ тѣхъ же земствъ, при чемъ 37 гласныхъ черниговскаго губернскаго земства сдѣлали слѣдующее заявленіе собранію: «Недовѣріе, выраженное администраціей Петрункевичу, высылкой его безъ суда, не раздѣляется мѣстными жителями, такъ какъ тремя выборами они ясно выразили, что по-прежнему довѣряютъ г. Петрункевичу быть ихъ земскимъ представителемъ. Такая противоположность въ оцѣнкѣ дѣятельности одного и того же лица возможна потому, что какъ администрація въ вопросахъ о высылкѣ безъ суда, такъ и земство въ выборѣ своихъ представителей уполномочены закономъ дѣйствовать вполнѣ дискреціонно. Но само собою разумѣется, что подобная коллизія законныхъ правъ двухъ государственныхъ учрежденій—земства и администраціи—въ высшей степени прискорбна, такъ какъ въ основѣ колеблетъ въ мѣстныхъ жителяхъ ту вѣру въ законъ, которая необхо-

дима для правильнаго теченія государственной жизни». Гласный черниговскаго губернскаго земства, г. Карпинскій, по поводу той-же административной высылки г. Петрункевича, предлагалъ ходатайствовать объ ограниченіи дѣйствій административной власти въ примѣненіи ея къ общественному представительству. Неограниченность власти въ этомъ отношеніи мѣшаетъ, по мнѣнію Карпинскаго, болѣе глубокому изслѣдованію причины движенія, мѣшаетъ правильному развитію русскаго общества; оно противно основному принципу самоуправленія—гласности.

Не ограничиваясь политическимъ «вольнодумствомъ», земство проявило его и въ вопросахъ экономическихъ, что особенно возбудило противъ себя крѣпостниковъ. Характернымъ образчикомъ злобы послѣднихъ явился, между прочимъ, знаменитый харьковскій предводитель дворянства Шидловскій, бывшій затѣмъ въ періодъ царствованія Александра III губернаторомъ сначала Орловскимъ, а затѣмъ Костромскимъ. Въ 1880 году онъ на Харьковскомъ губернскомъ собраніи, чтобы сорвать вопросъ о расширеніи крестьянскаго землевладѣнія, придалъ послѣднему политическое значеніе. Шидловскій проводилъ мысль, что земство, ратуя за устройство земельнаго банка, «имѣетъ, должно быть, въ виду какое-то учрежденіе политическаго свойства». Исходя изъ факта крестьянскаго малоземелья, земцы, молъ, въ душѣ желаютъ упразднить крупную собственность и раздробить ее на мелкіе участки. «Какъ вамъ угодно,—воскликнулъ испуганный и негодующій крѣпостникъ,—это уже цѣль политическая», стремясь къ которой, «земство выходитъ изъ своей роли». Въ Дорогобужскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи другой представитель крупной земельной собственности, г. Игнатьевъ, въ неменьшей степени возмущался «соціалистическими тенденціями» земства. «Жутко не мужику,—говорилъ онъ,—а землевладѣльцу, о которомъ, однако, никто не думаетъ. Насъ спрашиваютъ не о помѣщикѣ, не о священникѣ, а о «господинѣ крестьянинѣ»,—такъ пусть же этотъ «господинъ крестьянинъ» и скажетъ, что ему нужно. А, по мнѣнію Игнатьева,—«зло извѣстно, устранить его, въ нашей власти, слѣдовательно, нечего хлопотать... Пока будетъ существовать община, будетъ и бѣдствіе»...

1881 года, мая 14 дня Суджанскимъ, Курской губ., земскимъ собраніемъ была заслушана и принята своеобразная «конституція», составленная гласнымъ С. И. Жекулинымъ, и содержавшая въ себѣ 16 пунктовъ. Въ сущности говоря записка Жекулина касалась главнымъ образомъ расширенія земской компетенціи до представительства и существенными пунктами ея являются: пунктъ 2-й, въ кото-

ромъ говорится, что «такъ какъ земцы есть свободный органъ земскаго самоуправленія, то освободить его отъ опеки администраціи и полиціи, поставивъ сіи послѣднія, какъ исполнительный органъ земскихъ учрежденій»; 6-й—которымъ требовалось избраніе земствомъ предсѣдателя собранія изъ своей среды. Наконецъ, въ 10-мъ пунктѣ говорится «о правѣ періодическихъ съѣздовъ выборныхъ земскихъ представителей отъ всѣхъ губерній Россійской имперіи и право этихъ съѣздовъ затрагивать и разсуждать о существенныхъ вопросахъ земской жизни» и «постановлять рѣшенія».

Лорисъ-Меликовъ, повидимому, прислушивался къ земскимъ заявленіямъ. По крайней мѣрѣ изъ разговора съ Кошелевымъ, въ 1880 году, выясняется, что графъ бесѣдовалъ на эту тему съ Александромъ II и, «не надѣясь получить соизволенія Государя на созваніе Земской Думы», проектировалъ собрать «Комиссію изъ выборныхъ отъ земствъ». Но ни «Земская Дума», ни «комиссія» Лорисъ-Меликова въ основахъ своихъ совершенно не соотвѣтствовали земскимъ стремленіямъ. Во всеподданнѣйшемъ докладѣ своемъ, отъ 28-го января 1881 г., Лорисъ-Меликовъ, излагая свой взглядъ, между прочимъ говорилъ, что «для Россіи немыслима никакая организація народнаго представительства въ формахъ, заимствованныхъ съ запада; формы эти не только чужды русскому народу, но могли бы поколебать всѣ основныя его политическія воззрѣнія и внести въ нихъ полную смуту, послѣдствіе коей трудно и предвидѣть. Равнымъ образомъ, представляется далеко несвоевременнымъ и высказываемое нѣкоторыми приверженцами старинныхъ формъ Россійскаго государства предположеніе о пользѣ образованія у насъ Земской Думы или Земскаго Собора. Наше время настолько удалилось отъ періода указываемой старинной формы представительства, по измѣнившимся понятіямъ и взаимнымъ отношеніямъ составныхъ частей русскаго государства и современному географическому его очертанію, что простое возсозданіе древняго представительства являлось бы трудно осуществимымъ и во всякомъ случаѣ опаснымъ опытомъ возвращенія къ прошедшему». Но что же надо предпринять? Лорисъ-Меликовъ проектировалъ сгруппировать матеріалъ, добытый тогда сенаторскими ревизіями и подвергнуть его разсмотрѣнію и обсужденію особыхъ «подготовительныхъ комиссій» изъ лицъ, выбранныхъ правительствомъ и имъ же назначенныхъ чиновниковъ, а также изъ «приглашенныхъ съ Высочайшаго соизволенія свѣдующихъ и благонадежныхъ служащихъ и неслужащихъ лицъ, извѣстныхъ своими спеціальными трудами въ наукѣ или опытностью по разнымъ отраслямъ государственнаго управленія и народной жизни». И вотъ такого-то рода комиссіямъ проектировалось поручить «соста-

вленіе законопроектовъ въ тѣхъ предѣлахъ, кои будутъ указаны Высочайшею волею». Законопроекты эти должны были быть направлены въ «Общую Комиссію», которая и являлась россійскимъ парламентомъ. Въ этой комиссіи предсѣдатель долженъ былъ утверждаться Государемъ, а составъ его предполагался такой: 1) предсѣдатели и члены подготовительныхъ комиссій, 2) гласные и другія лица, избранныя губернскими земскими собраніями и думами большихъ городовъ и 3 назначенныя особымъ порядкомъ представители тѣхъ губерній, въ которыхъ не было земскихъ учрежденій.

Вотъ, собственно говоря, и вся Лорисъ-Меликовская «конституція». По нѣкоторымъ даннымъ можно судить, что самъ авторъ сознавалъ всю несостоятельность такого представительства, но во всякомъ случаѣ оно безусловно не могло удовлетворить земскую партію, что и выяснилось въ 1881 году, тотчасъ послѣ смерти императора Александра II [1]).

«Изъ полицейскихъ разслѣдованій 1882 года» видно, что событіе 1-го марта 1881 г. вызвало усиленную дѣятельность «Земскаго Союза». Члены его, спѣшно съѣхавшись въ Харьковъ, въ количествѣ 30-ти человѣкъ, выработали и отлитографировали программу, названную «Программою Земскаго Союза 1881 г.». Основные пункты ея были таковы: 1) отрицаніе террора правительственнаго и революціоннаго, 2) упраздненіе подушной подати и уравненіе налоговъ, податей и повинностей, 3) децентрализація государственнаго управленія по общинамъ, волостямъ, уѣздамъ и областямъ, 4) центральное народное представительство («Государственная Дума»), въ смыслѣ полноправнаго законодательнаго органа, избраннаго всеобщимъ голосованіемъ и прямо упраздняющаго самодержавіе [2]).

---

[1]) Извѣстный Левъ Тихомировъ въ своей брошюрѣ «Конституціоналисты въ эпоху 1881 г.» (Москва, 1895 г.) не находитъ словъ для выраженія негодованія на земцевъ за энергію, проявленную ими въ это время. «Нѣтъ, кажется, ни одного вопроса,—говоритъ онъ,—къ которому бы они не придрались для заявленія о необходимости созыва народныхъ представителей. Политику приплели даже къ поднятому тогда вопросу о народномъ продовольствіи».

[2]) Полная программа «Земскаго Союза» детальнѣйшимъ образомъ касалась всѣхъ сторонъ государственнаго и мѣстнаго широкаго самоуправленія, основанныхъ на всеобщемъ избирательномъ правѣ. Центральное Управленіе, по этой программѣ, должно было сосредоточиваться въ двухъ «Думахъ». Государственной и Союзной. Первая, избираемая всеобщей подачей голосовъ, имѣла своимъ назначеніемъ законодательную дѣятельность, примѣняя къ внутреннему строительству и внѣшнимъ сношеніямъ государства начала братской взаимности, соціальной справедливости и свободы. Задача Союзной Думы, составленная изъ представителей областныхъ собраній, помимо законодательства совмѣстно съ Государственной Думой, состояла, главнымъ образомъ,

Земскія собранія конечно, не могли такъ откровенно высказываться, но, слѣдуя по стопамъ «Союза», въ рѣчахъ на собраніяхъ дѣлались довольно откровенные намеки.

Такъ въ Самарскомъ губернскомъ земскомъ собраніи гласные Ждановъ и Нудатовъ находили несвоевременнымъ ходатайствовать «о мелочахъ», а указать на необходимость «расширенія правъ народа и участіе его, въ лицѣ своихъ представителей, въ самоуправленіи всей страны». Особо избранная комиссія въ докладѣ Самарскому губернскому земскому собранію, между прочимъ говорила: «что значитъ образцовая и идеально справедливая раскладка десятковъ или сотенъ тысячъ земскихъ сборовъ передъ милліонами государственнаго налога?.. Въ силу полной разобщенности земскихъ учрежденій, ихъ изслѣдованія не могутъ получить государственнаго обобщенія, а слѣдовательно и настоящей силы въ глазахъ правительства». Но наиболѣе ярко выразилъ тогдашнее земское настроеніе вышеупомянутый губернскій гласный Нудатовъ въ Самарскомъ губернскомъ дворянскомъ собраніи 8 марта 1881 года. На предложеніе дворянина Теннякова, —

въ гарантіи интересовъ отдѣльныхъ областей и націй, входящихъ въ составъ Россіи. Обѣ эти палаты, пользуясь правомъ внутренняго распорядка, должны были собираться въ имъ назначенные сроки и засѣдать одновременно. Обѣ онѣ имѣютъ право запросовъ и выраженія довѣрія или недовѣрія отдѣльнымъ министрамъ и всему правительству. Всѣ законы, а также государственный бюджетъ, не утвержденные обѣими палатами, не имѣетъ обязательной силы. Пересмотръ конституціи могъ осуществиться лишь по взаимному соглашенію обѣихъ палатъ. Рѣшеніе вопроса о соотвѣтствіи или несоотвѣтствіи новыхъ законовъ Думы съ конституціею рѣшается кассаціоннымъ судомъ. Глава государства обязанъ, подъ отвѣтственностью министровъ, обнародовать законы, признанные кассаціоннымъ судомъ правильными. Нельзя не отмѣтить, что и партія Народной Воли пришла ко взглядамъ очень близкимъ къ земской партіи. Это можно видѣть изъ знаменитаго историческаго письма (отъ 10-го марта 1881 года) Исполнительнаго Комитета названной партіи къ Александру III, которое Марксъ и Энгельсъ назвали «положительно прекраснымъ по своей политичности и спокойному тону». «Оно»,—говорили далѣе отцы марксизма,—«доказываетъ, что въ рядахъ революціонеровъ находятся люди съ государственной складкой ума». Въ этомъ письмѣ, въ редактированіи котораго принималъ близкое участіе Н. К. Михайловскій, основными пунктами были: 1) Общая амнистія по всѣмъ политическимъ преступленіямъ прошлаго времени, такъ какъ это были не преступленія, но исполненіе гражданскаго долга и 2) Созывъ представителей отъ всего русскаго народа для пересмотра существующихъ формъ государственной и общественной жизни и передѣлки ихъ сообразно съ народными желаніями». Затѣмъ далѣе, какъ и въ программѣ «Земскаго Союза», выработанной еще въ 1879 году,—о которой мы говорили выше,—въ письмѣ къ Александру III говорится о необходимости свободы: выборовъ, печати, слова сходокъ и избирательныхъ программъ.

обсудить мѣры, которыя могли бы предотвратить событія 1 марта 1881 года,—Нудатовъ сказалъ: «Эту въ высшей степени трудную задачу могутъ разрѣшить только свободно избранные представители всѣхъ сословій... Я уже старъ и на склонѣ дней моихъ я люблю свою родину и желаю ей счастья и славы. Но, ради блага отечества, ради счастья дѣтей нашихъ, говорю вамъ, что смута, вотъ уже два года терзающая Русскую землю, можетъ быть устранена только общими усиліями всѣхъ свободно избранныхъ представителей народа. Только они могутъ обсудить мѣры, которыя дали бы миръ и спокойствіе нашей несчастной родинѣ». Сказавъ это, старикъ отъ волненія упалъ на стулъ. Слезы душили его. Раздался громъ апплодисментовъ и крикъ: «вѣрно»! «правда»! И самарское губернское дворянское собраніе сдѣлало мужественное постановленіе: «послать адресъ съ ходатайствомъ о созывѣ избранныхъ представителей народа». Въ Новгородскомъ губернскомъ земскомъ собраніи гласный Нечаевъ, о которомъ мы уже говорили, точно также доказывалъ необходимость, чтобы правительство выслушало «свободный голосъ русскаго народа»; въ Таврическомъ губернскомъ земскомъ собраніи гласный Винбергъ говорилъ, что «только весь народъ, въ лицѣ его истинныхъ представителей, въ состояніи указать на средство спасенія Россіи отъ бѣдствій, грозящихъ расшатать ея крѣпкій организмъ. Намъ же остается только стремиться, чтобы голосъ народа былъ заслушанъ».

Въ другихъ земствахъ проводились тѣ же конституціонныя мысли подъ разными видами. Тверское земское собраніе, указывая на событія 1-го марта, говорило въ адресѣ, что «въ непосредственномъ единеніи земскихъ людей и верховной власти русскій Царь и народъ всегда пріобрѣтали могучую, неодолимую силу; Казанское собраніе выражало надежду на «завершеніе великаго дѣла обновленія государства», начатаго Александромъ II и т. д. и т. д.

Но «Земскій Союзъ» недоволствовался дѣятельностью въ однихъ земскихъ собраніяхъ и на съѣздахъ. Онъ рѣшилъ въ 1881 году издавать свой органъ за границей. Земцы вступили въ переговоры съ извѣстнымъ эмигрантомъ, профессоромъ Кіевскаго университета М. П. Драгомановымъ, оставившимъ Россію въ 1876 году, который и сдѣлалъ земскимъ органомъ издававшееся имъ «Вольное Слово», сначала служившее для всѣхъ оппозиціонныхъ партій, кромѣ террористической.

Въ то же время бюрократія, также воспользовавшись событіемъ 1-го марта, рѣшила устроить шлюзъ и закупорить всякое освободительное теченіе, поставивъ крестъ даже надъ Лорисъ-Меликовскою конституціею. Черезъ недѣлю послѣ смерти императора Александра II,

именно 8-го марта 1881 года, состоялось знаменитое «погребальное», если можно такъ выразиться, засѣданіе государственнаго совѣта, подъ предсѣдательствомъ новаго Императора Александра III. Главнымъ предметомъ обсужденія былъ проектъ Лорисъ-Меликова. Засѣданіе открылося рѣчью Императора, который, изложивъ въ общихъ чертахъ исторію этого проекта, просилъ членовъ совѣта откровенно высказаться о немъ, сдѣлавъ при этомъ довольно ясный намекъ, что проектъ еще не былъ утвержденъ, а потому вопросъ о немъ остается открытымъ. Такое заявленіе, понятно, ободрило представителей реакціи и отняло всякую надежду у сторонниковъ Лорисъ-Меликова. Только графъ Милютинъ болѣе или менѣе стойко защищалъ его проектъ, другіе же, какъ великій князь Константинъ Николаевичъ, графъ Валуевъ, Сольскій, Абаза и нѣкоторые другіе говорили болѣе осторожно. Но за то Маковъ и особенно оберъ-прокуроръ Св. Синода произнесли громовые рѣчи противъ «куцой» Лорисъ-Меликовской конституціи. Послѣдній, «блѣдный какъ полотно», говорилъ, что у него «сжимается сердце» при одной мысли объ осуществленіи проекта Лорисъ-Меликова. Если бы это случилось, то, какъ предъ гибелью Польши говорили—«Finis Poloniae», такъ, въ случаѣ осуществленія плановъ Лорисъ-Меликова пришлось бы воскликнуть—«Finis Russiae»! Всероссійскій мракобѣсъ не преминулъ при этомъ охаять земскія и городскія учрежденія, и суды, вообще всѣ реформы предшествующаго царствованія. Земскія и городскія учрежденія—это, по мнѣнію Побѣдоносцева,—«говорильни, въ которыхъ не занимаются дѣйствительнымъ дѣломъ, а разглагольствуютъ вкривь и вкось о самыхъ важныхъ государственныхъ вопросахъ, вовсе не подлежащихъ вѣдѣнію говорящихъ. И кто же разглагольствуетъ? Кто орудуетъ въ этихъ говорильняхъ? Люди негодные, безнравственные, между которыми видное положеніе занимали лица, не жившія съ своими семьями, предающіяся разврату, помышляющія лишь о личной выгодѣ, пщущія популярности и вносящія во все всякую смуту». Суды—это тоже «говорильни, говорильни адвокатовъ, благодаря которымъ самыя ужасныя преступленія, несомнѣнныя убійства и другія тяжкія злодѣянія остаются безнаказанными». Свобода печати—это «самая ужасная говорильня, которая во всѣ концы необъятной русской земли, на тысячи, десятки тысячъ верстъ разноситъ хулу и порицаніе на власть, посѣваетъ между людьми мирными и честными сѣмена раздора и неудовольствія, разжигаетъ страсти, побуждаетъ народъ къ самымъ вопіющимъ беззаконіямъ». Закончилъ Побѣдоносцевъ рѣчь свою тѣмъ, что и убійство Александра II явилось результатомъ того, что «всѣ мы» такъ «легко смотрѣли на совершавшееся вокругъ насъ»...

«Всѣ мы должны каяться!»—«Сущая правда,—соглашался съ Побѣдоносцевымъ Александръ III,—всѣ мы виноваты, я первый обвиняю себя».

Проектъ Лорисъ-Меликова былъ проваленъ, и дни автора его были сочтены. Черезъ два съ небольшимъ мѣсяца послѣ этого засѣданія, именно 29 апрѣля, былъ обнародованъ манифестъ императора Александра III. 4 мая была принята отставка Лорисъ-Меликова, мѣсто котораго занялъ графъ Игнатьевъ. Въ манифестѣ 29 апрѣля, между прочимъ, говорилось: «Посвящая себя великому нашему служенію, Мы призываемъ всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ Нашихъ служить Намъ и Государству вѣрой и правдой, къ искорененію гнусной крамолы, позорящей землю Русскую,—къ утвержденію вѣры и нравственности, къ доброму воспитанію дѣтей, къ истребленію неправды и хищенія, къ водворенію порядка и правды въ дѣйствіи учрежденій, дарованныхъ Россіи Благоустроителемъ ея, возлюбленнымъ Нашимъ Родителемъ».

Въ то время никто, конечно, не зналъ о засѣданіи государственнаго совѣта 8 марта и о похоронахъ «конституціи» Лорисъ-Меликова, а потому въ словахъ «къ водворенію порядка и правды въ дѣйствіи учрежденій» Императора Александра III видѣли нѣкоторый намекъ на продолженіе реформъ прошлаго царствованія. Такое мнѣніе еще болѣе утвердилось послѣ опубликованія циркуляра графа Игнатьева, который утверждалъ, что не только права, дарованныя дворянству, земству и городскимъ сословіямъ «останутся, согласно высочайшей волѣ, въ полной неприкосновенности», но что «правительство приметъ безотлагательныя мѣры, чтобы установить правильные способы, которые обезпечивали бы наибольшій успѣхъ живому участію мѣстныхъ дѣятелей въ дѣлѣ исполненія высочайшихъ предначертаній».

Воспользовавшись этимъ манифестомъ и циркуляромъ, земства, подъ разными предлогами и въ разныхъ формахъ, опять настаивали на необходимости выборнаго представительства.

Такъ, Черниговское губернское земское собраніе въ отвѣтномъ адресѣ на манифестъ, между прочимъ, говорило, что истина самодержавной власти «сдѣлается осязательнѣе и очевиднѣе для всего нашего отечества, когда Ты, Государь, войдешь въ непосредственное общеніе съ землей черезъ излюбленныхъ людей ея».

Тверское губернское земское собраніе въ 1881 г. заявило, что «никакія, какъ частныя, такъ и общія мѣропріятія или реформы не могутъ достигнуть цѣли, поставленной властью безъ предварительнаго разсмотрѣнія этихъ реформъ выборными представителями всей русской земли».

Новгородская губернская земская управа полагала необходимымъ заявить правительству, что «земство, при настоящихъ условіяхъ своей дѣятельности не можетъ принять участія въ борьбѣ правительства съ противообщественными элементами и въ преслѣдованіи задачъ, намѣченныхъ въ циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ, такъ какъ вопросъ о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ общество можетъ оказать правительству желаемое содѣйствіе, безусловно необходимое для достиженія народнаго благоденствія, можетъ получить правильное разрѣшеніе лишь при участіи въ его разсмотрѣніи уполномоченныхъ отъ земскихъ учрежденій, выбранныхъ земствомъ спеціально для этой цѣли».

Череповецкое, новгородской губерніи, земское собраніе заявило, что преобразованіе мѣстныхъ учрежденій «возможно будетъ лишь тогда, когда земствамъ предоставятъ не только право дать свои отдѣльныя письменныя заключенія, но когда представители всѣхъ земствъ получатъ возможность объединить и согласовать заключенія... Если окончательная разработка этого вопроса будетъ возложена на бюрократическіе органы правительства, то весьма вѣроятно, что вниманіе будетъ обращено на тѣ изъ рѣшеній, которыя ближе подходятъ къ видамъ и взглядамъ этихъ органовъ, чѣмъ большинства земствъ».

Вообще, какъ писалъ Драгомановъ въ заграничномъ земскомъ «Вольномъ Словѣ», заявленія земствъ, поступившія въ то время къ министру внутреннихъ дѣлъ, вполнѣ соотвѣтствовали той программѣ самоуправленія, которая выставлена была названнымъ органомъ.

Но скоро заявленія земствъ о содѣйствіи правительству были прекращены, опубликованія земскихъ постановленій по этому вопросу воспрещены, и вмѣсто всего этого было рѣшено вызывать «свѣдущихъ людей» по усмотрѣнію и назначенію правительства.

Они были призваны, кажется, въ маѣ 1881 года. Говоримъ, «кажется», потому что засѣданія ихъ были окружены такою таинственностью, что лишь въ сентябрѣ 1881 года изъ статьи Колюпанова, напечатанной въ «Русской Мысли», стало извѣстнымъ, что первая комиссія «свѣдущихъ людей» еще въ іюнѣ закончила свои занятія. Они приглашены были сначала для совѣщанія по вопросу о положеніи выкупныхъ платежей, затѣмъ—по питейному и переселенческому. При открытіи второго совѣщанія министръ внутреннихъ дѣлъ заявилъ, что «земскіе свѣдующіе люди приглашены для того, чтобы самые жизненные вопросы страны не были рѣшаемы безъ выслушанія мѣстныхъ дѣятелей, хорошо знакомыхъ съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла». Изъ числа 32 лицъ второго призыва большинство не занимало никакихъ выборныхъ дол-

жностей и изъ нихъ болѣе или менѣе извѣстныхъ общественныхъ дѣятелей насчитывали около 11 человѣкъ, какъ Гордѣенко, Колюпановъ и нѣкоторые другіе. По докладамъ министра внутреннихъ дѣлъ графа Игнатьева отъ 4 сентября и 20 октября 1881 года, въ ноябрѣ того же года была Высочайше утверждена, подъ предсѣдательствомъ статсъ. секретаря Каханова, особая комиссія для составленія проектовъ мѣстнаго самоуправленія, которая должна была замѣнить собою существовавшую съ 1859 г. при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ комиссіи о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ. Въ составъ ея вошли и сенаторы,—Ковалевскій, Половцевъ, Мордвиновъ и Шамшинъ,—производившіе ревизію въ лорисъ-меликовскій періодъ, и представители министерства, преимущественно товарищи министровъ. Кромѣ того, предсѣдателю комиссіи, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, предоставлено было приглашать «мѣстныхъ свѣдущихъ людей». На эту комиссію, получившую названіе «Кахановской»,—возложена была выработка законопроектовъ о преобразованіи губернскихъ и уѣздныхъ административныхъ учрежденій, а также соотвѣтственныхъ измѣненій учрежденій: земскихъ, городскихъ и крестьянскихъ. 22 января 1882 года состоялось засѣданіе комиссіи для окончательнаго разсмотрѣнія программъ, а 16 апрѣля онѣ были Высочайше утверждены, при чемъ изъ сферы компетенціи комиссіи были изъяты дѣла о государственныхъ преступленіяхъ и другія, подвѣдомственныя жандармамъ, а также—касающіяся сословій. Послѣ утвержденія плана работъ предсѣдатель комиссіи выдѣлилъ «Особое совѣщаніе» изъ нѣсколькихъ лицъ, которыя, «ничего не предрѣшая», намѣчали общія основанія реформъ, пользуясь матеріалами, добытыми ревизіями вышеназванныхъ сенаторовъ, а также земскими отвѣтами по вопросамъ самоуправленія.

Земцы, несмотря на «предупредительныя мѣры», принятыя правительствомъ, высказали рѣзкій протестъ противъ «фальсификаціи народнаго представительства». Бессарабское, Владимірское, Казанское Калужское, Костромское, Новгородское, Петербургское, Полтавское, Псковское, Смоленское, Харьковское и Херсонское губернскія земскія собранія отказались признать «свѣдущихъ людей» компетентными и уполномоченными рѣшать вопросы мѣстнаго самоуправленія.

Такое отношеніе земства къ свѣдущимъ людямъ и «Кахановской комиссіи», въ которой правительство, совмѣстно съ славянофилами и реакціонерами, видѣло единственно допустимую форму представительства, послужило предлогомъ для окончательнаго уничтоженія ненавистнаго бюрократіи мѣстнаго самоуправленія, неослабно стремившагося расширить рамки до народнаго представительства.

Съ цѣлью совершенно «укротить» земство и сокрушить крамолу, 30 мая 1882 года былъ призванъ удаленный Лорисъ-Меликовымъ графъ Д. А. Толстой. Тогда составился ужасающій тріумвиратъ, въ руки котораго отдана была Россія: редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей» М. Н. Катковъ, этотъ хамелеонъ, всю жизнь мѣнявшій свои взгляды, ханжа и фанатикъ реакціи оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода К. П. Побѣдоносцевъ и мрачный, ненавидимый всѣми бюрократъ Д. А. Толстой, о которомъ мы уже не разъ говорили. Послѣдній сдѣланъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ и, при помощи упомянутыхъ товарищей, немедленно принялся за систематическое уничтоженіе малѣйшаго проявленія всякой живой мысли.

По отношенію къ земству онъ, конечно, проявилъ самую усердную дѣятельность [1]).

На земскія учрежденія начались систематическія гоненія [2]) и примѣнялись самыя крутыя расправы, какъ только то или иное земство выходило изъ намѣченныхъ рамокъ. Череповецкое, Новгородской гу-

---

[1]) Усиленный надзоръ за провозомъ печатнаго слова изъ-за-границы заставилъ земцевъ въ маѣ 1883 года прекратить изданіе «Вольнаго Слова»; одновременно пріостановилъ свою дѣятельность и «Земскій Союзъ», или, вѣрнѣе, ушелъ въ подполье. По крайней мѣрѣ въ томъ же 1883 году въ тайной типографіи было напечатано «воззваніе» «отъ группы русскихъ конституціоналистовъ», которая вѣроятнѣе всего образовалась изъ земской среды, если это не былъ тотъ же самый «Земскій Союзъ». Въ этомъ воззваніи, между прочимъ, говорилось: «мы не сочувствуемъ средствамъ, къ которымъ прибѣгаетъ террористическая группа русской соціально-революціонной партіи, и вступаемъ на борьбу съ правительствомъ только путемъ пропаганды нашихъ убѣжденій, но мы не можемъ, по совѣсти, не осуждать рядъ насилій и преступленій вызванныхъ дикимъ, безжалостнымъ, вѣковымъ насиліемъ самого правительства. Это правительство употребляетъ подкупъ, тюрьму, кандалы и висѣлицу, чтобъ . . . . . чтобы задушить свободную мысль, чтобы не дать отчета обществу въ невѣроятномъ грабежѣ народнаго имущества». Далѣе въ «воззваніи» говорилось: «правительство все больше и больше разоряетъ народъ, оно все позорнѣе и позорнѣе держитъ себя въ вопросахъ международной политики, падая ницъ передъ Бисмаркомъ, заискивая расположенія испытаннаго врага свободы и просвѣщенія—папскаго престола. Славянскія племена, для освобожденія которыхъ пролито столько русской крови, потрачено столько средствъ, отворачиваются отъ насъ, благодаря политикѣ нашего правительства, вездѣ отстаивающаго «священныя основы» . . . . . хищничества и «тихаго безмолвнаго житья». Пора проснуться русскому обществу, пора выступить съ открытымъ протестомъ противъ мрачнаго и безсовѣстнаго произвола, который обратилъ въ гнусную казарму русскую школу, уродуя нашихъ дѣтей, сжимая, заглушая у нихъ всякій проблескъ самостоятельной мысли и твердыхъ убѣжденій».

[2]) Въ этомъ гоненіи большую помощь названному тріумвирату оказывалъ Левъ Тихомировъ, бывшій террористъ, замѣшанный въ дѣлѣ 1-го марта. Онъ

берніи, земство было, напримѣръ, совершенно раскассировано и замѣнено «правительственною комиссіею», вслѣдствіе заявленія Новгородскаго губернатора во всеподданнѣйшемъ отчетѣ, что названное земство устраиваетъ «систематическую оппозицію правительству».

Но репрессіи не помогали: то и дѣло губернаторы доносили о «вредномъ направленіи» земствъ, и на всеподданнѣйшемъ, напримѣръ, отчетѣ Вятскаго губернатора о вятскомъ земствѣ, въ 1887 году, т.-е. черезъ 5 лѣтъ послѣ назначенія Толстого, Александръ III дѣлаетъ отмѣтку: «Печально», «Почти вездѣ тоже самое».

Слѣдовательно надо было изобрѣсть другія, еще болѣе крутыя мѣры.

И графъ Толстой рѣшилъ предпринять ихъ, покончивъ съ земствомъ совершенно, вовсе уничтоживъ его.

Онъ составилъ проектъ «новаго» земскаго положенія.

Какъ и слѣдовало ожидать, въ этомъ своемъ проектѣ графъ Толстой поставилъ крестъ надъ Положеніемъ 1864 года. Вмѣсто земскихъ управъ, какъ исполнительныхъ органовъ собраній гр. Толстой проектировалъ правительственныя комиссіи—земскія присутствія. Земскія собранія превращались въ совѣщанія свѣдующихъ людей при губернаторахъ. Всѣ, безъ всякаго исключенія, постановленія земствъ, по мысли гр. Толстого, требовали правительственной санкціи. Въ іерархическомъ отношеніи земства совершенно подчинялась администраціи и лишены были даже права обжаловать въ сенатъ дѣйствія административныхъ властей.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эта «реформа» всесильнаго временщика прошла бы цѣликомъ, но въ 1889 году гр. Толстой умеръ, а государственный совѣтъ выработалъ, собственно говоря, новый проектъ земской реформы, хотя и значительно рознящійся отъ Положенія 1864 года, но все же съ нѣкоторыми признаками земскаго самоуправленія.

избавился отъ смертной казни, несомнѣнно, лишь потому, что бѣжалъ за границу, гдѣ долгое еще время продолжалъ свою революціонную дѣятельность въ качествѣ редактора «Вѣстникъ Народной Воли», но съ 1888 года онъ сдѣлалъ рѣзкій поворотъ вправо, получивъ возможность возвратиться въ Россію, и сдѣлался сотрудникомъ Каткова въ Московскихъ Вѣдомостяхъ.

III.

Первая половина 90-хъ годовъ.

Хотя Положеніе 12 іюня 1890 года далеко отличалось отъ проекта гр. Толстого, но, придавъ сословную дворянскую окраску, усиливъ опеку губернаторовъ и сдѣлавъ предсѣдателей и членовъ управъ чиновниками, правительство полагало, что тѣмъ самымъ оно введетъ земскія учрежденія въ желательное для него русло—превратитъ въ совѣщательные органы по мѣстнымъ дѣламъ и спаяетъ, такъ сказать, земство съ администраціей, отдавъ всѣ преимущества послѣдней. Раздумье общества послѣ 1 марта 1881 года, исканіе новыхъ путей, сопровождавшееся временнымъ затишьемъ на поверхности общественной жизни, бюрократія приняла за полное и вѣчное «успокоеніе». Мы говоримъ «затишье на поверхности общественной жизни» потому, что въ глубинѣ ея шла дѣятельная работа, сильно бился пульсъ, но правительство не знало этого и не могло знать. Оно имѣло дѣло лишь съ типами Чехова, который также не проникъ въ глубину жизни населенія и не видѣлъ, что подъ пошлою поверхностью ключемъ бьетъ иное теченіе, которое, вскорѣ послѣ смерти его, проявилось наружу и быстро снесло сѣрую накипь, образовавшуюся въ царствованіе Александра III, такъ художественно изображенную въ произведеніяхъ Чехова.

Никакія гоненія и репрессіи на самомъ дѣлѣ не могли убить душу живу.

Энергичная освободительная работа шла и въ земствѣ.

Является вопросъ, какимъ образомъ она могла тамъ проявиться при Положеніи 12 іюня 1890 года.

Самую существенную и важную роль въ земскомъ движеніи сыграла безсословная, внѣклассовая русская интеллигенція, которая вообще была основнымъ и, пожалуй, единственнымъ элементомъ жизнедѣятельности страны до самаго того момента, когда на арену русской жизни не выступили широкія массы населенія.

Вся эта земская интеллигенція, этотъ «третій элементъ», постоянно сталкивался на поприщѣ земскаго дѣла, вслѣдствіе чего, мало по малу, образовалась довольно тѣсная связь всѣхъ интеллигентныхъ земскихъ профессій. Кромѣ того, при посредствѣ земской интеллигенціи, земство сближалось съ лучшими представителями науки и

литературы. Земскіе агрономы, статистики, врачи пользовались большимъ вниманіемъ выдающихся профессоровъ, которые, симпатизируя земскому дѣлу, готовно оказывали всяческую помощь своимъ бывшимъ воспитанникамъ и нерѣдко принимали горячее участіе въ ихъ работахъ. Затѣмъ, лучшая пресса охотно открывала свои столбцы и страницы для земской интеллигенціи, которая давала богатѣйшій и жизненный матеріалъ для науки и литературы. Въ этомъ отношеніи,—скажемъ здѣсь къ слову,—особенную, можно сказать,—историческую, роль сыграли «Русскія Вѣдомости», сослужившія великую незабвенную службу земскому дѣлу [1]).

Такимъ образомъ, вокругъ земства сгруппировалась почти вся лучшая, наиболѣе энергичная, демократически настроенная интеллигенція, которая, съ одной стороны, въ лицѣ, напримѣръ, сельскихъ учителей и врачей и т. д., связывала земство непосредственно съ народомъ, а съ другой — съ высшими интеллектуальными сферами, съ наукой и литературой, съ различными обществами, какъ, напримѣръ, Московское Юридическое или Импер. Вольно-Экон. Общество. Получилась громадная сила, прочная организація, если не связанная никакою программою, то проникнутая единымъ стремленіемъ — вывести народъ изъ тьмы, невѣжества, бѣдности и произвола къ свѣту, свободѣ и матеріальному обезпеченію.

Къ моменту введенія «новаго» земскаго Положенія 12 іюня 1890 года земскія интеллигентныя силы были уже въ полномъ расцвѣтѣ. Гоненія въ теченіе первыхъ десяти лѣтъ Царствованія Але-

---

[1]) «Русскія Вѣдомости» начали выходить въ свѣтъ съ 3 сентября 1863 года, но авторитетное значеніе и широкая популярность газеты проявились, собственно говоря, съ 1882 года, когда во главѣ ея сталъ бывшій профессоръ Ярославскаго лицея В. М. Соболевскій. Въ 1883 году «Русскія Вѣдомости» сдѣлались достояніемъ литературнаго товарищества, въ составъ котораго, кромѣ В. М. Соболевскаго, вошли еще такія крупныя научно-литературныя силы, какъ профессора: А. С. Посниковъ, А. И. Чупровъ, Д. Н. Анучинъ; затѣмъ—В. Ю. Скалонъ, Г. А. Джаншіевъ, П. И. Бларамбергъ, и др. Не говоря уже о выдающихся писателяхъ и ученыхъ, которые принимали участіе въ газетѣ (Л. Н. Толстой, Г. И. Успенскій, В. Г. Короленко, А. П. Чеховъ, С. Я. Елпатьевскій, М. Е. Салтыковъ-Щедринъ, Н. К. Михайловскій, П. Н. Милюковъ, В. Е. Якушкинъ, Г. Б. Іоллосъ и многіе др.); въ ней принимали участіе выдающіеся выборные земскіе дѣятели и «третій элементъ». «Русскія Вѣдомости» по преимуществу можно было въ то время назвать органомъ земскимъ и русской интеллигенціи. Въ общемъ, однако, и вся прогрессивная печать являлась выразительницею идеаловъ русскаго интеллигентнаго общества. Нельзя не отмѣтить крупнаго значенія такихъ органовъ, какъ «Вѣстникъ Европы», «Русская Мысль», «Русское Богатство» «Право» и др.

ксандра III, съ 1881 по 1890 годъ включительно, не только не разгромили эту силу, а, какъ разъ наоборотъ, сплотили ее, какъ сплачиваютъ всякія гоненія. Земская «реформа» 1890 г., въ сущности говоря, непосредственно не трогала «третьяго элемента». Положеніе 1890 года стремилось, главнымъ образомъ, отдать земство въ руки дворянства и администраціи, т.-е. изъ всесословнаго земства сдѣлать сословное, дворянско-бюрократическое, но оно не уничтожило земскихъ функцій, немыслимыхъ безъ помощи интеллигенціи. Остались статистика, агрономія, школы, больницы и т. д. Мало этого «реформа» 1890 года, пожалуй, даже способствовала упроченію земской интеллигенціи, расширяла сферу ея дѣятельности.

Уже въ 1891—1892 году стали проявляться открытая связь земской служилой интеллигенціи съ выборнымъ земствомъ, стремленіе земствъ къ единенію и совершенно оппозиціонное отношеніе земскихъ учрежденій къ правительству. Выяснилось это на вопросѣ о народномъ продовольствіи, обострившемся, вслѣдствіе сильнаго въ эти годы неурожая, повлекшаго за собою голодъ и холеру.

Земство проявило въ это время большую энергію, предоставивъ во многихъ губерніяхъ главную роль земской интеллигенціи и, преимущественно, статистикамъ. Этотъ еле терпимый правительствомъ элементъ сталъ разъѣзжать по деревнямъ, собирать свѣдѣнія о размѣрахъ продовольственной нужды, опровергать данныя, представляемыя земскими начальниками и даже, какъ это было, напримѣръ, въ нижегородскомъ земствѣ,—закупать хлѣбъ для голодающихъ. Въ то же время земскіе врачи, учителя, приглашенные студенты и интеллигенція вообще стали устраивать столовыя, продовольственные пункты и т. д.

Правительство выходило изъ себя. Только что стало дѣйствовать «новое» положеніе, задачи котораго сводились къ подчиненію земства администраціи, и вдругъ это земство выступаетъ передъ населеніемъ въ первой роли, да еще выдвигаетъ и третій элементъ, способный, по мнѣнію бюрократіи, лишь къ производству смуты. И вотъ министерство внутреннихъ дѣлъ, во главѣ котораго стоялъ тогда статсъ-секретарь П. Н. Дурново, входитъ въ Государственный Совѣтъ съ объяснительною запискою, въ которой доказываетъ всю несостоятельность земства въ дѣлѣ народнаго продовольствія. Министерство доказываетъ, что за земскими собраніями невозможно оставить распорядительную власть въ дѣлѣ продовольствія, а слѣдуетъ на ряду съ земскими управами привлечь административные органы, подчинивъ тѣ и другіе власти губернаторовъ. Для этого проектируется при хозяйственномъ департаментѣ министерства внутреннихъ дѣлъ образовать особый продовольственный отдѣлъ, а въ губерніяхъ учредить

должности непремѣнныхъ членовъ губернскихъ присутствій и усилить личный составъ земскихъ начальниковъ. Для этого министерскаго изобрѣтенія требовалось увеличеніе государственной смѣты на 300,000 руб., помимо содержанія новаго штата земскихъ начальниковъ.

Въ самомъ началѣ 1892 г. министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ на эту тему разосланъ циркуляръ, чтобы выслушать мнѣніе продовольственныхъ комиссій.

Объ одной изъ такихъ комиссій, именно Нижегородской, мы и сообщимъ болѣе подробныя свѣдѣнія. Замѣчательна эта комиссія тѣмъ, что во главѣ ея стоялъ умный и честолюбивый тогдашній Нижегородскій губернаторъ извѣстный Н. М. Барановъ, употреблявшій всѣ усилія скомпрометтировать земство и передать народное продовольствіе въ руки правительства, а на сторонѣ земства стояли такія лица, какъ извѣстный статистикъ, завѣдывавшій тогда Нижегородскимъ статистическимъ бюро Н. Ф. Анненскій и извѣстный писатель В. Г. Короленко.

Засѣданіе нижегородской продовольственной комиссіи, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, происходило 27-го мая 1892 года. Предсѣдатель ея, губернаторъ Н. М. Барановъ, открывая засѣданіе, сказалъ, что, «приступая къ исполненію данной министромъ внутреннихъ дѣлъ задачи—выработать отвѣты на вопросы, поставленные его превосходительствомъ,—комиссія наша постановила: помощью печати и отдѣльныхъ писемъ, постараться какъ можно болѣе огласить распоряженіе министра, съ цѣлью вызвать наибольшее количество отвѣтовъ и мнѣній. Затѣмъ была образована особая подкомиссія для разсмотрѣнія, группировки этихъ мнѣній и составленія по нимъ проекта доклада собранію губернской комиссіи». Сообщивъ далѣе о работахъ подкомиссіи, Барановъ въ концѣ рѣчи своей сказалъ: «Къ сожалѣнію В. Г. Короленко, членъ подкомиссіи, не участвовалъ въ ея занятіяхъ, былъ въ это время въ уѣздѣ. Передать его отдѣльное мнѣніе на предварительное обсужденіе подкомиссіи, въ виду краткости срока, остающагося до представленія въ министерство нашего мнѣнія, мы не можемъ, и потому я просилъ бы собраніе, игнорировавъ постановленіе подкомиссіи, полностью обсудить вопросъ, поднимаемый В. Г. Короленко».

Послѣдній послѣ этого прочелъ свой замѣчательный по обстоятельности и глубокому анализу докладъ.

Н. Ф. Анненскій въ чисто дѣловыхъ вѣскихъ замѣчаніяхъ талантливо защищалъ земство и разбивалъ вдребезги всѣ бюрократическія поползновенія. Трудно было болѣе ясно и подробно изло-

жить сущность продовольственнаго дѣла, чѣмъ это сдѣлали оба выдающіеся представители русской интеллигенціи, но въ то же время ихъ взгляды совершенно расходились съ вожделѣніями бюрократіи, стремившейся во что бы то ни стало изъять продовольствіе изъ рукъ земства.

Поэтому предложеніе Короленко и Анненскаго даже не баллотировали, а просто «приложили» къ журналу.

Фактически съ 1892 г. народное продовольствіе, при большомъ содѣйствіи Баранова, перешло въ руки бюрократіи, а въ результатѣ появился генералъ Анненковъ [1]). О дѣяніяхъ его въ книгѣ профессора И. Х. Озерова,— «Какъ расходуются въ Россіи народныя деньги»,—находимъ, между прочимъ, такія свѣдѣнія. Министръ внутреннихъ дѣлъ Дурново 28 ноября 1891 г. испросилъ Высочайшее соизволеніе на изъятіе отчетности расходовъ на общественныя работы отъ общеустановленной документальной ревизіи, съ представленіемъ утвержденія этихъ расходовъ особому совѣщанію безъ посредства какихъ-либо органовъ... Появились, конечно, перерасходы, и часть расходовъ не могла быть оправдана документами. Государственный контролеръ обратилъ сумму въ 134.000 руб. въ начетъ на генерала Анненкова, завѣдывавшаго общественными работами, на которыя въ 1892 г. отпущено было 15.700.000 руб. При производствѣ этихъ работъ генераломъ Анненковымъ были совершены такія дѣйствія, за которыя, по закону, полагается лишеніе всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ и ссылки на житье въ Сибирь. Но для Анненкова дѣло закончилось лишь Высочайшимъ выговоромъ и то безъ опубликованія. Скоро этотъ генералъ умеръ, а уполномоченные при работахъ тщетно старались объяснить, куда уплыли трудовые народные деньги. Въ концѣ концовъ, дѣло было «прекращено», а между тѣмъ впослѣдствіи выяснилось, что не хватаетъ еще и еще сотенъ тысячъ рублей... Таковы были дѣянія безконтрольной бюрократіи въ продовольственныхъ дѣлахъ. Она совершенно компрометтировала правительство, но послѣднее знать ничего не хотѣло и способствовало тому, что въ наше уже время явились Гурко-Лидваль-Фредериксъ и коменданты, какъ наглядное доказательство «преимуществъ» чиновничьяго управленія надъ земскимъ, общественнымъ.

Земство, конечно, энергично протестовало противъ захвата дѣла народнаго продовольствія, но правительство упорно стояло на

---

[1]) Скажемъ къ слову, что въ 1892 году для борьбы съ голодомъ былъ учрежденъ особый комитетъ для помощи нуждающимся, подъ предсѣдательствомъ Наслѣдника цесаревича, и особое совѣщаніе изъ трехъ министровъ, подъ предсѣдательствомъ А. А. Абазы, для организаціи общественныхъ работъ

своемъ, задавшись цѣлью, какъ увидимъ ниже, путемъ «частичныхъ измѣненій», низвести положеніе 1890 года до уровня проекта графа Толстого, т.-е., иными словами,—раздѣлаться съ земскимъ самоуправленіемъ окончательно.

Въ 1893 году бюрократія сдѣлала покушеніе и на земскую статистику, и на медицину. 8 іюня 1893 года появились Высочайше утвержденныя правила объ оцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ, а 10 іюня лечебный уставъ. «Правила» стремились изъять изъ рукъ земства одну изъ важнѣйшихъ его функцій—обложеніе имуществъ, а цѣлью «устава» было—подчиненіе врачебнаго персонала правительству. Однако, послѣднему ни то, ни другое не удалось: путемъ то открытаго протеста, то обструкціи земство дало такой отпоръ бюрократіи, что отъ введенія лечебнаго устава министерство внутреннихъ дѣлъ должно было отказаться, а «правила объ оцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ» хотя и были осуществлены, но они дали какъ разъ обратные результаты тому, что ожидало правительство. Послѣднее, вводя «Правила», думало, во-первыхъ, изъять обложеніе имуществъ изъ рукъ земствъ, во-вторыхъ — превратить земскую статистику въ оффиціальное учрежденіе, содержимое на средства правительства и всецѣло подчиненное губернскимъ и уѣзднымъ комитетамъ, и въ-третьихъ, наконецъ, — прекратить мѣстныя подворныя изслѣдованія, которыми статистики, по мнѣнію бюрократіи, пользовались исключительно для цѣли пропаганды. Но громадное большинство земствъ высказались за веденіе оцѣночныхъ работъ старыми статистическими бюро при управѣ и за экспедиціонный способъ изслѣдованія, т.-е.—за разъѣзды статистиковъ. Кромѣ того, правительственныя ассигновки на оцѣночныя работы повлекли за собою то, что статистическія работы возникли и тамъ, гдѣ раньше ихъ не было или онѣ были прекращены. Словомъ спросъ на статистиковъ возросъ до громадныхъ размѣровъ. Тогда правительство вооружилось циркуляромъ бывшаго министра Толстого отъ 7 декабря 1887 г., который ставилъ утвержденіе лицъ въ должности статистиковъ въ непосредственную зависимость отъ усмотрѣнія мѣстной администраціи. И послѣдняя употребляла всѣ усилія не утверждать новыхъ статистиковъ и удалять старыхъ. Но изъ этого толку не вышло, и далѣе мы увидимъ, что фонъ-Плеве пришлось предпринять противъ статистики форменный походъ. Въ этой борьбѣ вмѣстѣ съ земствомъ дѣятельное участіе принималъ и «третій элементъ». Приблизительно, начиная съ 1894 года, онъ уже открыто выступаетъ на сцену, какъ сила самостоятельная.

Прежде чѣмъ изложить дальнѣйшія свѣдѣнія объ этомъ знаме-

нательномъ явленіи въ жизни земства, считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о партіи народнаго права, существовавшей, кажется менѣе года, но достойной быть отмѣченной, потому что она стремилась также осуществить основную идею земскаго движенія—народное представительство.

Партія эта возникла въ Саратовѣ, а затѣмъ центромъ дѣятельности ея сдѣлался г. Орелъ, гдѣ постигъ ее и полный разгромъ, послѣ того какъ въ Смоленскѣ была обнаружена тайная типографія партіи. Въ этой типографіи народоправцы успѣли лишь отпечатать свой манифестъ, въ которомъ говорилось, что основнымъ вопросомъ для Россіи является вопросъ о политической свободѣ. Для достиженія этой основной цѣли, партія имѣла въ виду, «соединить всѣ оппозиціонные элементы страны и организовать дѣятельную силу, которая добилась бы, при помощи всѣхъ нравственныхъ и матеріальныхъ средствъ, какими она располагаетъ, уничтоженія самодержавія и обезпеченія каждому правъ гражданина и человѣка». Лозунгомъ являлись такія требованія: «представительное правленіе на основаніи всеобщей подачи голосовъ, свобода вѣроисповѣданія, независимость суда, свобода печати, свобода сходокъ и обществъ (ассоціацій), неприкосновенность личности и ея человѣческихъ правъ», наконецъ признаніе права политическаго самоопредѣленія за всѣми національностями», входящими въ составъ Россіи. Изъ приведеннаго видно, что партія народнаго права стояла на той же точкѣ зрѣнія, на которой еще въ 70-хъ годахъ стояли представители земскаго движенія.—Скажемъ здѣсь кстати, что черезъ годъ послѣ манифеста партіи народнаго права, въ 1895 году, «фондомъ Вольной русской прессы» въ Лондонѣ былъ изданъ «проектъ русской конституціи» со статьей извѣстнаго народовольца и писателя Кравчинскаго (Степняка). Онъ также являлся почти копіею земской конституціи 80-хъ годовъ.

Теперь перейдемъ къ «третьему элементу», на которомъ мы выше остановились.

За первое открытое выступленіе земской интеллигенціи въ полномъ ея составѣ, включая и статистиковъ, которые до этого времени не выступали, слѣдуетъ, кажется, считать IX съѣздъ русскихъ естествоиспытателей и врачей въ Москвѣ въ 1894 году. Съ большимъ трудомъ удалось тогда втиснуть земскихъ статистиковъ въ число членовъ этого съѣзда, создавъ въ секціи географіи подсекцію статистики. Насколько помнится, главную роль въ этомъ дѣлѣ сыгралъ профессоръ А. И. Чупровъ.

Помимо единенія въ секціяхъ и подсекціяхъ, «третій элементъ» во время IX съѣзда имѣлъ частныя совѣщанія и собранія на квартп-

рахъ, а также на устраиваемыхъ дешевыхъ обѣдахъ и ужинахъ, на которыхъ участвовали и профессора, и выборные земцы, при чемъ всякія правительственныя дѣянія въ сферѣ самоуправленія осуждались безъ стѣсненія, и сплошь да рядомъ указывалось на необходимость новаго строя для Россіи. На одномъ изъ ужиновъ въ Большомъ Московскомъ трактирѣ покойный В. А. Гольцевъ произнесъ рѣчь, въ которой прямо заявилъ, о необходимости конституціи. Если не отказываетъ намъ память, то, кажется, за рѣчь В. А. постигла какая-то непріятность, хотя, впрочемъ, не ручаемся за это.

Съ этого же, приблизительно, года выборная и служилая земская интеллигенція нашла себѣ арену для открытыхъ выступленій въ старѣйшемъ изъ научныхъ учрежденій въ Россіи—въ Московскомъ Юридическомъ Обществѣ и въ Императорскомъ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ, но объ этомъ мы будемъ говорить ниже, такъ какъ наиболѣе дѣятельное участіе въ работахъ Общества земскій элементъ принялъ съ 1895 года, когда во главѣ Общества, въ качествѣ президента его, сталъ извѣстный земскій и общественный дѣятель графъ Петръ Александровичъ Гейденъ.

Изъ всего до сихъ поръ сказаннаго ясно видно, что правительство за 30 лѣтъ, въ сущности говоря, не только не могло справиться съ земскимъ политическимъ движеніемъ (съ 1864 по 1894 годъ), но выходило какъ разъ наоборотъ; чѣмъ сильнѣе проявлялись репрессіи со стороны бюрократіи, тѣмъ интенсивнѣе было это движеніе. Земство, въ силу роста общественнаго самосознанія, повышенія культуры, стремленія всего населенія къ избавленію отъ гнета абсолютизма, получало все бо́льшую и бо́льшую популярность, привлекало наиболѣе интеллигентные и дѣятельные элементы и становилось видимымъ центромъ открытаго, легальнаго, такъ сказать, освободительнаго движенія. Въ общемъ въ этомъ движеніи не было ничего революціоннаго. Мало-мальски дальновидное правительство, конечно, воспользовалось бы этимъ движеніемъ для мирнаго перехода отъ полицейско-бюрократическаго строя къ земско-парламентарному. Но русская бюрократія, конечно, этого не сдѣлала: она по искони заведенному порядку и этому движенію соорудила еще одинъ шлюзъ, послѣдній уже.

IV.

Вторая половина 90-хъ годовъ.

Шлюзъ этотъ былъ поставленъ въ 1895 году, черезъ три мѣсяца послѣ смерти Императора Александра III, скончавшагося 20 октября 1894 года.

Вліяніе безотвѣтственныхъ совѣтчиковъ проявилось уже въ манифестѣ отъ 20 октября 1894 г. о восшествіи на престолъ молодого императора Николая II. Въ немъ говорилось, между прочимъ, что новый императоръ «ни въ чемъ не уклонится отъ вполнѣ миролюбивой, твердой и прямодушной политики (Александра III), столь мощно содѣйствовавшей всеобщему успокоенію».

Земцы не преминули воспользоваться манифестомъ для проведенія своихъ пожеланій въ адресахъ, составленныхъ по случаю восшествія на престолъ императора Николая II.

Какъ сейчасъ увидимъ, эти адреса были въ высшей степени осторожные и безусловно корректные по отношенію къ верховной власти. Такъ, въ адресѣ орловскаго земства, составленіе котораго приписывали орловскому губернскому предводителю дворянства М. А. Стаховичу, между прочимъ, говорилось: «мы, земскіе люди, отъ всѣхъ сословій земли приносимъ къ престолу, котораго мы горды сознавать себя широкимъ и стойкимъ подножіемъ, непоколебимую, неистощимую нашу вѣрность; считая представительство наше прежде всего представительствомъ нуждъ народныхъ, мы просимъ довѣрія и одобренія Вашего, Государь».

Въ адресѣ тамбовскаго земства указывалось на императора Александра II, «призвавшаго общественныя силы страны къ совмѣстной работѣ съ правительствомъ и тѣмъ создавшаго прочное между ними единеніе», и далѣе говорилось: «мы уповаемъ, что среди глубокаго мира, упроченнаго въ Бозѣ почившемъ Августѣйшимъ Родителемъ Вашимъ, единеніе это, развиваясь и укрѣпляясь, станетъ краеугольнымъ камнемъ, на которомъ зиждется наша государственная будущность».

Въ Тульскомъ адресѣ земцы писали, что «связанные съ лицомъ народа, сознавая себя частью великаго единаго цѣлаго и призванные къ мѣстной общественной дѣятельности, мы, люди земскіе, глубоко вѣримъ, что мѣстныя потребности могутъ быть удовлетворены лишь при посредствѣ мѣстныхъ людей и просимъ довѣрія своего Царя, ко-

торое необходимо для плодотворнаго служенія родинѣ, просимъ открытаго доступа голоса земства къ престолу. Мы вѣримъ, что только освященное живымъ общеніемъ Царя совокупное единство работъ возбудитъ новыя живыя силы».

Въ Полтавскомъ адресѣ говорилось, что «правдивый голосъ земства, нелицепріятно предстательствующій о нуждахъ мѣстнаго населенія, свободно восходя къ престолу, всегда будетъ милостиво и благосклонно выслушиваемъ».

Саратовское земство писало, что «преисполнено готовности неустанно трудиться на пользу мѣстнаго населенія, уповая подъ державою Вашею быть ближайшимъ выразителемъ истинныхъ нуждъ передъ престоломъ Вашего Величества».

Въ Курскомъ адресѣ говорилось, что земство «твердо уповаетъ, что его дѣятельность подъ охраною впредь довѣрія Вашего Императорскаго Величества достигнетъ благопріятныхъ условій для своего развитія, укрѣпится и усилится для пользы населенія. Земство увѣрено, что Ваше Императорское Величество всегда съ милостивымъ вниманіемъ отнесетесь къ голосу земства и не откажете въ открытомъ доступѣ къ вашему престолу ему, какъ выразителю мѣстныхъ и областныхъ нуждъ и общихъ интересовъ».

Затѣмъ указывались и эти нужды: «просвѣщеніе, гласность и разрѣшеніе коренныхъ вопросовъ земледѣлія и землевладѣнія путемъ удовлетворенія многочисленныхъ нуждъ народа».

Уфимцы писали: «мы пріемлемъ смѣлость думать, что голосъ нашъ о нуждахъ народныхъ, о горѣ и радостяхъ найдетъ свободный доступъ къ Вамъ, Государь, и жизнь обожающаго Васъ народа будетъ извѣстна вамъ въ истинномъ ея свѣтѣ»...

Наконецъ въ адресѣ Тверского губернскаго земскаго собранія, между прочимъ, говорилось, что «съ высоты престола всегда будетъ услышанъ голосъ нужды народной» и далѣе: «мы уповаемъ, что счастье наше будетъ расти и крѣпнуть при неуклонномъ исполненіи закона какъ со стороны народа, такъ и со стороны представителей власти,—ибо законъ, представляющій въ Россіи выраженіе монаршей воли, долженъ стать выше случайныхъ видовъ отдѣльныхъ представителей этой власти. Мы горячо вѣруемъ, что права отдѣльныхъ лицъ и права общественныхъ учрежденій будутъ незыблемо охраняемы. Мы ждемъ, Государь, возможности и права для общественныхъ учрежденій выражать свое мнѣніе по вопросамъ, ихъ касающихся, дабы до высоты престола могло достигать выраженіе потребностей и мысли не только администраціи, но и народа русскаго... Мы вѣримъ, что въ общеніи съ представителями всѣхъ сословій русскаго народа,

равно преданныхъ престолу и отечеству, власть Вашего Величества найдетъ новый источникъ силъ и залогъ успѣха въ исполненіи великодушныхъ предначертаній Вашего Императорскаго Величества».

Кромѣ перечисленныхъ земствъ, подавшихъ изложенные адреса, высказались за подачу такого же, приблизительно, содержанія адресовъ еще губернскія земства: Новгородское, Псковское и Смоленское

Казалось бы, что въ приведенныхъ нами адресахъ никакой, самый усердный цензоръ не могъ бы найти что-либо такое, что возбудило бы подозрѣніе.

С. Мирный въ своей брошюрѣ «Адреса земствъ 1894—1895 г.» совершенно основательно замѣчаетъ, что, «представляя изъ себя довольно полное перечисленіе насущнѣйшихъ потребностей страны, адреса эти остаются всецѣло на почвѣ существующаго государственнаго строя и вовсе не касаются формъ правленія».

Но не такъ взглянула на нихъ бюрократія.

Эти адреса не только не встрѣтили сочувствія въ высшихъ сферахъ, а, наоборотъ, къ нимъ проявлено было явно враждебное отношеніе. Тверской, напримѣръ, адресъ не былъ принятъ, и на докладъ о немъ министра внутреннихъ дѣлъ послѣдовала такая резолюція Государя: «я чрезвычайно удивленъ и недоволенъ этой неумѣстной выходкой 35 гласныхъ губернскаго земскаго собранія». На всеподданнѣйшемъ отчетѣ Уфимскаго Губернатора, въ которомъ сообщалось, что Уфимское губернское земство «рѣшилось домогаться, чтобы въ засѣданія высшихъ правительственныхъ учрежденій были допущены представители всѣхъ земствъ Россіи при сужденіи о вопросахъ касающихся земствъ, и, въ частности,—объ измѣненіи системы народнаго продовольствія»,—была сдѣлана отмѣтка: «къ серьезному вниманію министра внутреннихъ дѣлъ». По этому поводу всѣмъ губернаторамъ былъ разосланъ циркуляръ, напоминающій имъ рамки земской компетенціи. Наконецъ, 17 января 1895 года, когда, по случаю бракосочетанія Государя, состоялся пріемъ депутацій отъ дворянствъ, земствъ, городовъ и казачьихъ войскъ, императоръ Николай II, основываясь, несомнѣнно, на превратныхъ свѣдѣніяхъ, сообщенныхъ ему министрами о настроеніи и состояніи страны, въ рѣчи своей къ депутаціямъ, между прочимъ, сказалъ: «Мнѣ извѣстно, что въ послѣднее время слышались въ нѣкоторыхъ земскихъ собраніяхъ голоса людей, увлекавшихся безсмысленными мечтаніями объ участіи представителей земства въ дѣлахъ внутренняго управленія; пусть всѣ знаютъ, что я, посвящая всѣ свои силы благу народному, буду охранять начало самодержавія такъ же твердо и неуклонно, какъ охранялъ его мой незабвенный покойный родитель».

Всесоюзная библиотека имени

Внушивъ такую рѣчь императору, бюрократія, можно съ увѣренностью сказать, заложила фундаментъ для революціи. Никакія прокламаціи, никакія агитаторы не могли сдѣлать того, что сдѣлала приведенная рѣчь. Она обуяла всѣхъ отчаяніемъ и лишила всякой надежды на мирный переходъ отъ полицейско-бюрократическаго строя къ правому, безотлагательную необходимость котораго чувствовали всѣ сознательные русскіе граждане.

Послѣ этой рѣчи всѣ участники общественнаго движенія полѣвѣли, причемъ многіе пришли къ убѣжденію, что, при той позиціи, которую заняла бюрократія, нѣтъ надежды на плодотворные результаты отъ оппозиціонной борьбы. Послѣ рѣчи 17 января, кажется, лишь одно черниговское губернское земство попыталось прибѣгнуть къ адресу, въ которомъ просило «довѣрія», которое повлекло бы за собою возможность свободно работать на земскомъ поприщѣ, и право «безпрепятственно возлагать исполненіе земскихъ обязанностей на лицъ, которыхъ мы считаемъ наиболѣе достойными»; что, затѣмъ, «въ самой важной области нашей дѣятельности, въ дѣлѣ народнаго образованія, мы будемъ освобождены отъ цѣлаго ряда неблагопріятныхъ условій, стѣсняющихъ эту дѣятельность, и что, при большемъ развитіи гласности, ярче выяснятся нужды и всѣ стороны нашей мирной жизни, заботы о которыхъ предоставляются земству». Въ концѣ же адреса говорилось: «мы осмѣливаемся ходатайствовать о томъ, чтобы по важнѣйшимъ нуждамъ нашего земскаго вѣдѣнія намъ даровано было драгоцѣнное право, предоставляемое дворянству статьей 135 т. IX Св. Законовъ—непосредственнаго обращенія къ Вашему Величеству».

Но этотъ адресъ считали тогда уже излишнимъ. Въ земскихъ сферахъ, какъ въ выборныхъ, такъ и среди «третьяго элемента», съ этого момента начинаетъ постепенно обнаруживаться великій расколъ. Въ средѣ выборныхъ земцевъ наиболѣе энергичные приходили къ убѣжденію въ необходимости тайной организаціи всѣхъ активныхъ земскихъ силъ для систематичной борьбы съ правительствомъ, въ тѣсномъ единеніи съ третьимъ элементомъ; другіе же не рѣшаются переходить на нелегальную работу и предпочитаютъ прежній путь открытой оппозиціи, о б х о д я, такъ сказать, препятствія, устраиваемыя бюрократіей. Что касается «третьяго» земскаго «элемента», то значительный процентъ его, собственно говоря, начинаетъ откалываться отъ выборныхъ земцевъ и переходить мало по малу въ лагерь соціалистическихъ, революціонныхъ партій разныхъ направленій. Но, повторяемъ, все это происходило не сразу, а въ извѣстной постепенности.

Въ началѣ царствованія Императора Николая II земскія сферы продолжали открыто высказывать свои взгляды и на собраніяхъ, и

еще болѣе, въ другихъ общественныхъ организаціяхъ, которыя въ концѣ концовъ, были завоеваны земскимъ элементомъ.

Одну изъ главныхъ аренъ проведенія освободительныхъ взглядовъ, какъ мы уже ранѣе говорили, представляло Императорское Вольное Экономическое Общество со времени избранія президентомъ его графа П. А. Гейдена, со стойкостью и мужествомъ защищавшаго свободу и «зольность» этого Общества. Въ немъ, начиная съ 1895 г., обсуждались при активномъ участіи земскихъ сферъ такіе, между прочимъ, вопросы, какъ тѣлесное наказаніе, при чемъ возбуждено было ходатайство объ отмѣнѣ его; новая финансовая политика и реформа денежнаго обращенія [1]); законъ 1893 года объ оцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ и т. п. Послѣдній обсуждался, къ слову сказать, въ III отдѣленіи Общества, въ особой статистической комиссіи, въ которую входили почти всѣ земскіе статистики. Не ограничиваясь вопросами экономическими, земскіе элементы принимали весьма живое участіе въ вопросахъ просвѣщенія и были дѣятельными сотрудниками знаменитаго С.-Петербургскаго Комитета Грамотности при Вольномъ Экономическомъ Обществѣ, который въ 1896 г. былъ закрытъ правительствомъ.

То, что С.-Петербургскій комитетъ и другія центральныя культурно-просвѣтительныя учрежденія дѣлали для всей Россіи—земства многихъ губерній дѣлали въ своихъ губерніяхъ. Къ этому именно времени относится необыкновенный подъемъ вопроса о всеобщемъ обученіи. При земскихъ управахъ образовываются комиссіи по народному образованію, въ которыхъ на равныхъ правахъ участвуютъ лучшіе выборные и служилые земцы и вырабатываютъ планъ возможно скорѣйшаго развитія народнаго школьнаго и внѣшкольнаго образованія. Въ то же время земства или способствуютъ учрежденію новыхъ просвѣтительныхъ обществъ, или поддерживаютъ старыя, гдѣ сосредоточиваются въ свою очередь интеллигентныя мѣстныя силы [2]). Такой же характеръ носили и другія земскія организаціи, какъ-то врачебные совѣты, санитарныя организаціи, агрономическія и т. д., и т. п. Въ этотъ же періодъ умѣренные земцы стремятся возобновить единеніе земствъ на легальной почвѣ. Любопытнымъ образчикомъ такой попытки является проектъ предсѣдателя Самарской губернской земской управы, г. Племянникова, воспользоваться для начала единенія коронаціею императора Николая II, состоявшейся 14 мая 1896 года. Любопытною мы называемъ эту попытку потому, что она съ необыкновенною ясностью показываетъ, какъ русское

[1]) Введенная С. Ю. Витте, который съ 1892 г. занялъ постъ мин. финансовъ.

[2]) Таково напр., извѣстное Харьковское общество грамотности, Курское общество содѣйствія начальному народному образованію, Ярославское и т. д.

правительство выковывало, такъ сказать, недовольство; какъ самодержавная бюрократія, сѣяла вѣтеръ, чтобы пожать бурю. Она, эта бюрократія, благонадежнѣйшихъ земцевъ, искреннихъ вѣрноподданныхъ, стремившихся эволюціонировать самымъ мирнѣйшимъ образомъ, превращала въ оппозицію.

На коронацію въ числѣ прочихъ представителей, были приглашены и предсѣдатели губернскихъ земскихъ управъ. Съѣздъ ихъ слѣдовательно былъ оффиціальный, даже предписанный, при чемъ предсѣдатели губернскихъ земскихъ управъ своимъ присутствіемъ должны были увеличивать блескъ коронаціи и, до нѣкоторой степени, являться избранными представителями «народа».

Но земцы на первыхъ же порахъ внесли маленькое, мирное, совершенно вѣрноподданическое новшество въ Священное Коронованіе, новшество, которое для заскорузлыхъ бюрократовъ показалось диссонансомъ, не соотвѣтствовавшимъ вѣковѣчнымъ традиціямъ абсолютизма, и она этого новшества не разрѣшила. Дѣло въ томъ, что вышеупомянутый предсѣдатель Самарской губернской земской управы, г. Племянниковъ, обратился съ нижеслѣдующимъ предложеніемъ къ предсѣдателю Московской губернской земской управы, г. Шипову, которое послѣдній, присовокупивъ мнѣніе Московской губернской земской управы, разослалъ всѣмъ предсѣдателямъ губернскихъ земскихъ управъ.

«Милостивый Государь Дмитрій Николаевичъ. Предстоящимъ Губернскимъ Земскимъ Собраніямъ придется обсуждать вопросъ: чѣмъ чествовать имѣющее быть коронованіе ихъ Императорскихъ Величествъ и, вѣроятно, по заведенному изстари обычаю, по крайней мѣрѣ, большинство изъ нихъ постановятъ поднести хлѣбъ-соль, для чего необходимо будетъ пріобрѣсти блюда и солонки. Конечно, каждому Губернскому Земству въ отдѣльности на покупку ихъ придется потратить небольшую сумму, но если соединить всѣ суммы, которыя будутъ истрачены Земствами на покупку блюдъ и солонокъ, то составится весьма почтенная сумма, на которую, въ память Священнаго Коронованія ихъ Величествъ, можно бы было устроить какое-нибудь общеполезное дѣло. .

«Такая мысль родилась у членовъ Самарской Губернской Земской Управы, но для осуществленія ея необходимо, чтобы кто нибудь принялъ на себя трудъ снестись со всѣми Губернскими Управами Земскихъ губерній. Самарская Губернская Управа считаетъ, что инициативу этого дѣла было бы всего ближе принять на себя Губернской Управѣ первопрестольной столицы нашей, въ которой будетъ происходить и самое Коронованіе, а потому, сообщая Вамъ настоящую мысль нашу, я обращаюсь къ Вамъ, Милостивый Государь, съ

покорнѣйшей просьбой, если Вы раздѣлите эту мысль, то примите на себя и трудъ сношеній со всѣми Губернскими Управами.

«Къ этому считаю нужнымъ присовокупить, что какъ я, такъ и товарищи мои полагаютъ, что выборъ учрежденія, которое должно быть устроено на средства всѣхъ Земствъ, а равно и выборъ мѣста, гдѣ таковое должно быть устроено, должны принадлежать Московскому Земскому Собранію.

«Московская Губернская Управа, всецѣло раздѣляя высказанную Самарскою Губернскою Управою мысль, съ своей стороны признаетъ осуществленіе ея въ высокой степени желательнымъ и полагаетъ, что предложеніе Самарской Губернской Управы, вѣроятно, будетъ встрѣчено сочувственно всѣми Губернскими Земскими Собраніями. Останавливаясь на разрѣшеніи вопроса о томъ, какое общеполезное дѣло могло бы быть устроено въ память Священнаго Коронованія Ихъ Величествъ, Московская Губернская Управа приходитъ къ заключенію, что созданіе для этой цѣли особаго учрежденія едва ли можетъ представиться возможнымъ. Съ одной стороны, для устройства и содержанія такого рода учрежденія, которое не могло бы не быть грандіознымъ, потребовался бы слишкомъ большой капиталъ; съ другой стороны, подобное учрежденіе должно бы, конечно, по возможности въ равной мѣрѣ служить интересамъ всѣхъ участвующихъ Земствъ, но это не можетъ быть осуществимо, такъ какъ всякое учрежденіе, устроенное въ предѣлахъ той или другой губерніи, будетъ, по преимуществу, служить мѣстному населенію и, во всякомъ случаѣ, не можетъ распространить свое дѣйствіе болѣе, чѣмъ на нѣсколько сосѣднихъ губерній. Вслѣдствіе этихъ соображеній, Московская Губернская Управа полагала бы желательнымъ передать капиталъ, который составится изъ взносовъ всѣхъ Губернскихъ Земствъ, въ распоряженіе Установленія, имѣющаго своею цѣлью приходить на помощь всѣмъ нуждающимся, безразлично принадлежности ихъ къ населенію той или другой губерніи.

«1-го сентября настоящаго года Государю Императору благоугодно было, въ заботахъ о всѣхъ своихъ вѣрноподданыхъ, обративъ вниманіе на горестную судьбу тѣхъ изъ нихъ, которые, терпя крайнюю нужду, тщетно ищутъ себѣ заработка и пріюта, учредить особое попечительство о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ. Ея Императорскому Величеству благоугодно было, принявъ упомянутое попечительство подъ непосредственное Свое покровительство, принять на Себя и предсѣдательство въ Комитетѣ Попечительства. По мнѣнію Московской Губернской Управы, представлялось бы вполнѣ отвѣчающимъ намѣченной Самарской Губернской Управой цѣли пред-

ставить отъ всѣхъ Губернскихъ Земствъ сумму, имѣющую образоваться изъ ихъ взносовъ, въ состоящее подъ покровительствомъ Государыни Императрицы попечительство для употребленія этого капитала по указаніямъ Ея Величества.

«Московская Губернская Управа, имѣя въ виду общій итогъ смѣтъ всѣхъ 34 земскихъ губерній приблизительно въ 15.000.000 р., предполагаетъ, что размѣръ капитала, который можетъ образоваться изъ взносовъ всѣхъ Губернскихъ Земствъ, составитъ сумму въ 300.000 р., если всѣ Губернскія Собранія отчислятъ для этой цѣли, въ круглыхъ цифрахъ, не менѣе двухъ процентовъ итога своихъ смѣтъ на 1896 г.

«Представляя все вышеизложенное на Ваше, Милостивый Государь, благоусмотрѣніе, я покорнѣйше прошу Васъ доложить, если признаете возможнымъ, настоящее предположеніе предстоящему Губернскому Земскому Собранію и о послѣдующемъ не оставить меня увѣдомленіемъ.

«По полученіи отъ всѣхъ предсѣдателей губернскихъ управъ извѣщеній о постановленіяхъ губернскихъ собраній, московская губернская управа, въ случаѣ принятія губернскими собраніями настоящаго предложенія, испроситъ надлежащее разрѣшеніе для его осуществленія, о чемъ я не замедлю своевременно Васъ увѣдомить и сообщить Вамъ постановленія всѣхъ собраній».

Мы нарочно привели цѣликомъ изложенное письмо, чтобы показать всю невинность его содержанія и его вѣрноподданическія цѣли.

Казалось бы, что мало-мальски дальновидные правители обѣими руками должны были ухватиться за такое настроеніе представителей земства. Но не тутъ-то было.

Когда Д. Н. Шиповъ сообщилъ мысль предсѣдателя самарской губернской земской управы московскому генералъ-губернатору, Великому Князю Сергѣю Александровичу, послѣдній, повидимому, сочувственно отнесся къ предложенію, но прибавилъ, что объ этомъ надо еще поговорить съ Министромъ внутреннихъ дѣлъ Горемыкинымъ, который долженъ былъ прибыть въ Москву.

По пріѣздѣ министра, Д. Н. Шиповъ вошелъ съ нимъ въ переговоры, которые дали отрицательные результаты. Простому смертному трудно понять, чѣмъ руководствовался Горемыкинъ, не соглашаясь на самарскій проектъ, но стоитъ только направить мысль въ бюрократическое русло, какъ несомнѣннымъ дѣлается, что Гормыкинымъ руководилъ страхъ предъ земскимъ единеніемъ по вопросу о назначеніи коронаціонныхъ суммъ, который долженъ былъ обсуждаться на всѣхъ земскихъ собраніяхъ.

Не нужно было обладать пророческимъ даромъ, чтобы пред-

сказать, что разъ воспрещается такое благонамѣренное земское единеніе, то объединенныя дѣйствія земства по болѣе важнымъ вопросамъ, конечно, встрѣтятъ упорное сопротивленіе бюрократіи.

И факты такого рода не заставили себя долго ждать.

Во время коронаціонныхъ торжествъ, омраченныхъ, къ слову сказать, извѣстною ходынскою катастрофою, Д. Н. Шиповъ предложилъ предсѣдателямъ губернскихъ земскихъ управъ устраивать ежегодные съѣзды, для совмѣстнаго обсужденія важныхъ земскихъ вопросовъ.

Мысль предсѣдателя московской губернской земской управы была встрѣчена сочувственно, при чемъ рѣшено было устроить съѣздъ въ слѣдующемъ 1896 году на всероссійской Нижегородской выставкѣ. Д. Н. Шиповъ сообщилъ объ этомъ намѣреніи предсѣдателей Горемыкину, и послѣдній, не давая оффиціальнаго разрѣшенія, фактически далъ свое согласіе на съѣздъ, что можно было замѣтить изъ того, что, въ бесѣдѣ съ Шиповымъ, сдѣлалъ ему такіе «совѣты»: 1) ограничить съѣздъ только предсѣдателями губернскихъ земскихъ управъ, 2) собираться не въ помѣщеніи Нижегородской губернской земской управы, а въ частныхъ квартирахъ и ресторанахъ и 3) принять мѣры, чтобы печать объ этомъ «не трубила» [1]).

Всѣ эти «совѣты» были въ точности соблюдены предсѣдателями губернскихъ земскихъ управъ, если не считать за «преступленіе», присутствіе на съѣздѣ единственнаго предсѣдателя уѣздной земской управы—князя Петра Дмитріевича Долгорукова, который, начиная съ 1896 г., занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ земскомъ движеніи.

Нижегородскій земскій съѣздъ прошелъ вполнѣ благополучно, при чемъ въ немъ принималъ участіе и представитель министерства финансовъ, присланный министромъ Витте, такъ какъ среди вопросовъ, обсуждавшихся на съѣздѣ, былъ, между прочимъ, и вопросъ объ оцѣночно-статистическихъ работахъ по закону 1893 года, возникшему по иниціативѣ Витте.

Въ виду того, что Нижегородское совѣщаніе установило положеніе для будущихъ съѣздовъ, приведемъ здѣсь вкратцѣ наиболѣе существенныя постановленія его.

При обсужденіи вопроса объ организаціи занятій присутствовавшими были высказаны слѣдующія соображенія. Періодическіе съѣзды предсѣдателей управъ должны быть признаны въ высшей сте-

---

[1]) Скажемъ здѣсь кстати, что по окончаніи Нижегородскаго съѣзда съ большимъ трудомъ удалось отлитографировать журналъ совѣщаній предсѣдателей. Для этого пришлось прибѣгнуть къ цензору князю Шаховскому и что, удивительнѣе,—къ тогдашнему главѣ цензурнаго комитета Соловьеву, который, при всей своей реакціонности, не встрѣтилъ препятствій къ разрѣшенію.

пени желательными и могутъ имѣть большое значеніе для цѣлесообразности развитія и направленія земскаго дѣла вообще. Совѣщаніе предсѣдателей управъ можетъ въ значительной мѣрѣ содѣйствовать выясненію и установленію основныхъ положеній земской дѣятельности и въ этомъ должна заключаться главная задача съѣздовъ. Для того, чтобы заключеніе совѣщанія было опредѣленно и возможно полно обосновано, желательно, чтобы по каждому разсматриваемому на съѣздѣ вопросу были предоставлены и сообщаемы заблаговременно всѣмъ членамъ совѣщанія обстоятельные доклады. Доклады эти должны заключать въ себѣ данныя о положеніи вопроса, по возможности, во всѣхъ земствахъ, общія соображенія и окончательные выводы изложенные въ формѣ положеній (тезисовъ), которые и будутъ подлежать разсмотрѣнію на съѣздѣ пресѣдателей. Инціатива возбужденія вопросовъ должна принадлежать всѣмъ членамъ совѣщанія, при чемъ желательно, чтобы возбуждающій вопросъ принялъ на себя его предварительную разработку и представленіе соотвѣтствующаго доклада. Признавалось также желательнымъ образовать бюро съѣзда предсѣдателей управъ, которое приняло бы на себя всѣ необходимыя подготовительныя дѣйствія. Въ это бюро могли бы направляться членами съѣзда всѣ заявленія и доклады. Разработка нѣкоторыхъ вопросовъ, признанная совѣщаніемъ желательной, но которая, по сложности своей, не могла бы быть принята на себя кѣмъ либо изъ его членовъ, можетъ быть поручаема бюро приглашеннымъ или постороннимъ лицамъ. Въ этихъ случаяхъ бюро должно выработать программу вопросовъ, по которой и просить предсѣдателей управъ доставить по данному вопросу необходимыя свѣдѣнія.

Приведенныя постановленія нижегородскаго съѣзда предсѣдателей послужили руководствомъ для всѣхъ дальнѣйшихъ съѣздовъ. На этомъ же съѣздѣ были возбуждены немаловажные вопросы. Такъ, было заявлено, между прочимъ, о желаніи многихъ гласныхъ принимать участіе въ занятіяхъ совѣщанія. Но осторожный Д. Н. Шиповъ указалъ, что министръ внутреннихъ дѣлъ высказался лишь за предсѣдателей губернскихъ управъ. Затѣмъ, кромѣ вопроса объ оцѣночно-статистическихъ работахъ, на нижегородскомъ совѣщаніи обсуждались еще вопросы: о сельско-хозяйственномъ кризисѣ, о народномъ продовольствіи, о всеобщемъ начальномъ образованіи, о взаимныхъ отношеніяхъ между губернскими и уѣздными земствами. Наконецъ, въ одномъ изъ засѣданій предсѣдателей принялъ участіе графъ П. А. Гейденъ, какъ президентъ Вольнаго Экономическаго общества. Указавъ на общность задачъ этого общества и земскихъ учрежденій, онъ высказалъ пожеланіе организовать связь между ними, путемъ вклю-

началъ для этой дѣятельности принадлежитъ исключительно вѣдѣнію министерства внутреннихъ дѣлъ.

«По симъ соображеніямъ и имѣя въ виду, что предположенная на нижегородскомъ совѣщаніи предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ организація съѣздовъ означенныхъ предсѣдателей не была разрѣшена имъ, министромъ, и какъ нарушающая строй нашего государственнаго порядка и не соотвѣтствующая основной задачѣ земскихъ учрежденій—вѣдать только мѣстныя дѣла губерніи и уѣзда—ни въ какомъ случаѣ допущена быть не можетъ г. Министръ внутреннихъ дѣлъ проситъ меня поставить о семъ въ извѣстность ваше превосходительство и предложить вамъ немедленно закрыть учрежденное при Московской губернской земской управѣ бюро предсѣдателей управъ и не принимать въ таковыхъ съѣздахъ никакого участія. Сообщая вамъ о всемъ вышеизложенномъ, для соотвѣтствующихъ распоряженій и исполненія, имѣю честь просить ваше превосходительство увѣдомить меня какъ о времени закрытія означеннаго бюро, такъ и о полученіи вами настоящаго сообщенія».

На это Д. Н. Шиповъ отвѣтилъ Булыгину нижеслѣдующимъ письмомъ: «Милостивый Государь, Александръ Григорьевичъ! Письмо вашего пр—ва отъ 25 ноября получено мною только 30-го, по возвращеніи моемъ изъ Петербурга, гдѣ я въ теченіе ноября, какъ вамъ извѣстно, принималъ участіе въ сельско-хозяйственномъ совѣтѣ министерства земледѣлія. Ваше пр—во изволите предлагать мнѣ, согласно распоряженію г. министра внутреннихъ дѣлъ, немедленно закрыть учрежденное при Московской губернской земской управѣ бюро съѣзда предсѣдателей губернскихъ управъ, вслѣдствіе чего я имѣю честь представить слѣдующее объясненіе.

«Состоявшееся въ прошломъ августѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ совѣщаніе 19-ти предсѣдателей губернскихъ управъ имѣло совершенно частный характеръ. Присутствовавшіе на этомъ совѣщаніи предсѣдатели управъ пришли, между прочимъ, къ заключенію, что такого рода бесѣды и обмѣнъ мнѣній имѣютъ для лицъ, стоящихъ близко къ земскому дѣлу, большое значеніе, содѣйствуя имъ въ выясненіи и правильномъ освѣщеніи различныхъ вопросовъ, входящихъ въ кругъ вѣдѣнія земскихъ учрежденій, и поэтому было признано желательнымъ собираться и въ будущемъ, время отъ времени, для такихъ частныхъ между собою совѣщаній. Для того, чтобы всѣмъ предсѣдателямъ управъ были извѣстны предметы, которые предполагается обсуждать въ частныхъ между собою бесѣдахъ, и для того, чтобы имѣть возможность по намѣченнымъ вопросамъ предварительно ознакомиться

съ относящимся къ нимъ матеріаломъ, совѣщаніе нашло полезнымъ избрать изъ своей среды пять лицъ, которые образовали бы бюро совѣщанія. Этому бюро не предполагалось вовсе придать значеніе какого-либо постояннаго учрежденія, а имѣлось только въ виду, что избранныя пять лицъ будутъ иногда собираться, предварительно выяснять—обсужденіе какихъ вопросовъ въ частныхъ совѣщаніяхъ предсѣдателей управъ желательно, какой для того долженъ быть собранъ матеріалъ, и будутъ распредѣлять между собою трудъ по разработкѣ этого матеріала. Пять лицъ, принявшихъ на себя такую предварительную работу, согласились собираться для намѣченной цѣли въ Москвѣ, какъ въ болѣе центральномъ пунктѣ, о чемъ и было записано въ журналѣ частнаго совѣщанія, но при этомъ случайно вкралась редакціонная ошибка: въ журналѣ было записано, что совѣщаніе пришло къ заключенію организовать бюро при московской управѣ, тогда какъ слѣдовало записать, что избранные совѣщаніемъ члены бюро будутъ собираться въ Москвѣ, какъ это въ дѣйствительности и безусловно понимало совѣщаніе.

«Въ концѣ прошлаго сентября пять лицъ, избранныя совѣщаніемъ, собирались въ Москвѣ, и наши частныя бесѣды происходили отнюдь не въ управѣ, а въ моей частной квартирѣ, и никакого отношенія ни къ управѣ, ни къ нашимъ служебнымъ обязанностямъ не имѣли. Изъ представленныхъ мною объясненій ваше пр—во усмотрѣть изволите, что при московской губернской управѣ не существовало и не существуетъ никакого бюро совѣщанія предсѣдателей губернскихъ управъ, о закрытіи котораго вы предлагаете. Какъ происходившее въ Нижнемъ-Новгородѣ, такъ и предположенныя въ будущемъ совѣщанія могутъ имѣть, несомнѣнно, характеръ лишь исключительно частныхъ бесѣдъ и обмѣна мыслей, и предсѣдатели управъ, принимающіе въ этихъ совѣщаніяхъ участіе, участвуютъ въ нихъ только какъ частныя лица».

Такое разъясненіе, казалось бы, могло успокоить даже турецкаго визиря, самаго фанатическаго представителя восточнаго деспотизма. Со свойственною Д. Н. Шипову искренностью и правдивостью, онъ изложилъ губернатору всѣ подробности земскаго проекта, но бюрократію обуялъ ужасъ при мысли о возможности «объединенія дѣятельности земскихъ учрежденій и установленія общихъ руководящихъ началъ», а за этимъ въ перспективѣ она уже видѣла «нарушеніе строя нашего государственнаго порядка». Нѣтъ ничего поэтому удивительнаго, что на свое разъясненіе Д. Н. Шиповъ получилъ отъ того же Булыгина такого рода «конфиденціальный» отвѣтъ:

эта работа была закончена. Расходы на перепись изъ суммъ государственнаго казначейства только на первые 3 года выражались суммою въ 3.916.682 рубля.

Конечно, земство имѣло всѣ основанія указать обществу, къ какимъ результатамъ ведетъ хозяйничанье бюрократіи, и, само собою разумѣется, всѣ симпатіи были на сторонѣ земства.

Еще большій крахъ потерпѣло правительство въ вопросѣ о народномъ продовольствіи.

Послѣдній, что называется, висѣлъ въ воздухѣ.

Ни «особое совѣщаніе», образованное въ 1891 году подъ предсѣдательствомъ губернаторовъ въ пострадавшихъ тогда отъ неурожая губерніяхъ ни «особая комиссія», учрежденная по Высочайшему повелѣнію 18 февраля 1893 года, подъ предсѣдательствомъ Плеве, бывшаго въ то время товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, ровно ничего не сдѣлали. Но, не взирая на это, правительство, какъ и въ переписи, «само» выступило удовлетворить нужды народнаго продовольствія.

Земство, какъ и раньше, рѣзко протестовало противъ узурпаціи его правъ и указывало на всѣ бѣдствія отъ чиновничьяго отношенія къ голодающему населенію, но правительство не обращало на это ровно никакого вниманія.

Тогда земство, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, перенесло свою дѣятельность на болѣе широкую общественную арену. Между прочимъ, какъ и раньше, оно выступило въ Императорскомъ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ.

Въ мартѣ 1898 года въ обществѣ состоялось 5 засѣданій, исключительно посвященныхъ публичному обсужденію вопроса о неурожаѣ и продовольствіи. Среди участниковъ этихъ засѣданій громадный процентъ составляли земскіе дѣятели, нарочно прибывшіе изъ провинціи. Не ограничиваясь одними выясненіями бѣдствія, Общество и участники засѣданій отъ себя ассигновали средства на помощь голодающимъ и избрали особый комитетъ для сбора пожертвованій. Этотъ комитетъ, пользуясь сочувствіемъ страны, въ очень короткое время собралъ 128.000 рублей и отправилъ деньги своимъ агентамъ въ пострадавшія отъ неурожая губерніи.

Такимъ образомъ, появилась совершенно самостоятельная организація. Правительство, конечно, поторопилось задушить общественную иниціативу, и комитетъ при Вольномъ Экономическомъ Обществѣ, въ самый разгаръ его высокополезной дѣятельности, былъ закрытъ. Но тутъ случился единственный въ своемъ родѣ скандалъ, возможный лишь при самодержавномъ бюрократизмѣ.

Шумъ, поднятый по поводу голода земствами и самостоятельно, и въ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ, какими-то путями достигъ до слуха придворныхъ сферъ. Тамъ, повидимому, заподозрили, что Горемыкинъ или ничего не знаетъ, или не обо всемъ докладываетъ.

И вотъ на этой почвѣ, въ качествѣ таинственнаго довѣреннаго внезапно вынырнулъ, какъ Венера изъ волнъ морскихъ, никому дотолѣ неизвѣстный «титулярный совѣтникъ», А. А. Клоповъ.

Случилось это при такихъ «истинно русскихъ» обстоятельствахъ.

Министерство внутреннихъ дѣлъ, отстранивъ всѣхъ отъ дѣла народнаго продовольствія, оффиціально должно было руководствоваться «правилами» благотворительности, изданными еще въ 1891—1892 году, когда нынѣшній императоръ Николай II, тогда наслѣдникъ, сталъ во главѣ «Особаго благотворительнаго Комитета». Въ этихъ «правилахъ», между прочимъ, говорилось, что «дѣятельность лицъ, посвятившихъ себя, по чувству христіанской любви къ ближнимъ, дѣлу помощи нуждающимся, отнюдь не должна быть стѣсняема».

Но такихъ лицъ министерство внутреннихъ дѣлъ къ народу не допускало, а вмѣсто нихъ по голодающимъ губерніямъ колесили губернаторы и посылали въ Петербургъ самые блестящіе отчеты, не имѣвшіе ничего общаго съ дѣйствительностью.

Такъ, напримѣръ, Шлиппе, — сдѣлавшійся Тульскимъ губернаторомъ по протекціи графа Шереметева, у котораго былъ самымъ заурядным управляющимъ,—разъѣзжалъ по «своей» губерніи, повсемѣстно встрѣчаемый церковными хоругвями и колокольнымъ звономъ, о чемъ краснорѣчиво повѣствовали «Тульскія Губернскія Вѣдомости»,—и доносилъ въ С.-Петербургъ, что все обстоитъ, какъ нельзя болѣе лучше, въ то время какъ на самомъ дѣлѣ въ Тульской губерніи былъ самый настоящій голодъ.

Объ этомъ явленіи сдѣлалъ сообщеніе въ газетахъ графъ Бобринскій, предсѣдатель Богородицкой уѣздной земской управы, при чемъ взывалъ къ обществу дѣлать пожертвованія въ пользу голодающихъ Богородицкаго уѣзда, Тульской губерніи.

Шлиппе оторопѣлъ отъ такой неожиданности и поспѣшилъ въ бумагѣ на имя Горемыкина оффиціально опровергнуть свѣдѣнія графа Бобринскаго.

Основываясь на донесеніи тульскаго губернатора, министръ внутреннихъ дѣлъ, въ свою очередь,—уже отъ имени правительства,—оффиціально опровергъ толки о голодѣ. Но графъ Бобринскій не унимался, и вслѣдъ за опроверженіемъ Горемыкина въ «С.-Петер-

V56-57

Весьма остроумное ходатайство возбудило Новоторжское, Тверской губерніи, земство, по иниціативѣ одного гласнаго изъ крестьянъ. Оно требовало освобожденія отъ тѣлесныхъ наказаній населенія Новоторжскаго уѣзда, гдѣ бы оно не находилось, и чтобы въ предѣлахъ Новоторжскаго уѣзда не приводились въ исполненіе приговоры о тѣлесномъ наказаніи лицъ, не принадлежащихъ къ населенію уѣзда.

Такимъ образомъ, новоторжское земское собраніе, не выходя изъ рамокъ «мѣстныхъ» нуждъ, такъ поставило вопросъ, что онъ получилъ общегосударственное значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, какъ бы подѣйствовало на все населеніе Россіи, еслибы уважили ходатайство этого земства: всѣхъ порятъ, а новоторжскихъ жителей нельзя. А затѣмъ, Новоторжскій уѣздъ превращался въ какую-то священную территорію: разъ кто успѣлъ скрыться туда, освобождался отъ тѣлеснаго наказанія.

Но земскія требованія объ отмѣнѣ этого наказанія приводили въ негодованіе бюрократію и по другимъ соображеніямъ. Съ одной стороны, крѣпостническое дворянство, пользовавшееся особымъ вліяніемъ, въ лицѣ князя Мещерскаго, стойко защищало эту «отеческую мѣру», а съ другой стороны,—правительство возмущалось, что земство беретъ на себя защиту населенія, тѣмъ увеличивая свою популярность и вырывая изъ рукъ правительства удобный случай «когда-нибудь» отмѣнить тѣлесное наказаніе въ видѣ «милости». Кромѣ того, какъ и по всѣмъ другимъ вопросамъ, земское требованіе объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній горячо поддерживалось лучшею прессою и разными общественными учрежденіями. Поднимался, что называется, «шумъ», котораго болѣе всего бюрократія боялась. Сейчасъ же выступало Вольное Экономическое Общество или съѣзды естествоиспытателей и врачей, Пироговскій и т. п. На VI Пироговскомъ съѣздѣ, напримѣръ, въ которомъ, по обыкновенію, учавствовалъ большой % земскихъ врачей, при громкихъ и единодушныхъ рукоплесканіяхъ было принято предложеніе требовать отмѣны тѣлеснаго наказанія для всѣхъ крестьянъ, при чемъ избрана была особая комиссія, которой поручено было мотивировать это требованіе. Эта комиссія предложила двумъ членамъ своимъ, земскимъ врачамъ, извѣстнымъ Д. Н. Жбанкову и В. И. Яковенко, собрать матеріалъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ, главнымъ образомъ, у земства, въ виду выдающейся роли послѣдняго въ данномъ вопросѣ. Въ 1899 году гг. Жбанковъ и Яковенко издали громадный и обстоятельный трудъ, озаглавленный «Тѣлесныя наказанія въ Россіи въ настоящее время», въ которомъ прекрасно сгруппированы поистинѣ ужасныя данныя о позорномъ

наказаніи. Нужно ли говорить, что книга эта была немедленно воспрещена.

Не ограничиваясь стремленіемъ избавить народъ отъ послѣдняго, земство, кромѣ того, старалось защитить населеніе отъ произвола властей вообще и отъ земскихъ начальниковъ въ особенности. Оно думало сдѣлать это при посредствѣ оказанія юридической помощи населенію.

Правительство менѣе всего желало вмѣшательства земства въ эту сферу и постаралось отстранить его путемъ сенатскаго «разъясненія».

Въ началѣ 1898 года, за министра внутреннихъ дѣлъ, товарищъ министра, князь Оболенскій, разослалъ губернаторамъ такое сообщеніе:

«По одной губерніи возникъ дошедшій до разсмотрѣнія Правительствующаго Сената вопросъ о правѣ земства учреждать при управѣ консультацію для юридической защиты населенія уѣзда, при чемъ Правительствующій Сенатъ разъяснилъ, что учрежденіе подобной консультаціи не подходитъ ни къ одному изъ разрядовъ дѣлъ, ввѣренныхъ земскимъ учрежденіямъ и перечисленныхъ въ ст. 2 полож. о зем. учр. 1890 г.

Такъ какъ однородные вопросы могутъ возникнуть и по другимъ губерніямъ, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ сочло долгомъ поставить гг. губернаторовъ въ извѣстность объ изложенномъ рѣшеніи Сената, для руководства въ надлежащихъ случаяхъ».

Земство, однако, не особенно внимало подобнаго рода «разъясненіямъ», прекрасно понимая, что бюрократія играетъ «своими» «законами», какъ мячами, «приспособляя» ихъ исключительно для достиженія собственныхъ цѣлей.

Особенное упорство земство, въ концѣ 90-хъ годовъ, проявило въ вопросѣ по народному образованію. Послѣднее было самымъ больнымъ мѣстомъ бюрократіи. Въ качествѣ Цербера у дверей народной школы стоялъ такой врагъ просвѣщенія народа, какъ Побѣдоносцевъ. Онъ стоялъ и приходилъ въ ужасъ и негодованіе: бдительность его надзора не достигала цѣли—земство, вопреки всѣмъ запретамъ, все болѣе и болѣе расширяло школьное дѣло. Положеніе 12 іюня 1890 года, долженствовавшее превратить земство въ сословное, чисто дворянское учрежденіе, какъ будто даже способствовало земской работѣ въ сферѣ народнаго образованія, какъ и въ другихъ отрасляхъ земскаго хозяйства. И,—что удивительно,—такой быстрый успѣхъ сталъ замѣчаться тогда, когда на сцену, въ качествѣ активной силы, выступило губернское земство.

у 60-61

шихъ земскихъ силъ съ «третьимъ элементомъ» и произвело цѣлый переворотъ въ земскомъ дѣлѣ.

На это обстоятельство совершенно отчетливо и ясно впервые указалъ самарскій вице-губернаторъ Кондоиди, чѣмъ и пріобрѣлъ себѣ положительно историческую извѣстность.

Открывая въ 1899 г. очередное Самарское губернское земское собраніе, онъ, между прочимъ, сказалъ: «Въ дѣлѣ мѣстнаго хозяйственнаго управленія съ давнихъ временъ принимаютъ участіе лица правительственныя и представители помѣстныхъ обывателей. Высшій надзоръ, рѣшеніе и отвѣтственность за успѣшность его возложены на администрацію; иниціатива, въ большинствѣ случаевъ, мѣропріятій и выполненіе такихъ лежитъ на обязанности представителей мѣстныхъ сословій. Ясно представляется, что этимъ двойнымъ составомъ вполнѣ исчерпывается необходимый контингентъ дѣятелей по мѣстному хозяйственному управленію. Между тѣмъ,—позволяю себѣ обратить вниманіе земскаго собранія, — въ послѣднее время все болѣе и болѣе усматривается въ мѣстной земской жизни участіе новаго, третьяго элемента [1]). Признаюсь, я отказываюсь назвать или вполнѣ точно очертить положительными признаками этотъ новый элементъ; однако, убѣжденъ, что большинство здѣсь присутствующихъ не откажетъ мнѣ въ признаніи справедливости моихъ словъ. Иные съ привѣтствіемъ, другіе съ неудовольствіемъ, но тѣ и другіе согласятся со мною, что въ земской жизни усматривается участіе новаго фактора, не принадлежащаго ни къ администраціи, ни къ числу представителей мѣстныхъ сословій. Нельзя не отдать должной справедливости этому фактору, онъ состоитъ изъ особей, обладающихъ большимъ запасомъ научныхъ теоретическихъ познаній, которыя поднимаютъ и завоевываютъ имъ авторитетъ въ мѣстномъ обществѣ, нерѣдко доставляя торжество отвлеченному принципу надъ практическими данными. Случается, что представители сословій безъ достаточно провѣренныхъ основаній внемлютъ слову интеллигентовъ, хотя бы то были не болѣе, какъ вольнонаемные служащіе въ управѣ, лишь вслѣдствіе ссылки на науку или на поученіе газетныхъ и журнальныхъ писателей. Внѣшній видъ этихъ слоевъ въ большинствѣ случаевъ заманчивъ, но внутренній чревитъ опасностью... Допустимъ, что занимающійся народнымъ обученіемъ въ интересахъ своихъ занятій мечтаетъ о созданіи высшихъ учебныхъ заведеній, не желая знать, что содержаніе ихъ упадетъ на источникъ, и безъ того значительно истощенный. Грезы лицъ, не

[1]) Съ легкой руки г. Кондоиди, это мѣткое названіе привилось къ земской интеллигенціи, которая съ 1899 года и стала не только въ разговорной рѣчи, но и въ литературѣ называться «третьимъ элементомъ».

принадлежащихъ ни къ администраціи, ни къ представителямъ сословій въ земствѣ, носятъ лишь фантастическій характеръ, но могутъ, допустивъ въ основаніе политическія тенденціи, имѣть и вредную сторону»...

Устами Кондоиди говорило, конечно, правительство которое давнымъ давно уже замѣтило «новый факторъ» въ земской жизни, но, кромѣ административныхъ преслѣдованій, ничего иного не могло придумать для уничтоженія этого фактора. Въ концѣ 90-хъ годовъ правительство возымѣло мысль, чтобы само земство избавилось отъ «третьяго элемента», запугавъ земцевъ «фантастическими» планами интеллигенціи [1]), которые повлекутъ за собою большое обложеніе, и «политическими тенденціями, въ результатѣ чего могла быть «гибель» самаго земства. Правительство догадывалось о существованіи сплоченной земской оппозиціи и, понятно, не только не разсчитывало на содѣйствіе послѣдней въ дѣлѣ разгрома «третьяго элемента», но не сомнѣвалась въ противодѣйствіи «либераловъ». Поэтому бюрократія надѣялась только на реакціонныя земскія силы, которыя отъ всей души ненавидѣли земскую интеллигенцію. А оппозиція защищала «третій элементъ». И вотъ правительству пришлось опять единолично заняться «чисткою» земства. Въ концѣ 90-хъ годовъ оно, что называется повторяло пройденное, занималось тѣмъ, чѣмъ и въ 60-хъ, и въ 70-хъ, и въ 80-хъ и въ началѣ 90-хъ годовъ: въ громадномъ количествѣ правительство не утверждало, устраняло, высылало «третій элементъ».

Вполнѣ опредѣленно реакція вырисовалась въ 1899 году, когда устраненъ былъ Горемыкинъ, какъ «защищавшій» земство, а вѣрнѣе сказать—терпѣвшій его при условіи подчиненія администраціи [2]), а

---

[1]) Въ это время интеллигенція подвергалась преслѣдованію со всѣхъ сторонъ. Вотъ какъ къ ней относилось, напримѣръ, духовенство.

Въ одномъ изъ № „Пермскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“ въ 1894 году была напечатана такая замѣтка. «На рапортѣ одного изъ благочинныхъ послѣдовала резолюція его преосвященства, отъ 18 января 1894 г. за № 136, слѣдующаго содержанія: «объявить чрезъ «Епархіальныя Вѣдомости», чтобы пермское духовенство въ офиціальныхъ бумагахъ не употребляло словъ: интеллигентъ, интеллигентный. Эти слова характеризуютъ людей, живущихъ однимъ только разумомъ, но не заботящихся имѣть Бога въ разумѣ (Римл. гл. I, ст. 28). А такіе люди не могутъ быть истинными членами православной церкви».

[2]) При Горемыкинѣ былъ выработанъ новый продовольственный уставъ. Когда, въ 1889 году онъ былъ внесенъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, то кн. Мещерскій, узнавъ о содержаніи устава писалъ въ «Гражданинѣ», что уставъ такъ «хорошъ», что въ сущности этотъ фактъ похожъ на упраздненіе земства». Въ такомъ же духѣ былъ составленъ и лечебный уставъ: земство почти устранялось отъ народнаго здравія, какъ и отъ народнаго продовольствія.

состояніемъ средствъ государственнаго казначейства, когда возможно будетъ увеличить размѣры кредита на начальное народное образованіе, сравнительно съ расходами на этотъ предметъ земскихъ учрежденій. Во исполненіе сего Высочайше утвержденнаго мнѣнія Совѣщанія и признавая, съ своей стороны, потребность народнаго образованія одной изъ самыхъ важнѣйшихъ нуждъ государственныхъ, я, по долгу министра финансовъ, счелъ своею обязанностью возбудить вопросъ о расходахъ на начальное обученіе, какъ только средства государственнаго казначейства дозволили сдѣлать это».

Вотъ и все! Но является вопросъ, почему же Витте не ограничился однимъ указаніемъ, что средства есть? Почему онъ такъ подробно и такъ, прибавимъ, пристрастно обрисовалъ земское обложеніе? Зачѣмъ онъ предложилъ образовать комиссію подъ предсѣдательствомъ Побѣдоносцева?

Все это дѣлалось тайно, въ надеждѣ, что тайна сохранится, а разъ она выползла наружу Витте начинаетъ реабилитировать себя, но это реабилитированіе сшито совершенно бѣлыми нитками, и Витте не можетъ даже скрыть своего неудовольствія. «Мои сомнѣнія относительно соотвѣтствія земства нашему государственному строю, высказаны въ особой, совершенно конфиденціальной, сообщенной мною только вамъ и весьма немногимъ лицамъ, занимающимъ высокое положеніе въ іерархіи, администраціи»,—пишетъ Витте Горемыкину досадуя, что «совершенно конфиденціальная записка» обнаружена. А въ ней то онъ прямо говоритъ, что «въ самодержавномъ строѣ государства съ неизбѣжнымъ при немъ бюрократическимъ центромъ, земство—непригодное средство управленія».

Мысль эта въ сущности совершенно вѣрная, обоснованная Витте на массѣ фактовъ, но логическимъ выводомъ ея, казалось бы, явилась необходимость парламентарнаго строя. Но провозглашеніе послѣдняго было бы равносильно непосредственной гибели карьеры Витте, которую ему и надо было укрѣпить. Съ другой стороны, на всякій случай, необходимо было обезопасить себѣ и отступленіе, если настанетъ благопріятное время для конституціи. И министръ финансовъ заканчиваетъ свою записку такъ, что выходъ автору, во всякомъ случаѣ, имѣется. Онъ говоритъ: «Въ трудномъ и отвѣтственномъ дѣлѣ государственнаго правленія надо быть прежде всего искреннимъ (?!!) [1]). Правительству предъ собой и предъ лицомъ

[1]) Мы нарочно печатаемъ это слово курсивомъ, потому что въ устахъ Витте оно просто удивительно. Какъ видимъ сейчасъ, такъ еще болѣе увидимъ въ послѣдствіи, что министръ финансовъ руководствовался чѣмъ угодно, но только не искренностью.

народа надо отдавать ясный отчетъ въ каждомъ мѣропріятіи, не закрывая глазъ на возможныя его послѣдствія и не обманывая ни себя, ни другихъ въ дѣйствительности его значенія. И, по моему искреннему, глубокому убѣжденію, если съ этой единственно правильной точки зрѣнія разсматривать политическое значеніе земскихъ учрежденій, если вполнѣ безпристрастно выяснить мысль законодателя, положенную въ 1864 г. въ основу этихъ учрежденій, то двухъ отвѣтовъ на вопросъ о будущности ихъ въ системѣ нашего государственнаго строя быть не можетъ. Правильное и послѣдовательное развитіе всесословнаго представительства въ дѣлахъ мѣстнаго управленія неизбѣжно приведетъ къ народному представительству въ сферѣ управленія центральнаго, а затѣмъ и къ властному участію народа въ законодательствѣ и въ управленіи верховномъ.

Если же это такъ, то въ отношеніяхъ правительства къ земствамъ, вѣрнѣе, въ направленіи всей нашей внутренней политики можетъ быть только два вполнѣ ясныхъ и точныхъ пути. Можно вѣрить, что каждое государство въ своемъ политическомъ развитіи неизбѣжно должно придти къ конституціи, какъ болѣе совершенной формѣ правленія. Можно считать, что правительственная администрація есть несовершенное, неспособное къ улучшеніямъ, отживающее средство управленія, которое—чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше,—должно уступить свое поприще другой, молодой болѣе совершенной системѣ—самоуправленію, и что возможно широкимъ послѣдовательнымъ и правильнымъ развитіемъ этой послѣдней системы существенно обезпечивается благо народа. Лично я не раздѣляю такой точки зрѣнія, но я ее понимаю. Если стоять на этой почвѣ, то, имѣя передъ собою примѣръ Запада, намъ слѣдуетъ прилагать всѣ усилія къ скорѣйшему и правильному развитію началъ самоуправленія. Ребенка, ставшаго на ноги, надо скорѣй учить ходить; надо дать земствамъ пустить корни во всей странѣ, надо отнестись къ нимъ съ полнымъ довѣріемъ, дать возможную самостоятельность, ослабить административную опеку и затѣмъ на всѣ ихъ стремленія къ объединенію и участію въ законодательствѣ спокойно смотрѣть, какъ на естественный и здоровый ростъ того зерна, которое въ 1864 г. брошено было на нашу политическую ниву».

Таково было основательное мнѣніе Витте, конечный выводъ его, который онъ могъ преподносить,—и преподносилъ земству, обществу, прессѣ.

Но тутъ же рядомъ имѣется отвѣтъ и правительству, въ случаѣ оно,—въ чемъ Витте не сомнѣвался,—не согласится съ первымъ взглядомъ: «Можно имѣть,—пишетъ онъ, и другую противоположную

точку зрѣнія. Можно вѣрить,—и лично я исповѣдую это убѣжденіе,—что конституція вообще «великая ложь нашего времени», и что, въ частности, къ Россіи, при ея разноязычности и разноплеменности, эта форма правленія непримѣнима безъ разложенія государственнаго режима[1]). Съ этой точки зрѣнія никакого дальнѣйшаго расширенія дѣятельности земству давать нельзя, надо провести для него ясную демаркаціонную линію, но, не позволять ни подъ какимъ видомъ преступать эту линію, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, надо возможно скорѣе озаботиться правильной и соотвѣтствующей организаціей правительственной администраціи, твердо памятуя, что «кто хозяинъ въ странѣ, тотъ долженъ быть хозяиномъ и въ администраціи».

Правительство, конечно, обѣими руками ухватилось за выгодную ему теорію Витте, совершенно сходившуюся со взглядами такого столпа абсолютизма, какъ Побѣдоносцевъ, который охотно сталъ теперь поддерживать министра финансовъ. Теперь уже для реакціи были настежь открыты двери и она, привѣтствуемая «сферами», властно заняла первое мѣсто въ правительственной средѣ. Ни съ чѣмъ не считаясь, самодержавная бюрократія тотчасъ же задумала возвратиться ко временамъ Николая I и начала, при посредствѣ верховной власти, дѣйствовать въ этомъ духѣ. Дѣло, если не ошибаемся, началось съ Финляндіи, для «сокращенія» которой былъ посланъ будущій распорядитель судьбами Россіи фонъ-Плеве.

21 мая 1899 года Государь утвердилъ положеніе комитета министровъ, о предоставленіи Его Императорскому Высочеству московскому генералъ-губернатору, въ изъятіе изъ общаго порядка, въ теченіе пяти лѣтъ, особыхъ полномочій.

Въ серединѣ 1899 года министръ народнаго просвѣщенія Боголѣповъ призналъ необходимымъ закрыть юридическое общество, состоявшее при Императорскомъ Московскомъ университетѣ.

Здѣсь къ слову скажемъ, что за рефератъ объ общественныхъ

---

[1]) Какъ всѣмъ извѣстно, всего черезъ 6 лѣтъ послѣ составленія этой записки, Витте самъ прибѣгъ къ конституціи, видя въ ней спасеніе Россіи. Можно думать, что и въ тотъ моментъ, когда онъ излагалъ приведенный взглядъ, онъ не раздѣлялъ его, а лишь подпѣвалъ Побѣдоносцеву, на котораго впрочемъ и ссылается. Именно въ извѣстномъ «Московскомъ Сборникѣ» этотъ россійскій Торквемадо писалъ: «Какой стройный видъ получаетъ въ подобномъ разноплеменномъ составѣ народное представительство и парламентское правленіе очевиднымъ тому примѣромъ служитъ въ наши дни австрійскій парламентъ. Провидѣніе сохранило нашу Россію отъ подобнаго бѣдствія при ея разноплеменномъ составѣ. Страшно подумать, что возникло бы у насъ, когда бы судьба послала вамъ роковой даръ всероссійскаго парламента. Да не будетъ»

взглядахъ Пушкина, прочитанный на торжественномъ засѣданіи юридическаго общества, посвященномъ памяти Пушкина, извѣстный писатель и выдающійся земскій дѣятель В. Я. Якушкинъ былъ высланъ, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, административнымъ порядкомъ въ Ярославль.

29 іюля 1899 г. министромъ внутреннихъ дѣлъ было опубликовано Высочайшее повелѣніе «Объ отбываніи воинской повинности воспитанниками высшихъ учебныхъ заведеній, удаляемыхъ изъ сихъ заведеній за учиненіе скопомъ безпорядковъ».

Пожалуй, приведенныхъ данныхъ достаточно, чтобы видѣть общее направленіе правительства въ послѣдній годъ XIX столѣтія. Но это было только очень скромное предисловіе къ той ужасной реакціи, которая началась въ XX вѣкѣ. Для земства 1899 г. съ внѣшней стороны совершенно напоминалъ 1889 годъ, когда точно также у правительства была мысль покончить съ самоуправленіемъ. Мы говоримъ «съ внѣшней стороны», потому что съ точки зрѣнія внутренняго строя, земство, въ лицѣ его оппозиціонной части и «третьяго элемента», вступало въ XX вѣкъ настолько крѣпкимъ и организованнымъ, опиралось на такіе широкіе слои общества, что въ этомъ отношеніи между 1889 и 1899 годами была громадная разница. Правительство за 10-тилѣтній періодъ сумѣло возбудить неудовольствіе въ громадной части населенія и обратить его симпатіи на земство. Начиная съ XX вѣка оно въ этомъ направленіи работало еще успѣшнѣе.

Закончимъ наши свѣдѣнія о земскомъ движеніи въ концѣ XIX столѣтія сообщеніемъ, что въ самомъ концѣ 90-хъ годовъ по иниціативѣ князей Петра и Павла Дмитріевичей Долгоруковыхъ былъ образованъ кружокъ подъ названіемъ «Бесѣда». Сначала въ немъ обсуждали лишь исключительно земскіе вопросы, а потомъ и политическіе. Когда въ «Бесѣдѣ» преобладающимъ сдѣлалось конституціонное направленіе, всѣ не-конституціонные элементы ушли. Названный кружокъ игралъ видную роль почти до 1904 г., когда начались регулярные земскіе съѣзды. «Бесѣда» близко соприкасалась съ журналомъ «Право», результатомъ чего было изданіе такихъ серьезныхъ книгъ и сборниковъ, какъ «Мелкая земская единица», изданная князьями Д. И. Шаховскимъ и Петромъ Дмитріевичемъ Долгоруковымъ, «Нужды деревни»—изд. Н. Н. Львовымъ, «Сводъ работъ с.-хоз. комитетовъ» изд. А. А. Стаховичемъ, «Крестьянскій вопросъ», изд. кн. Павломъ Д. Долгоруковымъ, «Политическій строй», изд. И. И. Петрункевичемъ и кн. П. Д. Долгоруковымъ.

V.

XX вѣкъ.

1900, 1901 и начало 1902 годовъ.

Мы будемъ не далеки отъ дѣйствительности, если скажемъ, что въ 1900 году однимъ изъ первыхъ проявленій правительственной реакціи была пріостановка дѣятельности Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества.

Правительство рѣшило прежде всего уничтожить всероссійскій центръ, возлѣ котораго группировались земскія силы и особенно «третій элементъ», не на шутку ставшій тревожить бюрократію.

И въ данномъ случаѣ своими репрессіями оно достигло только того, что Вольное Экономическое Общество, какъ гонимое, пріобрѣло громадныя общественныя симпатіи и вмѣсто открытой дѣятельности перешло къ закрытой, полулегальной, что, въ силу русской дѣйствительности, пожалуй, еще больше возвышало его авторитетъ.

Бюрократія думала, однако, совершенно иначе и одновременно съ уничтоженіемъ всероссійскаго «революціоннаго» очага, гдѣ находило себѣ пріютъ земство, принялось за коренную ломку послѣдняго.

По мысли министра финансовъ С. Ю. Витте, горячо, несомнѣнно, поддержанной реакціонными элементами, въ 1901 г. рѣшено было разрушить самый фундаментъ, на которомъ зиждется самоуправленіе—лишить его права самообложенія, или, другими словами,—лишить земство средствъ.

Для достиженія этой цѣли, 12 іюня 1900 года былъ изданъ законъ о предѣльности земскаго обложенія.

Земскія собранія стали, конечно, протестовать, но эти протесты не удовлетворялись.

Одновременно съ закономъ о предѣльности земскаго обложенія, того же 12 іюня, опубликованъ былъ и новый «законъ» о народномъ продовольствіи, которымъ земство совершенно устранялось отъ завѣдыванія мѣстными продовольственными запасами и продовольственною помощью.

Лишивъ земства такого существеннаго права, какъ самообложенія, устранивъ отъ народнаго продовольствія, правительство энергично стало тѣснить земство въ дѣлѣ народнаго образованія. Не

ограничиваясь отклоненіемъ всякихъ ходатайствъ въ этой отрасли хозяйства [1]), бюрократія заставила и верховную власть отрицательно отнестись къ земской работѣ по просвѣщенію народа, чтобы тѣмъ поставить земство въ совершенно безвыходное положеніе.

Такъ, по выраженному воронежскимъ губернаторомъ мнѣнію что осуществленіе возбужденнаго губернскимъ земскимъ собраніемъ вопроса о введеніи всеобщаго обученія въ губерніи, переданнаго для детальной разработки въ уѣздныя земскія собранія, окажется непосильнымъ для земства, такъ какъ для этого потребуется увеличеніе земскаго обложенія на 450.000 руб. въ годъ, каковой расходъ не соотвѣтствуетъ нынѣшнему экономическому положенію населенія, обремененному и безъ того земскими налогами, Государь на Всеподданнѣйшемъ докладѣ написалъ: «надѣюсь, что губернское земское собраніе трезво отнесется къ подобному увлеченію».

Чтобы окончательно избавиться отъ земскихъ требованій относительно изданія общественнаго органа, каковое стремленіе уже въ 60-хъ годахъ не безъ основанія объяснялось стремленіемъ земствъ къ единенію, хозяйственный департаментъ министерства внутреннихъ дѣлъ еще въ 1899 году разослалъ въ земскія управы объявленія, что съ января 1900 г. при департаментѣ будетъ издаваться періодическій сборникъ подъ заглавіемъ «Вѣстники земскаго и городского хозяйства».

Толку изъ этого бюрократическаго предпріятія, конечно, никакого не получилось, и, кажется, пресловутый «Вѣстникъ» вовсе не выходилъ. Но земствамъ этимъ рѣшеніемъ былъ, что называется, заткнутъ ротъ. Правительство имѣло возможность отвѣчать: «зачѣмъ вамъ теперь общеземскій органъ, когда таковой уже будетъ издаваться министерствомъ?»

Относительно другого рода нежелательныхъ земскихъ требованій принимались иныя, не менѣе энергичныя мѣры. Губернаторы въ 1900 г. неукоснительно воспрещали вносить на обсужденіе губернскихъ земскихъ собраній ходатайства уѣздныхъ земскихъ собраній объ освобожденіи населенія отъ тѣлесныхъ наказаній, а если предводители дворянствъ, въ качествѣ предсѣдателей собраній, допускали,

---

[1]) Между прочимъ, въ 1900 году министерствомъ народнаго просвѣщенія проектированъ «Наказъ училищнымъ совѣтамъ», который, въ случаѣ его утвержденія, совершенно отчуждалъ земство отъ народнаго образованія. Земства энергично стали требовать, чтобы, прежде утвержденія этого наказа, послѣдній былъ сообщенъ для отзыва земскимъ собраніямъ, но всѣ ходатайства такого рода были отклонены, хотя въ концѣ концовъ, «Наказъ» не былъ приведенъ въ исполненіе.

то имъ грозила кара до преданія суду включительно. Такъ, между прочимъ, возбуждено было судебное преслѣдованіе противъ уѣздныхъ предводителей дворянства: Черниговскаго—Г. Н. Глѣбова и Городнянскаго, Черниговской губерніи—М. Д. Карвольскаго-Гриневскаго.

Наконецъ, скажемъ, что въ 1900 г. министерство внутреннихъ дѣлъ совершенно отказалось отъ введенія земскихъ учрежденій не только въ сѣверо-западныхъ, но и въ юго-западныхъ губерніяхъ

Однако, всѣ эти мѣры не оказывали никакого вліянія на земства,—онѣ, наоборотъ—сплачивали земскихъ дѣятелей и, согласно требованіямъ жизни, заставляли ихъ изыскивать новые пути для достиженія общественныхъ цѣлей и дѣйствовать болѣе энергично, опираясь на пробуждавшуюся страну.

Съ 1900 г. земская оппозиція, не обращая уже вниманія на правительственныя распоряженія, начинаетъ почти открыто устраивать частичные съѣзды, которые назывались «слетами» [1]). Въ каждомъ случаѣ, когда предстояло объединить земства на какомъ-нибудь вопросѣ, «слетались» видные представители земской оппозиціи и близкія имъ лица изъ «третьяго элемента», а также представители городовъ и дѣлали тѣ или иныя постановленія, которыя затѣмъ проводились въ земскихъ собраніяхъ. Главнымъ пунктомъ для «слетовъ» была Москва, такъ какъ Московское губернское земство играло руководящую роль, но «слетались» нерѣдко и въ другихъ городахъ, если являлся подходящій случай: какая-нибудь выставка, педагогическіе курсы, какой-нибудь мѣстный съѣздъ—медицинскій, учительскій и т. п. Нерѣдко въ такого рода «слетахъ» принимало участіе такое количество лицъ, что «слеты» носили характеръ съѣздовъ.

Уже въ 1901 году это явленіе настолько бросалось въ глаза, что правительство сочло необходимымъ обратить на него вниманіе губернаторовъ.

Въ февралѣ 1901 г. въ Москвѣ состоялся съѣздъ дѣятелей агрономической помощи мѣстному хозяйству, происходившій подъ предсѣдательствомъ Н. А. Хомякова. Можно сказать, что этотъ именно съѣздъ положилъ начало всѣмъ будущимъ. Онъ былъ весьма многолюденъ и принимали участіе въ немъ какъ выборные земцы,

[1]) Такіе слёты имѣли мѣсто въ теченіи почти всѣхъ 90-хъ годовъ, но тогда устраивались они конспиративно и не имѣли постояннаго характера. Такъ, напримѣръ, кажется, въ 1882 году въ Москвѣ происходилъ такой частичный съѣздъ, устроенный И. И. Петрункевичемъ. Въ немъ принималъ участіе кн. Д. И. Шаховской, В. Е. Якушкинъ и др. земскіе дѣятели. Въ 1896 или въ началѣ 1897 г., кажется, было совѣщаніе въ Курскѣ, гдѣ были кн. П. Д. Долгоруковъ, кн. Д. И. Шаховской, А. А. Стаховичъ, кн. Волконскій, А. Н. Фонъ-Рутценъ и еще нѣкоторыя лица.

такъ и «третій элементъ». Въ самомъ почти началѣ работъ съѣздъ принялъ уже политическую окраску.

Встревоженные губернаторы, основываясь на циркулярѣ министровъ, писали земскимъ управамъ по поводу земскаго единенія и съѣздовъ:

«За послѣднее время усматривается, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ земскія и городскія управленія, желая возбудить какое-либо ходатайство по предметамъ, не относящимся исключительно къ мѣстнымъ пользамъ и нуждамъ, и имѣющимъ характеръ общегосударственный, входятъ въ предварительное сношеніе съ другими общественными установленіями и при томъ не только своей, но иногда даже и другой губерніи съ просьбой возбудить и съ ихъ стороны одновременно ходатайство, подобное предлагаемому. Принимая въ соображеніе, что такія дѣйствія выходятъ изъ предѣловъ власти, предоставленной земскимъ и городскимъ управленіямъ, отрывая послѣднія отъ работы на пользу мѣстную и увлекая ихъ на ложный путь, и имѣя въ виду, что, по смыслу ст. 1947-й общ. учр. губ. свода зак. т. II, изданіе 1892 г., общественныя и сословныя собранія, а слѣдовательно и исполнительные ихъ органы, не въ правѣ вступать въ сношенія съ другими собраніями по дѣламъ, относящимся къ общимъ правительственнымъ распоряженіямъ, иначе, какъ съ разрѣшенія губернатора, г. министръ внутреннихъ дѣлъ просилъ меня обратить особое вниманіе на недопущеніе земскими и городскими управленіями указанныхъ выше неправильныхъ сношеній, съ предупрежденіемъ, въ случаѣ надобности, что такія дѣйствія, какъ носящія явный характеръ превышенія власти, могутъ повлечь за собою для виновныхъ законную отвѣтственность».

Въ этомъ документѣ, ясно показывающемъ, что правительство не «усмирило» земство, обращаетъ на себя вниманіе очень важное обстоятельство—это именно участіе въ земскихъ дѣлахъ представителей городовъ. Съ одной стороны, отсюда видно, что земство сумѣло вовлечь въ свою организацію городское самоуправленіе, а съ другой—оно показываетъ, что правительство возбудило противъ себя и чисто буржуазные классы городского населенія, изъ каковыхъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, состояли городскія управы и Думы.

Приведенный министерскій циркуляръ не оказалъ ровно никакого воздѣйствія на земство.

Между прочимъ, скоро послѣ этого циркуляра, въ сентябрѣ 1901 г. въ Полтавѣ состоялся любопытнѣйшій областной съѣздъ дѣятелей по кустарнымъ промысламъ изъ губерній: Полтавской, Черниговской, Харьковской, Курской и Кіевской. Созывъ его разрѣшенъ

былъ полтавскому сельско-хозяйственному обществу, но земскія сферы прекрасно использовали его въ своихъ цѣляхъ. Хозяиномъ съѣзда сдѣлалось полтавское губернское земство уже потому, что съѣздъ происходилъ въ помѣщеніи губернской земской управы. Роль «кустарей» играли, главнымъ образомъ, земцы, преимущественно «третій элементъ», и вообще интеллигенція.

Съѣздъ продолжался 10 дней и былъ очень продуктивенъ въ политическомъ смыслѣ. Между прочимъ, постановлено было считать всѣхъ членовъ полтавскаго съѣзда членами петербургскаго кустарнаго съѣзда, который назначенъ былъ въ 1902 году и, какъ увидимъ, сыгралъ громадную роль въ земскомъ движеніи.

Затѣмъ, по случаю окончившагося въ 1901 году сорокалѣтія со дня освобожденія крестьянъ, посыпались требованія объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, о введеніи всеобщаго обученія [1]), объ установленіи празднованія 19-го февраля, о расширеніи программы начальной школы, чтобы изъ послѣдней былъ прямой переходъ въ среднюю школу, объ учрежденіи комиссій, которыя бы содѣйствовали правовому самосознанію крестьянъ и т. д., и т. п.

Что еще особенно важно, такъ это то, что съ ходатайствами объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, по случаю 40-ка-лѣтія освобожденія крестьянъ, выступили въ 1901 г. и городскія Думы, тѣмъ подтверждая опасенія правительства о начавшейся связи земскаго и городского самоуправленій,—а также доказывали безплодность министерскихъ приказовъ.

«Третій элементъ», конечно, еще меньше считался съ приказами. Въ концѣ 1900 и началѣ 1901 г. на X съѣздѣ естествоиспытателей и врачей въ Петербургѣ онъ уже довольно открыто протестовалъ противъ существующаго строя и въ то же время между участниками съѣзда и петербургскою интеллигенціею шли переговоры о тайной оппозиціонной организаціи. Въ результатѣ избрано было особое бюро, въ составъ котораго вошли 7 человѣкъ изъ петербургскихъ писателей и видныхъ общественныхъ дѣятелей. Изъ этой организаціи, впрочемъ, ничего не вышло, быть можетъ, потому, что одновременно, но независимо отъ нея, образовалась особая группа, положившая начало какъ газетѣ «Освобожденіе», такъ и «Союзу Освобожденія», о которомъ будемъ говорить ниже, а сейчасъ скажемъ, что изъ пяти-

---

[1]) Какъ смотрѣло на всеобщее обученіе духовенство, руководимое Побѣдоносцевымъ, стоявшимъ во главѣ правительства, можно, между прочимъ заключить изъ «Поученія» костромскаго епископа Виссаріона, напечатаннаго въ 1901 г. въ «Костромскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ». Епископъ этотъ предпочиталъ пьянство образованію, на томъ основаніи, что первое вредитъ только тѣлу, а послѣднее «развращаетъ душу».

рированія бюрократическихъ распоряженій было до очевидности ясно, что старые пріемы уже не дѣйствовали, что нужны новыя мѣры, соотвѣтственно росту общественнаго самосознанія, но слѣпая бюрократія знать ничего не хотѣла, и отвѣтила земству, по-прежнему, рядомъ репрессій.

Отказывая во всѣхъ ходатайствахъ, она въ то же время растерянно и безъ всякой системы то удаляла, то не утверждала земскихъ дѣятелей и чинила всяческія препоны.

Въ Ялтѣ, напримѣръ, не былъ утвержденъ предсѣдателемъ уѣздной земской управы г. Келлеръ, избранный громаднымъ большинствомъ гласныхъ; въ Полтавѣ было воспрещено празднованіе 19 февраля и приказано ничего не говорить объ освобожденіи крестьянъ; въ Перми министръ внутреннихъ дѣлъ не утвердилъ устава Пушкинскаго общества для содѣйствія ...ар дному образованію, проектированнаго губернскимъ земскимъ собраніемъ; во Владимірѣ были уволены земскіе статистики, за сочувственную телеграмму Н. Ф. Анненскому, избитому въ Петербургѣ во время демонстраціи на Казанской площади, въ Костромѣ администрація задержала всѣхъ статистиковъ, командированныхъ земствомъ на изслѣдованіе въ губернію; въ Вяткѣ главное управленіе по дѣламъ печати сначала задержало изданные губернскимъ земствомъ нѣкоторые разсказы Елпатьевскаго и Станюковича, «впредь до выясненія вопроса о правѣ земства издавать беллетристическія произведенія», а затѣмъ запретило и не возвратило земству этихъ изданій; въ Малмыжѣ, Вятской губерніи, не былъ утвержденъ въ должности предсѣдателя управы В. А. Батуевъ, который занималъ эту должность въ теченіе 9-ти лѣтъ; Дубяга, пресѣдатель Зѣньковской (Полт. губ.) управы, вынужденъ былъ «подать въ отставку»; въ Самарѣ губернаторъ устранилъ отъ должности 9 статистиковъ, а также техниковъ и другихъ служащихъ въ управѣ; въ Бѣлевѣ, Тульск. губ., не былъ утвержденъ предсѣдателемъ Ф. З. Арбузовъ, горячій защитникъ народнаго образованія; въ Оханскомъ, Пермской губерніи, земскомъ собраніи предсѣдатель Салтыковъ не разрѣшилъ заслушать докладъ управы о мелкой земской единицѣ, «на основаніи имѣющейся инструкціи»; не былъ разрѣшенъ этотъ вопросъ и въ Пермскомъ губернскомъ земскомъ собраніи, а постановленіе о томъ же Стерлитомакскаго, Уфимск. губ., собранія было опротестовано губернаторомъ.

Къ этому, кажется, времени относится и разгромъ врачебно-продовольственнаго комитета Пироговскаго Общества, въ которое, какъ мы уже говорили, входило очень много земскихъ врачей, находившихъ здѣсь большій просторъ и для обмѣна мнѣній, и для ши-

рокой постановки вопросовъ, чѣмъ на мѣстныхъ земско-врачебныхъ съѣздахъ, которые преслѣдовались, какъ и земство вообще. Для земскихъ врачей Пироговское Общество было такимъ же всероссійскимъ центромъ, какъ для статистиковъ, агрономовъ, и частью—учителей—Императорское Вольное Экономическое Общество.

Нужно было быть слѣпымъ и глухимъ, чтобы не замѣчать движенія, не слышать всеобщаго недовольства въ странѣ.

И правительство, въ лицѣ министровъ, конечно, замѣчало это движеніе, знало о недовольствѣ, но объясняло ихъ, по обыкновенію, исключительно вліяніемъ «крамолы», на искорененіе которой и направлена была вся его энергія.

Въ 1902 г. въ лицѣ министра внутреннихъ дѣлъ Плеве, оно рѣшило дать этой «крамолѣ» рѣшительную битву, стереть ее съ лица земли и возстановить полный авторитетъ правительства, проторивъ ему путь для совершенно свободныхъ, ничѣмъ и никѣмъ не стѣсняемыхъ дѣйствій.

Названный годъ занимаетъ, поэтому, одно изъ выдающихся мѣстъ въ исторіи обще-русскаго и земскаго освободительнаго движенія, тѣмъ болѣе, что онъ богатъ и сложенъ событіями, явившимися результатомъ одновременнаго дѣйствія двухъ диктаторовъ,—Витте и Плеве. Въ 1902 году не закатилась еще звѣзда перваго и въ то же время ярко засвѣтилась здѣзда второго. Оба властолюбивые, они ненавидили другъ друга и одновременно существовать не могли, но долгое время вынуждены были итти если не вмѣстѣ, то параллельно другъ другу.

Въ виду сказаннаго, намъ, для характеристики земскаго движенія въ 1902 году, придется раздѣлить послѣдній на четыре части: 1) Краткій періодъ управленія министерствомъ внутреннихъ дѣлъ Сипягинымъ, 2) совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности устроенныя Витте, 3) изданіе «Освобожденія» и 4) самостоятельная, такъ сказать, дѣятельность Плеве.

Сипягинскій періодъ 1902 года, въ сущности говоря, ничѣмъ не отличался отъ 1901 года.

Къ крайнему неудовольствію правительства, земство, въ лицѣ оппозиціонныхъ земскихъ дѣятелей и «третьяго элемента», продолжало съѣзжаться, сговариваться, совѣщаться, а земскія собранія не прекращали «недопустимыхъ» требованій.

Сипягинъ только и зналъ, что «отклонялъ» земскія ходатайства, запрещалъ газеты, «усмирялъ» волненія, производилъ обыски, высылалъ, ссылалъ, покуда, 2 апрѣля 1902 года, не былъ самъ убитъ Балмашевымъ, впослѣдствіи казненнымъ.

VI.

Съ апрѣля до конца 1902 года.

Черезъ два дня послѣ смерти Сипягина, 4 апрѣля, на его мѣсто министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ В. К. фонъ-Плеве, оставаясь по-прежнему и министромъ Финляндіи. 6-го апрѣля, принимая высшихъ чиновъ министерства внутреннихъ дѣлъ, Плеве въ рѣчи своей, между прочимъ, сказалъ: «Становясь на его (т. е. Сипягина) постъ, молю Всевышняго даровать мнѣ нравственныя силы слѣдовать этому примѣру. Историческій смыслъ нашего времени столь глубокъ, значеніе общественныхъ событій, нами переживаемыхъ, такъ велико, что созданное ими положеніе требуетъ не словъ, а дѣла. Въ порученномъ намъ государственномъ дѣлѣ приглашаю васъ на разумную, благожелательную и спокойную работу, требую честнаго и умѣлаго сотрудничества. Зная большинство изъ васъ, увѣренъ, что мое требованіе будетъ исполнено».

Очень скоро послѣ своего назначенія на постъ министра внутреннихъ дѣлъ фонъ-Плеве отправился по Россіи, главнымъ образомъ для уничтоженія . . . . . земскихъ статистиковъ и борьбы съ земствомъ!..

Но здѣсь мы считаемъ нужнымъ, уклоняясь отъ хронологическаго порядка, остановиться на одномъ изъ важнѣйшихъ событій 1902 и 1903 года—на совѣщаніяхъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, показавшихъ съ одной стороны, громадный ростъ общественнаго самосознанія, съ другой—объединенность земствъ, и, наконецъ,—явившихся главною ареною борьбы Витте и Плеве.

По иниціативѣ министра финансовъ, 22 марта 1902 года было Высочайше утверждено Положеніе Особаго совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, образованнаго подъ предсѣдательствомъ С. Ю. Витте.

Ниже подробную критику этой бюрократической затѣи дадутъ земскія собранія и участники уѣздныхъ и губернскихъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, а потому мы не будемъ здѣсь останавливаться на этомъ, а скажемъ о всероссійской кустарно-промышленной выставкѣ въ С.-Петербургѣ, совпавшей какъ разъ съ опубликованіемъ положенія объ особомъ совѣщаніи.

На эту выставку, состоявшуюся въ мартѣ 1902 года, съѣхалось много земцевъ совмѣстно съ «третьимъ элементомъ». Все это были такіе же «кустари», какъ и полтавскіе, изъ которыхъ не мало участвовало также и на петербургскомъ съѣздѣ. Затѣмъ къ нимъ присоединилась петербургская интеллигенція. И вотъ въ это время на частныхъ совѣщаніяхъ, происходившихъ, главнымъ образомъ, внѣ Петербурга, земцы совмѣстно съ земскою и не-земскою интеллигенціею обсуждали и выработали черновой, такъ сказать, проектъ программы для заграничнаго органа «Освобожденія». Этотъ проектъ былъ увезенъ затѣмъ въ Москву, куда съѣхалось человѣкъ 15—17 земцевъ и лицъ «свободныхъ профессій», которые уже окончательно редактировали программу, напечатанную затѣмъ въ № 1 «Освобожденія».

Здѣсь мы считаемъ необходимымъ изложить краткую исторію этой газеты и одновременно — «Союза освобожденія», хотя для этого намъ придется, съ одной стороны, вернуться нѣсколько назадъ, а съ другой —забѣжать немного впередъ. Главнымъ матеріаломъ служитъ для насъ въ данномъ случаѣ обстоятельное письмо одного извѣстнаго писателя, который принималъ самое близкое участіе какъ въ газетѣ, такъ и въ «союзѣ», и любезно сообщилъ все пишущему эти строки. Въ февралѣ 1900 года, — говоритъ авторъ письма, — П. Б. Струве, съ вѣдома лишь нѣсколькихъ близкихъ къ нему лицъ, вступилъ въ переговоры кое съ кѣмъ изъ земцевъ относительно изданія за-границею газеты. Но такъ какъ одновременно у соціалъ-демократовъ явилась мысль издавать за границей-же «Искру», то первоначально была идея кордынировать оба предпріятія. Съ этою цѣлью П. Б. Струве ѣздилъ за границу и велъ переговоры съ видными представителями с.-д. партіи. Хотя переговоры эти успѣхомъ не увѣнчались, но отношенія настолько были хороши, что какъ Струве, такъ и авторъ письма помѣщали свои статьи въ «Искрѣ» и передали с.-д. для изданія добытую освобожденцами знакомую уже намъ записку Витте—«Самодержавіе и Земство». Послѣ этого Струве пригласилъ автора письма пріѣхать для свиданія во Франкфуртъ-на-Майнѣ, гдѣ и было окончательно рѣшено издавать самостоятельный органъ. Въ мартѣ 1901 г. Струве уѣхалъ въ Россію и какъ разъ угодилъ на демонстрацію на Казанской площади въ Петербургѣ, слѣдствіемъ чего была высылка его въ Тверь. Вслѣдъ за Струве возвратился и авторъ письма, но онъ почти никого не засталъ въ Петербургѣ, такъ какъ за ту же демонстрацію чуть не всѣ его знакомые были высланы изъ столицы, при чемъ многіе поселились въ Финляндіи, куда авторъ письма и сталъ наѣзжать изъ Петербурга; посѣтилъ

онъ также и Струве въ Твери, которому скоро удалось эмигрировать за границу. Вотъ тогда-то авторъ письма сообщилъ проживавшимъ въ Финляндіи писателямъ и общественнымъ дѣятелямъ о намѣреніи Струве издавать за границею органъ, что не только вызвало всеобщее сочувствіе, но было рѣшено образовать особую группу для обслуживанія «Освобожденія», изъ которой впослѣдствіи и образовалась петербургская группа союза освобожденія. Какъ только въ Финляндіи организовалась названная группа, авторъ письма отправился въ Воронежъ, куда просилъ пріѣхать одного писателя, собиравшагося ѣхать за границу. Послѣдній сообщилъ, что за границу переносится изданіе «Жизни», вслѣдствіе чего онъ, писатель, связанный съ этимъ журналомъ, не можетъ принять участія въ «Освобожденіи». Въ февралѣ 1902 года авторъ письма посѣтилъ: Тулу, Курскъ, Харьковъ и Крымъ, вербуя сотрудниковъ для будущей газеты. Въ Крыму, между прочимъ, велись переговоры съ Чеховымъ, Горькимъ и Рубакинымъ. Возвращеніе въ Петербургъ автора письма совпало съ кустарнымъ съѣздомъ, о которомъ мы говорили. Изъ числа участниковъ съѣзда два выдающіеся земца приняли самое дѣятельное участіе въ вопросѣ объ изданіи газеты, ѣздили съ этою цѣлью въ Финляндію, гдѣ у одного извѣстнаго ученаго и писателя была выработана программа газеты, при чемъ этимъ же ученымъ написана была первая программная передовая статья, содержаніе которой мы ниже приведемъ. И программа и статья были увезены въ Москву, гдѣ въ скоромъ времени состоялось совѣщаніе земцевъ и представителей «третьяго элемента», согласившихся обслуживать газету «Освобожденіе». На этомъ съѣздѣ были земскіе депутаты отъ губерній; Петербургской, Московской, Тверской, Ярославской, Курской, Саратовской и нѣкоторыхъ другихъ. Съѣздъ утвердилъ какъ программу, такъ и программную статью, съ небольшими, впрочемъ, поправками, а также письмо земцевъ-конституціоналистовъ, составленное однимъ видным земцемъ и напечатаннымъ затѣмъ въ 1 № «Освобожденіе». Но и на этомъ московскомъ съѣздѣ «Союзъ освобожденія» еще не былъ осуществленъ. Его образованіе произошло немного позже, именно лѣтомъ 1903 года. Идея, возникшая, какъ мы видимъ, въ Финляндіи, была развита затѣмъ на «литературныхъ ужинахъ», начавшихъ функціонировать съ осени 1902 года и замѣнявшихъ собою до нѣкоторой степени закрытый въ 1901 г. «Союзъ писателей». Участники «ужиновъ» образовали особый «Комитетъ», въ составъ котораго почти поголовно входили «освобожденцы», т.-е. лица, обслуживавшія газету «Освобожденіе», но еще не члены «Союза освобожденія». Окончательная организація послѣдняго осуществи-

лась за границею, а санкціонированъ онъ былъ лишь въ 1904 году. Объ этомъ рѣчь будетъ ниже, а теперь, продолжая прерванное нами изложеніе событій въ хронологическомъ порядкѣ, прежде всего должны сказать, что въ апрѣлѣ 1902 г. въ Москвѣ состоялся такъ называемый «пожарный съѣздъ», предназначенный собственно для обсужденія вопросовъ по земскому страхованію, но на немъ рѣшено было собрать общеземскій съѣздъ для выработки программы дѣйствій земскихъ представителей въ предстоящихъ засѣданіяхъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ. 2-го мая 1902 г., совершенно неожиданно для правительства, такой съѣздъ и осуществился, при чемъ въ немъ участвовали представители 25-ти земскихъ губерній. Главною темою для обсужденія было положеніе, которое создано совѣщаніемъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, вслѣдствіе устраненія отъ этого дѣла земскихъ учрежденій. Совѣщаніе заявило, что устраненіе земскихъ учрежденій отъ выясненія нуждъ сельско-хозяйственной промышленности совершено неправильно. Если Особое совѣщаніе признало, что «едва ли цѣлесообразно предпринимать какія либо мѣры, не спрашивая мнѣнія тѣхъ, чьи нужды должны удовлетворять эти мѣры, кто близко стоитъ къ земледѣлію и кому лучше всего извѣстны его слабыя стороны и насущныя требованія», то очевидно, что такое мнѣніе могло быть представлено лучше всего земскими учрежденіями, которыя являются единственными представителями всего населенія.

Можете представить себѣ негодованіе бюрократіи, когда оно узнало объ этомъ крамольномъ, самовольномъ земскомъ съѣздѣ и дерзкихъ его постановленіяхъ! [1]).

Для Витте это былъ ушатъ холодной воды, а для Плеве—радостное негодованіе, если можно такъ выразиться.

Съѣздъ несомнѣнно компрометтировалъ затѣю Витте, и Плеве, слѣдовательно, имѣлъ возможность, съ одной стороны, «подложить свинью» своему врагу, а съ другой—сразу взять штурмомъ ненавистное земство, съ которымъ ничего раньше не могли подѣлать.

Но Плеве, повидимому, еще не зналъ, что земство уже организовалось въ громадный союзъ. Онъ полагалъ, что ему придется имѣть дѣло исключительно съ небольшою, по его мнѣнію, группою оппозиціи, разсѣянной небольшими дозами въ земскихъ учрежденіяхъ, да съ «третьимъ элементомъ», главнымъ образомъ, съ земскими статистиками, которыхъ Плеве считалъ главнымъ гнѣздомъ революціи. Онъ и

---

[1]) Носились слухи, что о земскомъ съѣздѣ сообщилъ Плеве самъ московскій генералъ-губернаторъ великій князь Сергѣй Александровичъ.

намѣтилъ планъ борьбы, согласно изложеннымъ соображеніямъ, какъ вдругъ въ іюнѣ 1902 года, въ Штутгартѣ, подъ редакціей Петра Бернгардовича Струве, начала издаваться газета «Освобожденіе», посвященная, какъ говорилось въ передовой статьѣ 1-го №,—вышедшаго 18 іюня,—«великому дѣлу борьбы за всестороннее освобожденіе нашей родины отъ полицейскаго гнета, за свободу русской личности и русскаго общества».

Изъ перваго же № «Освобожденія» ясно было видно, что этотъ органъ является выразителемъ взглядовъ земской партіи.

Вслѣдъ за передовою въ 1-мъ №-рѣ помѣщены двѣ статьи: «Отъ русскихъ конституціоналистовъ» и «Открытое письмо отъ группы земскихъ дѣятелей», не оставлявшія никакого сомнѣнія, что «земскіе дѣятели»—и были душою «Освобожденія».

Первая статья посвящена была фонъ-Плеве, который, при вступленіи въ управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, въ вышеприведенной нами рѣчи, обращенной къ своимъ сослуживцамъ, между прочимъ сказалъ: «историческій смыслъ нашего времени столь глубокъ, значеніе общественныхъ событій, нами переживаемыхъ, такъ велико, что созданное ими положеніе требуетъ не словъ, а дѣла». Какія же это «дѣла?»—спрашивали конституціоналисты. И отвѣчали, что «какое-бы дѣло» онъ (Плеве) ни началъ дѣлать,—русское общество можетъ спокойно продолжать заниматься своимъ собственнымъ дѣломъ. «Историческій смыслъ» момента не въ томъ, чего хочетъ г. Плеве, а въ томъ, чего хочетъ все русское общество. А «все общество требуетъ отъ власти въ одинъ голосъ—серьезной политической реформы, и «Освобожденіе» разсматриваетъ себя, какъ органъ этого единогласнаго настойчиваго общественнаго мнѣнія.

«Отличіе нашего органа отъ другихъ заграничныхъ изданій заключается въ томъ, что мы предполагаемъ объединить группы русскаго общества, которыя не имѣютъ возможности найти исходъ своему возмущенному чувству ни въ классовой, ни въ революціонной борьбѣ. Мы желаемъ выражать исключительно безсословное общественное мнѣніе и на него опираться». Затѣмъ конституціоналисты прямо заявляютъ, что болѣе всего связаны съ «земскою группою»: «историческая роль перваго организованнаго представителя русскаго общественнаго мнѣнія фактически выпадаетъ на долю земства, и земскіе люди обязаны сдѣлать все отъ нихъ зависящее, чтобы использовать всѣ преимущества своего фактическаго положенія и выполнить свою отвѣтственную роль какъ можно лучше,—выполнить ее такъ, чтобы ни на минуту не лишиться нравственнаго права на дѣйствительное представительство общественнаго мнѣнія». Для этого

должна быть выработана опредѣленная политическая программа. Реакція въ этомъ отношеніи не только не является препятствіемъ, но, наоборотъ, «она лишь приближаетъ ожидаемый нами моментъ». Опасность болѣе грозитъ съ другой стороны: она заключается въ компромиссахъ, на которые идетъ правительство, извѣрившись въ репрессіяхъ. Оно стремится фальсифицировать земское общественное мнѣніе. Однимъ изъ такихъ пріемовъ является—«приглашеніе офиціальныхъ представителей земствъ, предсѣдателей и членовъ управъ, принять участіе въ бюрократическихъ губернскихъ и уѣздныхъ комитетахъ по вопросу объ улучшеніи сельско-хозяйственной промышленности». Конституціоналисты предостерегаютъ земство отъ этого подвоха со стороны бюрократіи и рекомендуютъ земскимъ людямъ придерживаться той тактики, которою руководствовались земцы въ 1881 году, когда ихъ приглашали въ Каховскую комиссію.

Другая статья въ 1-мъ № «Освобожденія», доказывавшая близость послѣдняго къ земству,—это было «открытое письмо отъ группы земскихъ дѣятелей», подписанное довольно значительнымъ числомъ наиболѣе вліятельныхъ и извѣстныхъ гласныхъ многихъ губернскихъ земскихъ собраній. Въ письмѣ земскіе дѣятели заявляли, что «по ихъ мнѣнію, земство принуждено въ настоящее время принимать болѣе активное участіе въ общественной жизни Россіи, для того, чтобы содѣйствовать наилучшему выходу нашей страны изъ теперешняго тяжелаго, почти невыносимаго ея положенія».

Въ письмѣ «отъ земскихъ гласныхъ», напечатанномъ во 2-мъ № «Освобожденія», еще рельефнѣе выяснена связь земства съ названнымъ органомъ. «Мы, нижеподписавшіеся гласные земскихъ собраній»,—говорится въ этомъ письмѣ,—«считаемъ своею нравственною обязанностью заявить свою солидарность съ тѣмъ общимъ направленіемъ, котораго, сколько намъ извѣстно, предполагаетъ держаться журналъ «Освобожденіе», и вмѣстѣ съ тѣмъ свою готовность, путемъ дѣйствія въ земской сферѣ, способствовать достиженію той конечной цѣли, которую имѣетъ въ виду этотъ журналъ и безъ осуществленія которой, какъ мы убѣждены, и самая земская дѣятельность неминуемо должна потерять всякое серьезное значеніе. Эта цѣль — пріобрѣтеніе русскимъ народомъ общечеловѣческихъ правъ, — права свободно вѣрить, мыслить и говорить, права защищаться закономъ отъ всякаго произвола и насилія и, прежде всего,— право располагать своей судьбой, согласно съ своими желаніями и потребностями, устраивая и направляя свою государственную жизнь черезъ посредство своихъ выборныхъ представителей. Ставя себѣ такую задачу, мы вовсе не желаемъ порвать связь съ той мирной и

легальной дѣятельностью, на почвѣ которой мы, по мѣрѣ нашихъ силъ, работали до сихъ поръ. Какъ раньше, такъ и теперь мы остаемся противниками всякаго насилія, откуда бы оно ни исходило, сверху или снизу. Поэтому мы намѣрены въ земствѣ и черезъ земство дѣйствовать путемъ распространенія и уясненія нашихъ идей и организаціи сплоченной партіи, стремящейся къ осуществленію этихъ идей, будучи убѣждены, что ясно сознанное и твердо выраженное требованіе общественнаго мнѣнія есть такая сила, съ которой вынуждено будетъ считаться и правительство. Но мы не можемъ не сознавать, что въ условіяхъ современной русской жизни всякая мирная общественная дѣятельность съ каждымъ днемъ становится все менѣе и менѣе возможною».

Правительство, повидимому, растерялось. Оно привыкло имѣть дѣло съ «подпольною крамолою», а тутъ приходилось встрѣтиться лицомъ къ лицу съ такъ называемымъ обществомъ, съ широкими слоями населенія, дѣйствующими почти открыто.

Конечно, если бы во главѣ правительства было хотя одно лицо съ государственнымъ умомъ, для котораго бы, при томъ, интересы отечества составляли главное содержаніе его жизни, оно, несомнѣнно, воспользовалось бы этимъ далеко еще не революціоннымъ теченіемъ, чтобы безъ мукъ и жертвъ перейти къ новымъ формамъ жизни. Но такихъ лицъ не было, а, наоборотъ, въ высшихъ правительственныхъ сферахъ въ это время, какъ, впрочемъ, и всегда, царила борьба личныхъ интересовъ, самолюбій, своекорыстныхъ вожделѣній.

Первую скрипку въ этой ужасной игрѣ старался захватить Плеве. Онъ зналъ, что на либерализмѣ далеко не уѣдешь, и съ свойственнымъ ему полицейскимъ самомнѣніемъ, сломя голову, ринулся въ битву, въ битву на много фронтовъ, въ битву нелѣпую и столь сложную, что мы затрудняемся изложить ее въ послѣдовательномъ хронологическомъ порядкѣ.

Съ точки зрѣнія хронологической, намъ надо было бы послѣдовать за Плеве въ Полтаву, куда онъ поспѣшилъ почти тотчасъ же послѣ своего назначенія, но по причинамъ, изложеннымъ нами выше, мы прежде всего остановимся на дѣяніяхъ Плеве по отношенію къ Московскому Съѣзду и Комитетамъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, тѣсно связаннымъ съ этимъ съѣздомъ.

Для участниковъ Московскаго Съѣзда, въ томъ числѣ для 16-ти предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ, Плеве добился Высочайшаго выговора, при чемъ Д. Н. Шипову и орловскому предводителю дворянства М. А. Стаховичу выговоры переданы были лично Плеве, а остальные получили ихъ черезъ губернаторовъ, что повлекло

рядъ непріятностей министру внутреннихъ дѣлъ: кн. Павелъ Д. Долгоруковъ, графъ П. А. Гейденъ и М. А. Стаховичъ написали ему довольно дерзкія письма, заявляя, приблизительно, въ такомъ духѣ, что они не чувствуютъ за собою никакой вины и получили выговоръ, вслѣдствіе лицепріятнаго доноса со стороны его, Плеве, Государю.

Такимъ образомъ, эта мѣра не достигла цѣли. Плеве, какъ будто бы, даже испугался добытаго имъ выговора. По крайней мѣрѣ, въ концѣ сентября 1902 г. всѣ предводители дворянства получили отъ губернаторовъ «совершенно довѣрительно» не то предписаніе, не то просьбу слѣдующаго содержанія:

«Въ виду возможности со стороны нѣкоторыхъ гласныхъ на предстоящихъ земскихъ собраніяхъ попытокъ возбудить вопросы, насколько справедливы дошедшіе до нихъ слухи о постигшемъ ихъ сослуживцевъ Высочайшемъ неудовольствіи (за съѣздъ въ Москвѣ), какимъ именно поступкомъ таковое обусловленно и затѣмъ предложить на обсужденіе, въ какой мѣрѣ допустимо дальнѣйшее оставленіе этихъ лицъ на земской службѣ я (губернаторъ), по предложенію Его Высокопревосходительства г. министра внутреннихъ дѣлъ, имѣю честь покорнѣйше просить Васъ, какъ предсѣдателя земскаго собранія, принять всѣ мѣры къ тому, чтобы подобный запросъ въ земское собраніе внесенъ не былъ, буде же тѣмъ не менѣе таковой будетъ кѣмъ либо внесенъ, то прошу тотчасъ же своей властью, какъ предсѣдателя собранія, устранить обсужденіе его». [1])

По отношенію къ предсѣдателю Московской губернской земской управы Плеве употребилъ чисто полицейскіе пріемы, и вслѣдствіе довѣрчивости и искренности Д. Н. Шипова, успѣлъ добиться для себя весьма благопріятныхъ условій.

Пригласивъ предсѣдателя московской губернской земской управы, министръ внутреннихъ дѣлъ заявилъ, что онъ, якобы, стоитъ на сторонѣ земства и признаетъ неправильнымъ то отношеніе къ земскимъ учрежденіямъ, которое проводилъ Сипягинъ.

Новый продовольственный уставъ, законъ о предѣльности земскаго обложенія и прочія продовольственныя мѣропріятія въ томъ же духѣ онъ, Плеве, считаетъ также неудачными. Его отношеніе къ земскимъ учрежденіямъ иное, гораздо болѣе благопріятное, и поли-

---

[1]) На такое «довѣрительное» письмо отъ орловскаго губернатора Кристи—Орловскій губернскій предводитель дворянства М. А. Стаховичъ отвѣтилъ очень дерзкимъ письмомъ, въ концѣ котораго говорилось, что онъ, г. Стаховичъ, «совсѣмъ не склоненъ измѣнить службу «не за страхъ, а за совѣсть и исполненіе закона на угодливое послушаніе совѣту ли, безъ моей просьбы мнѣ данному, или требованію, не на основаніи закона ко мнѣ предъявленному».

тика его будетъ тоже иная. Но для успѣха ея нужно, чтобы сами земскіе дѣятели пошли на встрѣчу желаніямъ министра. Въ правительствѣ,—по словамъ Плеве,—очень сильны теченія враждебныя земству, и каждый ложный шагъ земскихъ людей можетъ только испортить дѣло и парализовать добрыя намѣренія министра. Прежде всего нужно, чтобы земскіе дѣятели отказались отъ вызывающаго образа дѣйствій, отъ всякаго намека на стремленіе добиться «представительства» «Не говорите ничего о представительствѣ въ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ,—сказалъ министръ внутреннихъ дѣлъ,—и тогда мы можемъ съ вами столковаться». Земскія учрежденія, какъ органы мѣстнаго хозяйственнаго управленія, должны быть поставлены въ такія условія, чтобы они были въ состояніи съ успѣхомъ выполнять свои важныя задачи на пользу населенія. Все, что служитъ помѣхой на этомъ пути, должно быть устранено. Въ настоящее время земскіе дѣятели должны своимъ поведеніемъ показать, что ими не руководятъ никакія политическія вожделѣнія. Только тогда министръ можетъ, опираясь на такое настроеніе въ земской средѣ, провести много полезнаго для земскаго дѣла. Для обсужденія всѣхъ вопросовъ, касающихся земскихъ учрежденій, министръ обѣщалъ собрать въ началѣ 1903 года совѣщаніе изъ всѣхъ предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ и совмѣстно съ земскими дѣятелями надѣется разрѣшить всѣ вопросы относительно постановки земскихъ учрежденій. Министръ внутреннихъ дѣлъ просилъ лишь не мѣшать ему на этомъ пути.

Въ то же самое время и потому же поводу Д. Н. Шиповъ бесѣдовалъ съ министромъ финансовъ Витте. Послѣдній говорилъ совсѣмъ противное Плеве. Витте увѣрялъ предсѣдателя Московской губернской земской управы, что напрасно изъ его «записки», о которой мы уже говорили, выводятъ заключеніе объ его враждѣ къ земскимъ учрежденіямъ. Напротивъ, онъ, Витте, полагаетъ, что рано или поздно, а земство добьется государственнаго представительства, но онъ считаетъ, что Россія сейчасъ просто не дожила еще до конституціоннаго строя. Поэтому вся задача заключается въ томъ, чтобы ставить рядъ препятствій, заборовъ по пути неуклоннаго стремленія къ конституціонному представительству. Въ данное время онъ, Витте, предполагаетъ раскрыть какъ можно шире двери практической дѣятельности и предоставить земству на это большія средства, лишь бы удержать его отъ участія въ политическомъ движеніи.

Послѣ этихъ бесѣдъ съ министромъ довѣрчивый Д. Н. Шиповъ, предсѣдательствуя въ совѣщаніи предсѣдателей уѣздныхъ управъ Мо-

сковской губерніи, въ концѣ августа 1902 г., предложилъ отказаться отъ 4-го пункта постановленія совѣщанія земскихъ дѣятелей по вопросу о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, указывая, что требованіе о пополненіи состава особаго совѣщанія выборными земскими представителями практическаго значенія имѣть не будетъ, такъ какъ это пожеланіе земцевъ будетъ разсматриваться, какъ домогательство представительства въ высшемъ управленіи, а это обстоятельство можетъ и вовсе подорвать довѣріе къ земству въ сферахъ, относящихся вообще отрицательно къ принципу мѣстнаго самоуправленія.

По этому поводу въ № 7 «Освобожденія» за 1902 г. была напечатана рѣзкая статья Антона Старицкаго, озаглавленная «Ложный шагъ», въ которой, между прочимъ, говорилось: «московскіе земцы боятся повредить ближайшимъ интересамъ земскаго дѣла. Ихъ замалчиваніе насущной потребности времени—это только тактика, долженствующая успокоить принципіальныхъ противниковъ мѣстнаго самоуправленія».

Въ августѣ 1902 года появилось «циркулярное отношеніе» министра «предсѣдателямъ губернскихъ и уѣздныхъ комитетовъ». Вызвано оно было тѣмъ, что нѣкоторые уѣздные предводители дворянства обратились съ вопросомъ, о чемъ и въ какихъ предѣлахъ возможно допускать сужденія въ состоящихъ подъ ихъ предсѣдательствомъ уѣздныхъ комитетахъ, образованныхъ на основаніи Высочайшаго утвержденнаго 22 марта Положенія особаго совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности». На этотъ вопросъ Витте, ссылаясь на сужденія особаго совѣщанія, опубликованныя въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» за 1902 г. (№№ 69, 27-го марта и 109, 18 мая), отвѣчалъ: «изъ этихъ сужденій видно, что губернскимъ и уѣзднымъ комитетамъ предоставленъ полный просторъ въ изложеніи своихъ взглядовъ на современное положеніе сельско-хозяйственной промышленности и на мѣры воспособленія ей въ зависимости отъ дѣйствительныхъ нуждъ данной мѣстности. Это довѣріе, оказанное лицамъ, вошедшимъ въ составъ комитетовъ, основывается на убѣжденіи, что они отнесутся къ возложенной на нихъ особымъ совѣщаніемъ задачѣ съ тактомъ и спокойствіемъ и не будутъ при занятіяхъ предложенныхъ имъ весьма важнымъ практическимъ дѣломъ преслѣдовать цѣлей, не имѣющихъ непосредственнаго отношенія къ сельско-хозяйственной промышленности».

Переходя теперь къ дѣятельности комитетовъ, начнемъ съ Воронежскаго уѣзднаго.

Богатое послѣдствіями засѣданіе этого комитета состоялось 26 августа 1902 года подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства И. Т. Алисова и при участіи всѣхъ гласныхъ уѣзднаго и нѣкоторыхъ—губернскаго земства. Приглашены были также нѣкоторые извѣстные мѣстные хозяева. Ознакомивъ присутствующихъ съ оффиціальною стороною организаціи губернскихъ и уѣздныхъ комитетовъ, предсѣдатель въ своей вступительной рѣчи остановился прежде всего на томъ фактѣ, что еще въ 1895 году уѣздное земство обсуждало вопросы о нуждахъ сельскаго хозяйства и что его компетентнымъ мнѣніемъ тогда уже были установлены факты вопіющей нужды, въ особенности въ средѣ крестьянскаго населенія. Съ тѣхъ поръ дѣла еще больше ухудшились. Считая въ области сельскаго хозяйства интересы крестьянъ близкими и частнымъ владѣльцамъ, предсѣдатель пригласилъ высказать мнѣніе «мужественно и откровенно». «Мы,—говорилъ онъ,—должны высказать откровенно правительству, что нынѣшнее положеніе дѣлъ далѣе терпимо быть не можетъ». Первымъ послѣ рѣчи предсѣдателя говорилъ гласный воронежскаго губернскаго земства, извѣстный педагогъ Н. Ф. Бунаковъ, предварительно заявивъ, что онъ можетъ высказать свой взглядъ лишь при условіи полной искренности, какъ подсказываетъ ему совѣсть, называя все дѣйствительными именами. Затѣмъ ораторъ произнесъ рѣчь, въ которой, между прочимъ, говорилъ: «Заботиться о какихъ либо частныхъ мѣропріятіяхъ, въ родѣ учрежденія инструкторовъ, борьбы съ оврагами, устройства опытныхъ полей и пр., не только безплодно, безполезно, а даже вредно, потому что эти частности будутъ отвлекать вниманіе отъ настоящаго дѣла. Это все равно, какъ если бы кто либо сталъ спрашивать спеціалистовъ о необходимости исправленія по частямъ и мелочамъ стараго, отслужившаго свое назначеніе дома. Нельзя только толковать о починкѣ и частныхъ передѣлкахъ, когда настоятельно слѣдуетъ передѣлать цѣлое. Что нужно сдѣлать для того, чтобы бороться съ нуждой и заставить нашу жизнь и хозяйство двинуться по пути развитія? Прежде всего необходимо немедленно возстановить въ полной мѣрѣ тѣ учрежденія и освободительныя начала, которыми ознаменовалась первая половина царствованія государя Александра II. Дальнѣйшее развитіе реформъ Александра II должно направиться по пути полнаго освобожденія личности, свободы слова, свободы печати и развитія широкой общественной самодѣятельности. Безъ этихъ общихъ условій немыслимо развитіе личной самостоятельности, иниціативы и предпріимчивости а безъ этихъ качествъ у хозяевъ и землевладѣльцевъ невозможно и, поступательное развитіе нашей сельско-хозяйственной промышлен-

ности. Вотъ почему русскимъ честнымъ людямъ остается уклониться отъ рѣшенія разнаго рода частныхъ практическихъ мѣропріятій, чтобы не затемнять, не маскировать общаго печальнаго положенія дѣлъ и сельско-хозяйственной промышленности, упадокъ которой находится въ прямой и близкой связи съ этимъ общимъ положеніемъ дѣлъ».

Вслѣдъ за этимъ прочелъ записку земскій гласный, докторъ, С. В. Мартыновъ.

Онъ предложилъ комитету высказаться передъ министерствомъ «за неотложность передачи вопроса о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности и неразрывно связанныхъ съ ними общихъ вопросовъ правового и экономическаго благосостоянія государства на обсужденіе всероссійскаго и всесословнаго представительнаго учрежденія съ тѣмъ, чтобы входящимъ въ составъ его выборнымъ людямъ были гарантированы закономъ необходимыя для обсужденія государственныхъ вопросовъ свобода слова и личная неприкосновенность».

Губернскій и уѣздный гласный Тамбовскаго земства докторъ А. И. Шингаревъ убѣждалъ комитетъ, что если онъ не присоединится ко взглядамъ Бунакова и Мартынова, то тѣмъ самымъ вырветъ у себя почву изъ подъ ногъ. Онъ же предложилъ поставить вопросъ о томъ, чтобы были выслушаны главные невольные отвѣтчики за сельско-хозяйственныя неурядицы—крестьяне.

За Шингаревымъ говорилъ завѣдующій статистическимъ отдѣленіемъ воронежскаго губернскаго земства Ф. А. Щербина. Онъ предложилъ избрать одну или двѣ комиссіи для разработки предложеній Бунакова, Мартынова и Шингарева, а комитету приступить къ рѣшенію практическихъ вопросовъ, внесенныхъ правительствомъ. Такая комиссія и была избрана подъ предсѣдательствомъ Щербины, при чемъ въ докладѣ комитету онъ, между прочимъ, требовалъ свободы слова, печати, собраній и пр. и призналъ необходимымъ созывъ «всероссійскаго собора». Изложенный докладъ комиссіи былъ принятъ комитетомъ единогласно. Мало этого: онъ встрѣтилъ сочувствіе въ губернскомъ комитетѣ, засѣдавшимъ подъ предсѣдательствомъ воронежскаго губернатора Слѣпцова и при участіи до 80-ти землевладѣльцевъ. Какъ только Плеве узналъ о рѣчахъ и постановленіяхъ воронежскихъ комитетовъ, онъ пришелъ въ ярость [1]). Уѣзднаго воронежскаго предводителя дворянства, И. Т. Алисова, тотчасъ же

[1]) Въ то время Плеве съ Государемъ Императоромъ былъ въ Ливадіи. Носились слухи, что туда съ доносомъ отправился одинъ изъ участниковъ въ воронежскомъ губернскомъ комитетѣ орловскій землевладѣлецъ Б. Онъ доставилъ Плеве всѣ матеріалы относительно воронежскихъ комитетовъ.

вызвали въ Ливадію и одновременно было предписано произвести обыскъ, арестовать и отправить въ Петербургъ С. В. Мартынова; Н. Ф. Бунакову было предписано въ 24 часа ѣхать въ С.-Петербургъ и представиться директору департамента Лопухину, а если онъ не согласиться ѣхать добровольно—отправить его въ Петербургъ съ жандармами. Въ то же время, у свояка Мартынова, члена воронежской губернской земской управы Д. А. Перелешина, произведенъ былъ обыскъ. И этимъ дѣло не окончилось. 1-го ноября въ Воронежъ прибылъ командированный Плеве товарищъ его Зиновьевъ и началъ допрашивать каждаго члена комиссіи, составившей вышеприведенный докладъ. Первый допрашивался управляющій казенною палатою, почтенный общественный дѣятель, дѣйствительный статскій совѣтникъ. Г. С. Вашкевичъ. Зиновьевъ сталъ упрекать его, что при 60-ти лѣтнемъ возрастѣ Вашкевичу не слѣдовало принимать участіе въ «такомъ дѣлѣ». «Мы съ вами сѣдые люди,—сказалъ Зиновьевъ,—и намъ уже не слѣдъ увлекаться». На это управляющій казенною палатою возразилъ: «именно потому, что мы съ вами сѣдые люди, именно потому намъ и слѣдуетъ громко и безбоязненно сказать правительству правду, а не кричать: «слово и дѣло». — «Такъ что же, — спросилъ изумленный товарищъ временщика, — вы, значитъ, и теперь присоединяетесь ко всему тому, что сказано въ докладѣ?» — «Да, присоединяюсь,—отвѣтилъ благородный человѣкъ,—повторяю и заявляю, что это мое убѣжденіе».

Затѣмъ Зиновьевъ поодиночкѣ вызывалъ: Переверзева (податнаго инспектора, секретаря комиссіи, составившей докладъ), Ф. А. Щербину, какъ предсѣдателя той же комиссіи, В. И. Колюбакина (бывшаго предсѣдателя воронежской губернской земской управы), г. Шуринова (гласнаго губернскаго земства), Н. И. Тезякова (извѣстнаго земскаго санитарнаго врача и писателя) и Д. А. Перелешина (члена воронежской губернской земской управы).

Кончилась вся его исторія тѣмъ, что Мартынова сослали въ Архангельскъ, Бунакова и Щербину—на мѣста ихъ родины, губернатора Слѣпцова и управляющаго казенною палатою Вашкевича лишили мѣстъ, а Перелешину воспретили быть членомъ земской управы. Словомъ, Плеве въ Воронежѣ произвелъ полнѣйшій разгромъ за чисто конституціонныя заявленія, которыя менѣе чѣмъ черезъ три года получили полное право гражданства, но уже чрезъ посредство революціи.

Послѣ Воронежскихъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, по тяжести послѣдствій, слѣдуетъ поставить Суджанскій, Курской губерніи, комитетъ.

Къ работамъ онъ приступилъ, кажется, 4 іюля 1902 года и въ немъ тотчасъ же, вопреки препятствіямъ со стороны администраціи, первую роль стало играть земство, въ лицѣ энергичнаго и просвѣщеннаго предсѣдателя суджанской уѣздной управы кн. П. Д. Долгорукова, члена той же управы В. В. Усова и др. Черезъ два мѣсяца Суджанскій комитетъ прекратилъ свое существованіе при такого рода обстоятельствахъ: 14 сентября 1902 года, въ залѣ суджанской уѣздной земской управы назначено было засѣданіе комитета. Предсѣдательствовалъ предводитель дворянства А. В. Евреиновъ. Участвовало 74 члена, въ томъ числѣ 31 крестьянинъ. Публики было до 80 человѣкъ. Послѣ прочтенія докладовъ подготовительной комиссіи, приступлено было къ чтенію записокъ отдѣльныхъ членовъ. Когда былъ заслушанъ обширный докладъ секретаря суджанской управы П. Т. Волкова—«причины, препятствующія теперешнему земству вліять на экономическій подъемъ населенія»,—встрѣченный дружными апплодисментами, предсѣдатель Евреиновъ, заявилъ, что, по обстоятельствамъ, отъ него независящимъ, онъ не можетъ допустить обсужденія доклада, какъ касающагося земскаго самоуправленія, равно долженъ снять докладъ о прессѣ и сектантахъ. Князь Долгоруковъ заявилъ на это, что, такъ какъ снимаютъ такіе важные, съ его точки зрѣнія, вопросы, какъ о земскомъ самоуправленіи, онъ считаетъ своимъ долгомъ отказаться отъ активной работы въ комитетѣ. Теперь онъ можетъ оставаться въ комитетѣ лишь какъ должностное лицо—предсѣдатель управы,—работать же не можетъ по долгу своей совѣсти. Громкіе дружные и продолжительные апплодисменты и крики «браво»! сопровождали его заявленіе. Послѣ этого старый земецъ Арнольдъ также заявилъ, что при такомъ положеніи работы комитета не имѣли бы значенія: «заниматься пустыми вопросами—значило бы толочь воду. Лучше бросить». Къ кн. Долгорукову присоединился и членъ земской управы В. В. Усовъ, а другой членъ—Ляховъ прибавилъ: «къ намъ обращались, прося откровенно высказаться о своихъ сельско-хозяйственныхъ нуждахъ, вѣдать которыя, какъ извѣстно, предоставлено земству, а теперь не даютъ говорить». Предложилъ отказаться отъ работъ въ комитетѣ и третій членъ управы, крестьянинъ Н. Л. Выдринъ, и гласный К. Н. Тахтамировъ, высказавшій предположеніе, что врядъ ли кто изъ остальныхъ членовъ останется въ комитетѣ. Раздались дружные апплодисменты, и рѣшительно всѣ члены, включая и крестьянъ, заявили объ отказѣ. Тогда предсѣдатель А. В. Евреиновъ произнесъ рѣчь, въ которой говорилъ, что до сихъ поръ онъ видѣлъ лишь сочувствіе со стороны членовъ къ работамъ комитета и довѣріе лично къ себѣ, давая всѣмъ просторъ

ѣля выраженія своихъ мнѣній. Теперь же, въ силу нѣкоторыхъ обстоятельствъ, онъ принужденъ изъять кое-какіе вопросы. Сожалѣя, что такъ хорошо и дружно начатыя работы должны прерваться, Евреиновъ заявилъ, что не можетъ дальше вести комитета и горячо благодарилъ всѣхъ за то серьезное вниманіе, съ которымъ всѣ отнеслись къ докладамъ. Князь Долгоруковъ пояснилъ, что члены комитета не имѣютъ никакой претензіи къ нему, Евреинову, зная взгляды послѣдняго, и выражаютъ Евреинову благодарность, такъ какъ прекрасно понимаютъ, что если предсѣдатель не разрѣшилъ обсуждать нѣкоторыхъ докладовъ, то, значитъ, на это имѣются непреодолимыя препятствія. Присутствовавшіе апплодировали этимъ словамъ кн. Долгорукова и разошлись.

Результатомъ описаннаго инцидента въ суджанскомъ комитетѣ былъ вызовъ въ С.-Петербургъ Евреинова и кн. Долгорукова. Въ департаментѣ полиціи имъ поставили въ вину «слишкомъ широкую программу комитета». Кн. Долгоруковъ видѣлся только съ директоромъ департамента Лопухинымъ. Евреиновъ же имѣлъ весьма бурное объясненіе съ Плеве. Послѣдній самымъ грубымъ образомъ угрожалъ суджанскому предводителю дворянства, и заявилъ, что если онъ не подастъ въ отставку, то послѣдуетъ Высочайшій приказъ объ его устраненіи отъ должности. Евреиновъ, однако, не остался въ долгу и, въ свою очередь, что называется, «отчиталъ» министра внутреннихъ дѣлъ [1]).

Отъ Плеве Евреиновъ отправился къ Витте и указалъ ему на произволъ Плеве, вмѣшивающагося въ дѣла комитетовъ, которые находятся въ вѣдѣніи особаго совѣщанія, гдѣ предсѣдательствуетъ онъ, Витте. Послѣдній очень любезно принялъ суджанскихъ представителей, и высказалъ желаніе узнать отъ нихъ «всю правду» [2]). «Повѣрьте,—пояснялъ министръ финансовъ,—Государь хочетъ знать всю правду». При этомъ Витте передавалъ земскимъ людямъ, что онъ находится въ натянутыхъ отношеніяхъ съ Плеве. «Сипягинъ,—говоритъ Витте,—былъ честный человѣкъ, съ нимъ у меня были отношенія дружескія, мы были на «ты», стоило лишь поѣхать, переговорить, и было улажено; онъ былъ человѣкъ хорошій, правда, ему не доставало...» И Витте жестомъ руки, касаясь лба, пояснялъ, что въ головѣ его друга было не все на мѣстѣ. «Ну, а этотъ,—т. е. Плеве,—гово-

---

[1]) Курское дворянство, возмущенное вызовомъ въ Петербургъ г. Евреинова черезъ департаментъ полиціи, въ коллективномъ письмѣ на имя суджанскаго предводителя дворянства выразило сочувствіе послѣднему и порицаніе Плеве.

[2]) Одновременно съ Евреиновымъ у Витте былъ и кн. Долгоруковъ.

ритъ далѣе Витте, — ходитъ на своихъ ногахъ и считается здѣсь умнымъ».

Чтобы не возвращаться болѣе къ суджанскому комитету, намъ слѣдовало бы тутъ же сообщить свѣдѣнія о дальнѣйшей судьбѣ кн. П. Д. Долгорукова и другихъ дѣятелей по комитету. Но такъ какъ первый изъ нихъ одновременно понесъ кару за рядъ «преступленій» и предшествовавшихъ засѣданію, и имѣвшихъ мѣсто послѣ закрытія комитета, какъ въ Суджѣ, такъ и въ Курскѣ, то изложимъ названныя свѣдѣнія въ другомъ мѣстѣ а теперь приведемъ краткія данныя о дѣйствіяхъ еще нѣкоторыхъ уѣздныхъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности.

Такъ, Череповецкій, Новгородской губерніи, комитетъ высказавшись за надѣленіе обездоленной части крестьянства землею, за облегченіе всѣхъ прямыхъ налоговъ для бѣдныхъ, постановилъ кромѣ того: «открыть путь къ болѣе полному, непрерывному, прочно организованному участію народа въ дѣлахъ всего управленія, не только мѣстнаго, но и центральнаго, безъ чего всякія заботы правительства и земства объ образованіи и о нуждахъ всякаго рода промышленностей мелкихъ, крупныхъ, ни къ чему иному, кромѣ гибели народной, не приведутъ».

Въ Ветлужскомъ, Костромской губерніи, комитетѣ, съ одной стороны, рѣшено было пригласить всѣхъ гласныхъ земскаго собранія, а съ другой — постановлено вовсе не приглашать земскихъ начальниковъ, — самыхъ желательныхъ для правительства лицъ, — такъ какъ они, по основательному мнѣнію комитета, могутъ импонирующе дѣйствовать на участвующихъ въ комитетѣ, крестьянъ.

Въ Черниговскомъ комитетѣ предсѣдатель уѣздной земской управы г. Тризна указалъ на необходимость: поднятія личности крестьянина и обезпеченія его самодѣятельности; фактическаго осуществленія общедоступности народнаго образованія; широкой постановки земскаго самоуправленія; полной гласности и свободы печати; участія въ комитетахъ выборныхъ отъ губернскихъ земскихъ собраній.

Въ Рузскомъ, Московской губерніи, комитетѣ извѣстный земскій дѣятель кн. Павелъ Д. Долгоруковъ, въ качествѣ предсѣдателя комитета, высказалъ пожеланіе, чтобы была дана возможность правильнаго функціонированія земства, которое должно явиться дѣйствительнымъ выразителемъ мнѣнія земской Россіи. Для этого необходимо возстановить принципъ безсословности земскаго представительства.

Въ Мензелинскомъ, Уфимской губ., комитетѣ землевладѣлецъ Татищевъ доказывалъ необходимость «націонализаціи земли», т. е.

»перехода всѣхъ частныхъ земель въ руки государства, которое тогда въ состояніи было бы надѣлить необходимымъ количествомъ земли воздѣлывателей ея». Если сейчасъ невозможна полная національзація, то «мѣстная, частная—возможна, и она—единственная мѣра, могущая дать крестьянамъ то, безъ чего не поднимешь радикально ихъ благосостоянія».

Въ Тульскій уѣздный комитетъ Я. Я. Гуревичъ внесъ записку, въ которой доказывалъ необходимость расширенія площади крестьянскаго землепользованія, облегченія податной тяготы, путемъ введенія подоходнаго налога, гарантіи личности, отмѣны тѣлеснаго наказанія, уравненіе крестьянъ съ прочими сословіями [1]).

Достаточно и приведенныхъ данныхъ, чтобы убѣдиться, что многіе уѣздные комитеты не только не оправдали надеждъ Витте, но, къ удовольствію Плеве, совершенно скомпрометтировали его въ глазахъ высшихъ сферъ. Плеве, отстранивъ Витте, ждалъ поддержки со стороны губернскихъ комитетовъ, учрежденій уже безусловно бюрократическихъ, но, увы,—и здѣсь земство испортило дѣло.

Мы уже знаемъ, что было въ Воронежскомъ губернскомъ комитетѣ,—такія же «нежелательныя» явленія имѣли мѣсто и въ нѣкоторыхъ другихъ губернскихъ комитетахъ, не взирая на энергичныя стремленія губернаторовъ направить дѣятельность комитетовъ на «надлежащій» путь.

Они дѣйствовали, согласно строжайшему приказу Плеве. Послѣдній добился, что и уѣздные и губернскіе комитеты о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности были подчинены министру внутреннихъ дѣлъ впредь до внесенія ими своихъ работъ въ Особое Совѣщаніе, гдѣ предсѣдательствовалъ Витте. Достигнувъ этого, Плеве тотчасъ же отдалъ распоряженіе губернаторамъ, чтобы они совершенно не допускали обсужденія въ комитетахъ «общихъ вопросовъ», какъ-то—о народномъ образованіи, о правовомъ положеніи крестьянина, о земскомъ самоуправленіи и т. п. Губернаторы, конечно, поспѣшили выполнить волю министра.

Такъ, засѣданія Тамбовскаго губернскаго комитета 11—13 января 1903 г., сопровождались слѣдующими инцидентами. Губернаторъ, знаменитый фонъ-деръ-Лауницъ, заявилъ, что, по его распоряженію, составлена сводка работъ уѣздныхъ комитетовъ и предложилъ правителю канцеляріи прочитать эту сводку. Очень скоро выяснилось, что никакой «сводки» сдѣлано не было, а правитель канцеляріи читалъ

---

[1]) Скажемъ здѣсь къ слову, что за записку, поданную въ Тульскій уѣздный комитетъ, былъ арестованъ членъ комитета, крестьянинъ Новиковъ.

только «выборки». Тогда губернскій предводитель дворянства, кн Чолокаевъ, замѣтилъ, что трудно обсуждать эти выборки, не имѣвъ и не имѣя въ рукахъ подлинныхъ докладовъ. На это губернаторъ замѣтилъ, что «не было времени все напечатать». Вслѣдъ за этимъ Темниковскій предводитель дворянства, Новосильцевъ, спросилъ, — «вошли ли въ сводку и будутъ ли обсуждаться наиболѣе существенныя постановленія Темниковскаго комитета?» На это губернаторъ категорически отвѣтилъ: «нѣтъ». На слѣдующій день, въ засѣданіи 12 января, кн. Чолокаевъ предложилъ прежде всего выслушать журналъ предыдущаго засѣданія, но губернаторъ отвѣтилъ отказомъ, находя чтеніе жунала «совершенно излишнимъ», въ виду того, что «каждому предоставлено подавать письменно свои особыя мнѣнія». Тогда кн. Чолокаевъ заявилъ, что онъ считаетъ дальнѣйшее свое участіе въ засѣданіяхъ губернскаго комитета безполезнымъ и излишнимъ. Фонъ-деръ-Лауницъ и на это отвѣтилъ, что губернскому предводителю разрѣшается представить особое мнѣніе и предложилъ перейти къ очередному вопросу. Но тутъ Новосильцевъ заявилъ о необходимости оглашенія постановленій Темниковскаго уѣзднаго комитета, какъ основныхъ. Получивъ отъ губернатора отпоръ, Новосильцевъ присоединился къ заявленію кн. Чолокаева, что вызвало отказъ отъ участія въ комитетѣ со стороны тамбовскаго уѣзднаго предводителя дворянства Петрова-Соловова и губернскаго земскаго гласнаго отъ Козловскаго уѣзда Любощинскаго.

13-го января губернатору было доставлено объ этомъ «заявленіе».

Затѣмъ, лично отъ себя темниковскій уѣздный предводитель дворянства Новосильцевъ, написалъ письмо Витте.

Новоторжскій, Тверск. губ., комитетъ, работавшій подъ предсѣдательствомъ М. И. Петрункевича, по своему составу, представлялъ уѣздное земское собраніе. Докладъ этого комитета, касавшійся всѣхъ вопросовъ, намѣченныхъ на московскихъ земскихъ съѣздахъ, вовсе не вошелъ въ обзоръ постановленій—уѣздныхъ комитетовъ, словно бы новоторжскаго комитета вовсе и не существовало.

Въ вышневолоцкій комитетъ, той же губ., была представлена записка членомъ Тверской губернской управы Н. К. Милюковымъ. Но предводитель дворянства Путятинъ возвратилъ ее при письмѣ, въ которомъ объяснялось, что записка касается дѣйствій правительства и разсмотрѣна быть не можетъ. Авторъ вторично направилъ ее предводителю дворянства, требуя внесенія записки въ комитетъ или приложенія къ трудамъ. Послѣднее было исполнено, но когда Милюковъ ушелъ изъ состава губернскаго комитета и потребовалъ у губернатора свою записку, то послѣдняя была возвращена съ подчеркнутыми

карандашемъ нѣкоторыми фразами. Авторъ послалъ свою записку Витте.

За два дня до открытія Тверского губернскаго комитета у названнаго Милюкова состоялось совѣщаніе для выясненія тактики комитета. При этомъ Тверская губернская управа рѣшила подать въ комитетъ составленное Милюковымъ и редактированное 3-мя членами управы заявленіе, въ которомъ между прочимъ говорилось, что такъ какъ заключенія земскихъ собраній по всѣмъ вопросамъ сельско-хозяйственной промышленности и жизни нашего населенія должны быть переданы въ центральное учрежденіе, то мы признаемъ безусловно необходимымъ возбудить ходатайство, чтобы въ составъ его,—на правахъ съ прочими членами и съ гарантіей личной неприкосновенности за выражаемые взгляды и убѣжденія,—были допущены два представителя, избранные тверскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ.

На совѣщаніяхъ было рѣшено принять участіе въ занятіяхъ губернскаго комитета, но добиваться обсужденія вопросовъ, связанныхъ съ общею финансовою политикою правительства, народнымъ образованіемъ, правовымъ положеніемъ крестьянъ и т. д. Если-же это сдѣлать нельзя, то отказаться отъ участія. 23 января 1903 г. губернскій комитетъ былъ открытъ въ домѣ губернатора. Собралось около 50 человѣкъ. Вскорѣ послѣ открытія предсѣдатель Тверской губ. земской управы, В. Д. фонъ-Дервизъ, изложилъ въ краткихъ чертахъ сущность приведеннаго заявленія, передалъ послѣднее губернатору, кн. Голицыну. Когда приступлено было къ чтенію постановленій уѣздныхъ комитетовъ, И. И. Петрункевичъ, участвовавшій въ комитетѣ въ качествѣ предсѣдателя Новоторжскаго с.-хоз.-об-ва, указалъ, что въ сводъ постановленій уѣздныхъ комитетовъ не все вошло, и Новоторжскаго комитета вовсе нѣтъ. Петрункевича поддержали, конечно, единомышленники.

Утромъ 24-го января стало извѣстнымъ, что постановленія Новоторжскаго комитета не будетъ заслушаны. Тогда земцы собрались въ помѣщеніи губернской управы, гдѣ И. И. Петрункевичемъ и другими было составлено заявленіе на имя губернатора, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: что земцы не считаютъ для себя возможнымъ принимать дальнѣйшее участіе въ трудахъ Тверского губернскаго комитета.

Въ Московскомъ губернскомъ комитетѣ изъ состава его вышли—предсѣдатель губернской земской управы Д. Н. Шиповъ и предсѣдатели всѣхъ уѣздныхъ земскихъ управъ Московской губерніи. Послѣдствіемъ этого выхода былъ слѣдующій циркуляръ отъ 25 февраля 1903 г. за № 1996: «Главное управленіе по дѣламъ печати, по

приказанію министра внутреннихъ дѣлъ, на основаніи ст. 140 уст. о ценз. и печати, предлагаетъ г.г. редакторамъ безцензурныхъ газетъ и журналовъ не перепечатывать какъ полностью, такъ и въ извлеченіяхъ помѣщеннаго въ № 53 газеты «Русскія Вѣдомости» письмо предсѣдателя московской губернской земской управы Д. Н. Шипова, а равно воздержаться отъ обсужденія этого письма».

Въ Тульскомъ губернскомъ комитетѣ, открытомъ 14 января 1903 года, уже со второго засѣданія сталъ послѣдовательно уменьшаться составъ комитета, такъ что послѣднее засѣданіе состоялось всего при наличности 14 членовъ, въ то время какъ на первомъ было 42. Члены губернской земской управы представили губернатору записку съ просьбой направить ее въ особое совѣщаніе.

Изъ приведенныхъ данныхъ о дѣятельности губернскихъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, очевидно, что они не поддержали правительство, и многіе изъ нихъ почти не отличались отъ уѣздныхъ комитетовъ. Ясно было, что не только земство играло первостепенную роль и въ губернскихъ комитетахъ, но что оно участвовало, какъ организованная сила, исполняя постановленіе Московскаго съѣзда и руководствуясь указаніями «Освобожденія».

Теперь, ознакомившись съ направленіемъ уѣздныхъ и губернскихъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности и съ мѣрами по отношенію къ нимъ правительства, послѣдуемъ, какъ выше обѣщали, за Плеве въ Полтаву, куда онъ отправился почти тотчасъ по полученіи портфеля министра внутреннихъ дѣлъ.

Спѣшная поѣздка его на югъ Россіи объяснялась сильными волненіями среди крестьянъ въ Харьковской и, главнымъ образомъ, въ Полтавской губерніи.

На крестьянскія волненія Плеве, конечно, смотрѣлъ, исключительно съ полицейской точки зрѣнія, какъ на результатъ дѣятельности крамолы, сосредоточенной въ земствѣ, въ лицѣ «третьяго элемента», преимущественно среди земскихъ статистиковъ.

Поэтому, явившись въ Полтаву, онъ прежде всего разгромилъ статистическое отдѣленіе полтавскаго губернскаго земства, выславъ завѣдующаго статистическимъ отдѣленіемъ А. А. Русова, и исходатайствовалъ усиленную охрану для Полтавскаго, Константиноградскаго, Переяславскаго и Кременчугскаго уѣздовъ.

Убѣжденіе Плеве въ крамольной дѣятельности земскихъ статистиковъ было такъ велико, что онъ вошелъ даже по этому поводу съ любопытнымъ всеподданѣйшимъ докладомъ, опубликованнымъ въ

началѣ іюня 1902 г. и озаглавленномъ—«О прекращеніи въ 1902 г собиранія статистическихъ свѣдѣній о земельныхъ имуществахъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ земледѣльческой полосы Россіи».

Первая часть этого «доклада» посвящена критикѣ статистическихъ работъ, но изъ второй части выясняется, что «умыселъ другой тутъ былъ», и вовсе не «работы» интересовали временщика, а нѣчто другое. Именно во второй части Плеве докладывалъ: «За послѣдніе годы обнаружилась и другая отрицательная сторона земскихъ оцѣночныхъ работъ. Для собиранія необходимыхъ статистическихъ свѣдѣній земскія учрежденія должны были подобрать постоянный личный составъ, пополняемый въ лѣтніе мѣсяцы временными сотрудниками нерѣдко далеко не безупречными въ политическомъ отношеніи. Число такихъ сотрудниковъ достигало въ 1900 и 1901 годахъ во многихъ губерніяхъ значительныхъ размѣровъ.

«Между тѣмъ, преградить неблагонадежнымъ лицамъ доступъ къ занятію статистическими работами не всегда представляется возможнымъ, ибо нѣкоторыя земства, по спѣшности дѣла допускали статистиковъ къ работамъ до полученія разрѣшенія губернатора. Постоянное, особенно при обслѣдованіи земельныхъ имуществъ, общеніе съ крестьянами даетъ неблагонадежнымъ людямъ широкое поле для противоправительственной пропаганды, бороться съ которой, при слабости полицейскаго надзора въ селеніяхъ, представляется крайне затруднительнымъ. Послѣднія событія въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ съ очевидностью выяснили необходимость немедленно положить предѣлъ вредному вліянію, которое оказывали на населеніе нѣкоторые изъ земскихъ статистиковъ. Руководствуясь изложенными соображеніями, я полагалъ бы: собираніе въ текущемъ году статистическихъ свѣдѣній о земельныхъ имуществахъ въ губерніяхъ: Бессарабской, Екатеринославской, Казанской, Курской, Орловской, Пензенской, Полтавской, Самарской, Симбирской, Тульской, Харьковской и Черниговской прекратить, предоставивъ примѣненіе этой мѣры въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ 22-хъ губерній усмотрѣнію начальниковъ губерній.»

Въ тѣсной связи съ приведеннымъ всеподданнѣйшемъ докладомъ объ охраненіи народа отъ земскихъ статистиковъ были еще два секретныхъ циркуляра, вполнѣ характеризующихъ направленіе правительственной дѣятельности въ 1902 году.

Одинъ изъ нихъ принадлежалъ Тверскому губернатору, другой—департаменту полиціи, и оба пущены въ ходъ одновременно съ опубликованіемъ всеподданнѣйшаго доклада Плеве, т. е. въ іюнѣ мѣсяцѣ, но мѣсто не дозволяетъ привести ихъ содержаніе.

Московскій съѣздъ, изданіе «Освобожденія» заставляли правительство насторожиться еще до открытія дѣйствій вредныхъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ и, какъ мы уже говорили, придти къ убѣжденію въ существованіи земской организаціи и въ союзѣ оппозиціонной части «второго» земскаго элемента съ «третьимъ».

Такой взглядъ правительства въ достаточной степени выяснился, между прочимъ, во время пребыванія Плеве въ Курскѣ, когда тамъ происходили маневры въ присутствіи Государя.

Мы поэтому остановимся здѣсь на курскихъ событіяхъ, предварительно сообщивъ свѣдѣнія о первой выставкѣ по народному образованію въ Курскѣ и земскомъ «слетѣ» предшествовавшихъ маневрамъ.

Выставка по народному образованію происходила въ Курскѣ съ 23 по 30 іюня 1902 года. Она устроена была курскимъ губернскимъ земствомъ по иниціативѣ комиссіи курскаго губернскаго земства по народному образованію, въ составъ которой входили такіе выдающіеся земскіе дѣятели, какъ В. Е. Якушкинъ, А. Н. Рутценъ, Н. В. Ширковъ и др., а предсѣдателемъ комиссіи былъ Кн. П. Д. Долгоруковъ. Кромѣ того, членами комиссіи состояло и много лицъ изъ «третьяго элемента».

Земскіе дѣятели, также въ значительномъ числѣ прибывшіе на выставку, устроили, какъ мы уже говорили, въ Курскѣ «слетъ». Въ немъ принимали участіе, помимо видныхъ представителей Курскаго земства, какъ кн. П. Д. Долгоруковъ, В. Е. Якушкинъ, А. Н. фонъ-Рутценъ, Н. В. Раевскій, Н. В. Ширковъ, Ф. К. Шагаровъ, В. И. Должонковъ, Э. К. Загорскій и др., еще и представители земствъ: Тверской губерніи—Н. К. Милюковъ, В. А. Пуликовскій, Н. А. Баловинскій, Н. А. Трубниковъ, отъ Рязанской — кн. Волконскій, отъ Псковской—гр. П. А. Гейденъ, отъ Черниговской — В. М. Хижняковъ. Засѣданія ихъ были и открытыя, и закрытыя.

Нужно ли говорить, что правительство обратило вниманіе на описанныя событія въ Курскѣ, но послѣдствія этого вниманія явились немного позже.

Въ августѣ 1902 года въ окрестностяхъ Курска состоялись маневры въ присутствіи Государя.

За это время были произнесены три рѣчи Государемъ къ представителямъ дворянства, земства и крестьянства. Первыя двѣ рѣчи сказаны были въ моментъ прибытія Государя на курскій вокзалъ, передъ маневрами, а послѣднія по окончаніи маневровъ.

Когда на курскомъ вокзалѣ Государя встрѣтили представители дворянства и земства, вторымъ Онъ сказалъ:

«Благодарю васъ за привѣтствіе и пользуюсь случаемъ, чтобы сказать вамъ нѣсколько словъ. Земское хозяйство—дѣло первѣйшей важности, и Я надѣюсь, что вы посвящаете ему всѣ ваши силы. Я радъ буду оказать вамъ всякое попеченіе, заботясь въ то же время объ объединеніи дѣятельности всѣхъ властей на мѣстахъ. Помните, что призваніе ваше—мѣстное устроительство въ области хозяйственныхъ нуждъ. Успѣшно выполняя это призваніе, вы можете быть увѣрены въ сердечномъ моемъ къ вамъ благоволеніи».

Вслѣдъ затѣмъ началась «дѣятельность» Плеве.

Прежде всего министръ внутреннихъ дѣлъ лично приступилъ къ изученію «духа» курскаго земства.

Изъ донесеній жандармовъ, а главнымъ образомъ черезъ посредство вице-губернатора фонъ-Бюнтинга министръ внутреннихъ дѣлъ, конечно, имѣлъ достаточно данныхъ, чтобы не сомнѣваться въ крамольности наиболѣе вліятельныхъ земцевъ и въ особенности «третьяго элемента». Ему все было извѣстно и о выставкѣ по народному образованію, и о земскомъ «слетѣ», и объ участіи курскихъ земцевъ на Московскомъ съѣздѣ и т. д.

И вотъ Плеве рѣшилъ «поговорить» съ курскими земцами. Позднимъ вечеромъ, наканунѣ посѣщенія министромъ внутреннихъ дѣлъ губернской земской управы, помѣщеніе послѣдней тщательно осматривалъ вышеназванный вице-губернаторъ фонъ-Бюнтингъ, и только тогда управа узнала, что на другой день, 31 августа, удостоится лицезрѣть министра. Дѣйствительно, онъ прибылъ въ этотъ день въ 2 ч. пополудни и прежде всего бесѣдовалъ со всѣмъ составомъ управы. Главною темою бесѣдъ были полтавскіе крестьянскіе безпорядки, виновниками которыхъ Плеве считалъ полтавскихъ земскихъ статистиковъ.

Далѣе министръ всколзь намекнулъ, что онъ тоже помѣщикъ и что всѣ помѣщичьи интересы ему нечужды; тутъ же онъ сообщилъ, что въ его имѣніи устроена школа и сейчасъ же перескочилъ на психіатрическую колонію, стоющую много денегъ земству, и выразилъ нѣчто въ родѣ сожалѣнія, что земскій бюджетъ очень скроменъ, сравнительно съ государственными средствами. Потомъ Плеве бесѣдовалъ лично съ предсѣдателемъ губернской земской управы Н. В. Раевскимъ. Но самымъ любопытнымъ это былъ разговоръ Плеве съ секретаремъ управы, бывшимъ земскимъ статистикомъ Е. А. Звягинцевымъ. Этотъ образованный человѣкъ и писатель, конечно, возбуждалъ подозрѣніе администраціи, а слѣдовательно и Плеве. Онъ собственно не разговаривалъ, а допрашивалъ Звягинцева, предложивъ ему рядъ нижеслѣдующихъ вопросовъ: «Какъ вы относитесь къ цер-

ковнымъ школамъ»? «Много ли вы пишете докладовъ для управы» «Каковъ подборъ служащихъ въ канцеляріи управы»? «Вліяете ли вы на составъ народныхъ учителей»? «Что вы думаете о профессіональномъ образованіи»? «Что, по вашему мнѣнію, особенно тормозитъ земство въ его просвѣтительной работѣ»? «Чѣмъ вы объясняете рецедивизмъ безграмотности въ массѣ»? А въ концѣ концовъ Плеве сказалъ Звягинцеву: «Я знаю васъ по вашимъ пелагогическимъ статьямъ, которыя съ удовольствіемъ читалъ, но, кромѣ, того, ваша фамилія, знаете, мнѣ, какъ будто, знакома... по департаменту полиціи... Скажите, вы, вѣдь, привлекались, кажется, по какому-то дѣлу»? Этотъ послѣдній вопросъ, конечно, и являлся главною причиною бесѣды Плеве съ Звягинцевымъ.

Какъ впослѣдствіи обнаружилось, и въ чемъ нельзя было сомнѣваться, болѣе всего Плеве интересовался княземъ П. Д. Долгоруковымъ. Но на этотъ разъ онъ не заикнулся о немъ ни единымъ словомъ. Весь гнѣвъ свой Плеве по отношенію къ кн. Долгорукову проявилъ лишь въ концѣ 1902 года.

Мы здѣсь уже кстати изложимъ всю любопытную исторію гоненій на предсѣдателя суджанской управы.

Въ серединѣ октября 1902 года кн. П. Д. Долгоруковъ получилъ отъ исправляющаго должность губернатора, вице-губернатора фонъ-Бюнтинга, «весьма секретное» предложеніе немедленно сдать должность предсѣдателя суджанской уѣздной управы члену, заступающему мѣсто предсѣдателя. Затѣмъ, когда кн. Долгоруковъ пріѣзжалъ въ ноябрѣ въ Курскъ, чтобы предсѣдательствовать въ комиссіи губернскаго земства по народному образованію, ему былъ объявленъ указъ сената о томъ, что сенатъ «слушалъ» Высочайшее повелѣніе, состоявшееся по докладу министра внутреннихъ дѣлъ, «объ удаленіи князя Долгорукова отъ должностей почетнаго мирового судьи, предсѣдателя Суджанской уѣздной земской управы и члена училищнаго совѣта, съ воспрещеніемъ ему на 5 лѣтъ всякой общественной дѣятельности, и «приказалъ удалить». Изъятіе выдающагося общественнаго дѣятеля возмутило положительно всѣхъ лучшихъ гражданъ губерніи; возмущеніе это, вѣроятно, сопровождалось бы большими открытыми проявленіями симпатій со стороны общества, но консервативные элементы употребили всѣ усилія, чтобы не допустить демонстраціи, указывая на опасность, какая грозила бы земству. Открывшееся въ это время губернское земское собраніе, въ лицѣ значительнаго числа гласныхъ, рѣшило, выразивъ, по поводу удаленія Долгорукова, сожалѣніе собранія, закрыть въ знакъ печали засѣданія на два дня и постановить о необходимости общественнымъ

дѣятелямъ гарантіи личной неприкосновенности и отвѣтственности только по суду. Но 21 ноября пріѣхалъ изъ Петербурга губернскій предводитель дворянства Дурново и рѣзко заявилъ, что «не допуститъ» ни какой демонстраціи по поводу удаленія Долгорукова, но постарается уладить дѣло о немъ черезъ дворянство. Конечно, это была только увертка, такъ какъ было извѣстно что Дурново въ переговорахъ съ Плеве предлагалъ услуги послѣднему узнать, — какъ велико состояніе кн. Долгорукова и можетъ ли онъ оказывать помощь оппозиціонной заграничной печати. Любопытно, что губернскій предводитель дворянства даже не сознавалъ всей странности своего поступка, хотя бы съ точки зрѣнія дворянской чести, и лично разсказывалъ всѣмъ о вышеизложенномъ.

Протестъ Дурново противъ выраженія симпатій со стороны земскаго собранія и обѣщаніе возвратить права кн. Долгорукову дворянскими ходатайствами оказали свое дѣйствіе на реакціонную часть собранія, и въ первый день засѣданій собранія, открывшагося 23 ноября, внесено было предложеніе выразить кн. Долгорукову глубокую благодарность за его плодотворную службу не отъ имени всего собранія, а только отъ комиссій—смѣтной, экономической и народнаго образованія. Эта благодарность сопровождалась шумными аплодисментами всей присутствовавшей публики. Тогда Дурново приказалъ очистить залъ, что и было исполнено при сильнѣйшихъ свисткахъ и шиканьи публики.

Что касается дворянъ, то на депутатскомъ собраніи, состоявшемся 27 ноября, было постановлено—уполномочить губернскаго предводителя дворянства Дурново лично исходатайствовать у Государя для кн. Долгорукова аудіенцію или принять отъ него докладную записку, и въ случаѣ ни на то, ни на другое не послѣдуетъ согласія,—ходатайствовать, чтобы въ Суджанскій уѣздъ, для разслѣдованія долгоруковскаго дѣла, было послано лицо, не принадлежащее къ вѣдомству министерства внутреннихъ дѣлъ. Но въ Суджу, въ ноябрѣ 1902 г., посланъ былъ не только представитель министерства внутреннихъ дѣлъ, но самъ товарищъ Плеве—«знаменитый» фонъ-Валь, который, прежде чѣмъ допрашивать «главнаго виновника», кн. Долгорукова, предварительно «бесѣдовалъ» съ другими членами комитета по сельско-хозяйственной промышленности. Первымъ, кажется, допрошенъ былъ членъ суджанской земской управы В. В. Усовъ. Затѣмъ допрашивался кн. П. Д. Долгоруковъ, при чемъ между нимъ и фонъ-Валемъ произошла прелюбопытнѣйшая бесѣда, но мѣсто не дозволяетъ намъ привести ее.

Одновременно правительство въ лицѣ Плеве воевало и съ дру-

гими отдѣльными земскими дѣятелями и земствами. Послѣднія не только не унимались, а требованія ихъ и «преступная» дѣятельность повышалась все болѣе и болѣе.

Мы не будемъ излагать здѣсь всѣхъ постановленій земскихъ собраній 1902 года, такъ какъ они касались всѣхъ тѣхъ «запрещенныхъ» вопросовъ, о которыхъ мы не разъ уже говорили.

Губернаторы, исполняя требованія Плеве, изъ кожи лѣзли, чтобы смирить земцевъ, но это почти не удавалось.

Между тѣмъ правительство получало весьма тревожныя свѣдѣнія не только о явной, но и тайной дѣятельности земствъ.

Характернымъ образчикомъ административныхъ развѣдокъ въ этой области можетъ служить документъ, принадлежащій перу новоторжскаго исправника.

Въ своемъ рапортѣ тверскому губернатору исправникъ между прочимъ писалъ:

«Учащіе тайно собираются на собранія тамъ, гдѣ возможно, на какихъ собраніяхъ бываютъ дворяне: И. И. Петрункевичъ, Циргъ и другіе. Кромѣ того, между земскими дѣятелями бываютъ какія то совѣщанія. Такая живая дѣятельность происходитъ почти повсемѣстно въ имперіи, но съ той только разницей, гдѣ открыто, а гдѣ тайно, такъ что является неуловимой».

Какъ ни невѣжественъ этотъ документъ, но въ немъ имѣется значительная доля истины.

Въ это время, дѣйствительно, «между земскими дѣятелями» были «какія-то совѣщанія», дѣйствительно «живая дѣятельность» происходила «почти повсемѣстно въ Имперіи».

Но самонадѣянный министръ внутреннихъ дѣлъ, возлагая надежды на свой полицейскій талантъ вѣрилъ, что все и вся онъ усмиритъ и уничтожитъ не только въ земскихъ сферахъ, но и въ другихъ.

Смѣщались и выбрасывались за бортъ неэнергичные администраторы и замѣщались ретивыми помпадурами временъ Николая I, повсемѣстно насаждались сыскъ и шпіонство, разгромные циркуляры сыпались, какъ изъ рога изобилія. На эти послѣдніе возлагались, повидимому, особенныя надежды.

Одно изъ обширнѣйшихъ подобнаго рода произведеній было посвящено печати. Послѣднюю Плеве считалъ самымъ ужасающимъ зломъ, при чемъ, какъ ниже увидимъ, совершенно откровенно высказывалъ такого рода взглядъ на прессу. Нѣтъ ничего поэтому удивительнаго, что ей онъ посвятилъ особенное вниманіе при первыхъ же шагахъ своей дѣятельности.

VII.

1903-й годъ.

Управляя м-вомъ вн. дѣлъ всего въ теченіе 9-ти мѣсяцевъ, Плеве сумѣлъ возбудить противъ правительства буквально всѣ слои русскаго и инородческаго населенія. Къ концу 1902 года у правительства, кромѣ сферъ полицейскихъ, не было, собственно говоря, никакихъ уже не только преданныхъ сторонниковъ, а даже пассивныхъ, но вѣрныхъ сотрудниковъ. Среди чиновничества, напр., недовольство развито было въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, чѣмъ и объяснялась массовая присылка въ «Освобожденіе» различныхъ «секретныхъ» правительственныхъ распоряженій. Точно также глухой протестъ слышался и среди арміи, и среди духовенства.

Вслѣдствіе этого земское движеніе пріобрѣтало все бо́льшую и бо́льшую популярность. Оно на глазахъ дѣлалось центромъ національнаго открытаго пробужденія. Помимо русскихъ, къ земскому движенію начинаютъ присоединяться поляки, финляндцы, кавказцы, евреи и т. д.

Правительственная дѣятельность въ 1903 году не только не способствовала пониженію этого движенія, но, наоборотъ, углубляла и расширяла его, такъ что уже въ самомъ началѣ 1903 года «Освобожденіе» начало указывать на необходимость земцамъ объединиться въ демократическую партію.

Постараемся однако изложить событія 1903 года въ послѣдовательномъ, по возможности, порядкѣ.

Однимъ изъ крупныхъ явленій въ сферѣ земскаго движенія въ самомъ началѣ 1903 года былъ съѣздъ представителей обществъ вспомоществованія лицамъ учительскаго званія.

Въ сущности этотъ съѣздъ слѣдовало бы назвать съѣздомъ «втораго» и «третьяго» земскихъ элементовъ, потому что въ немъ, помимо учителей, участвовали и выборные земцы, близкая къ земству интеллигенція разныхъ земскихъ профессій.

Не взирая на всѣ репрессіи, съѣзду удалось коснуться такихъ вопросовъ, какъ отмѣна тѣлесныхъ наказаній, введеніе земскихъ учрежденій въ неземскихъ губерніяхъ, мелкой земской единицы,

развитіи общественной самодѣятельности. Въ общемъ красною нитью на съѣздѣ проходило полное недовѣріе къ правительству и надежды лишь на широкое народное самоуправленіе.

Но все же въ немъ трудно было уловить что-либо даже намекающее на революцію. Правительство однако отнеслось къ съѣзду учителей иначе. Слѣдствіемъ его были громаднѣйшіе аресты и обыски, произведенные тотчасъ, когда учителя и учительницы прибыли изъ Москвы въ мѣста ихъ служенія.

26-го февраля 1903 года былъ опубликованъ манифестъ, въ значительной степени повторившій то, что 22 года тому назадъ, въ 1881 г. говорилось въ манифестѣ при вступленіи на престолъ Александра III. Правительство оповѣщало, что оно приступаетъ къ «продолженію» тѣхъ «реформъ», которыя приняты были, но не закончены въ царствованіе Александра III, вслѣдствіе смерти императора, а послѣ того мѣшала «смута, посѣянная отчасти замыслами, враждебными государственному порядку, отчасти увлеченіемъ началами, чуждыми русской жизни». «Смута эта, волнуя умы, отвлекаетъ ихъ отъ производительнаго труда и нерѣдко приводитъ къ гибели молодыя силы, дорогія нашему сердцу и необходимыя ихъ семьямъ и родинѣ». Послѣ такого объясненія причины медлительности въ работахъ слѣдовала правительственная программа. «Требуя,—говорилось въ этой программѣ,—отъ всѣхъ исполнителей Нашей воли, какъ высшихъ, такъ и низшихъ, твердаго противодѣйствія всякому нарушенію правильнаго теченія народной жизни и уповая на честное исполненіе всѣми и каждымъ ихъ служебнаго и общественнаго долга, Мы, съ непреклонною рѣшимостью незамедлительно удовлетворить назрѣвшимъ нуждамъ государственнымъ, признали за благо: укрѣпить неуклонное соблюденіе властями, съ дѣлами вѣры соприкосновенными, завѣтовъ вѣротерпимости, «начертанныхъ въ основныхъ законахъ»... Продолжить мѣропріятія по улучшенію быта православнаго духовенства, «усугубляя плодотворное участіе священнослужителей въ духовной и общественной жизни ихъ паствы»... Заканчивался манифестъ такъ: «призывая всѣхъ Нашихъ вѣрноподданныхъ содѣйствовать Намъ къ утвержденію въ семьѣ, школѣ и общественной жизни нравственныхъ началъ, при которыхъ, подъ сѣнью Самодержавной власти, только и могутъ развиться народное состояніе и увѣренность каждаго въ прочности его права, Мы повелѣваемъ нашимъ министрамъ и главноуправляющимъ частями, къ вѣдомству коихъ сіе относится, представить намъ соображенія о порядкѣ исполненія предначертаній нашихъ».

На другой же день послѣ опубликованія этого манифеста не

оставалось уже никакого сомнѣнія въ усиленіи владычества бюрократіи, рѣшившей единолично «реформированіе» Россіи.

27 февраля, подъ предсѣдательствомъ Плеве, начались засѣданія по преобразованію губернскаго управленія. Въ составъ этого засѣданія, словно бы въ насмѣшку надъ обществомъ, вошли наиболѣе извѣстные представители реакціи и противники общественнаго самоуправленія. Въ немъ, между прочимъ, участвовали: товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ Дурново, генералъ-лейтенантъ Фонъ-Валь, тайный совѣтникъ Зиновьевъ, директоръ департамента общихъ дѣлъ гофмейстеръ Штюрмеръ, харьковскій губернаторъ шталмейстеръ кн. Оболенскій, могилевскій—Клингенбергъ и др. А среди лицъ, завѣдывавшихъ дѣлопроизводствомъ, мы встрѣчаемъ такихъ «извѣстныхъ» «дѣятелей», какъ директоръ департамента общихъ дѣлъ, бывшій курскій вице-губернаторъ, Фонъ-Бюнтингъ и с.-петербургскій градоначальникъ въ званіи камергера Фришъ.

Земская оппозиція, уже въ значительной мѣрѣ объединенная, конечно, не могла не воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы побудить земскія собранія выступить съ протестомъ противъ реакціонныхъ намѣреній правительства.

Очень скоро послѣ опубликованія манифеста 26 февраля явился поводъ къ объединенію земскихъ дѣятелей различныхъ направленій и собраній, и земская оппозиція не преминула использовать это обстоятельство.

Въ мартѣ 1903 г. Плеве созвалъ три комиссіи «съ участіемъ земскихъ людей», а именно: по продовольственному вопросу, по вопросу объ оскудѣніи центра и по крестьянскому вопросу. Эти комиссіи не имѣли ничего общаго даже съ тѣмъ «совѣщаніемъ изъ всѣхъ предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ», собрать которыя «лѣтомъ 1902 года» Плеве обѣщалъ Д. Н. Шипову, но не исполнилъ.

Затѣмъ, въ апрѣлѣ 1903 года Плеве созвалъ «совѣщаніе» «съ участіемъ земскихъ дѣятелей» по страховому вопросу. Вотъ это послѣднее обстоятельство послужило поводомъ для устройства въ Петербургѣ «бесѣды земскихъ людей», въ виду ожидавшагося пріема министромъ внутреннихъ дѣлъ предсѣдателей и членовъ губернскихъ управъ, участвовавшихъ въ совѣщаніи при страховомъ отдѣленіи министерства внутреннихъ дѣлъ. Было признано полезнымъ обсудить вопросы, возбужденіе которыхъ можно было ожидать со стороны министра или со стороны земскихъ представителей. Предсѣдателемъ «бесѣдъ» избранъ былъ князь Д. И. Шаховской. По предложенію Д. Н. Шипова, въ первомъ засѣданіи, 24 апрѣля, предсѣдатель курской губернской земской управы, Н. В. Раевскій, передалъ содержа-

ніе «частныхъ бесѣдъ» Плеве съ земцами, и предводителями дворянства, приглашенными министерствомъ на совѣщаніе по продовольственному вопросу въ мартѣ 1903 года. Министръ внутреннихъ дѣлъ, «руководившій преніями» на этихъ бесѣдахъ, не стѣснялся въ выраженіи своихъ взглядовъ. Относительно начальной народной школы министръ внутреннихъ дѣлъ заявилъ, что «до московскаго съѣзда учителей», о которомъ мы выше говорили,—онъ, Плеве, «былъ убѣжденъ, что это дѣло обстоитъ благополучно, но послѣ этого съѣзда увидѣлъ, что учительскій персоналъ вредно вліяетъ на народъ». Когда г. Раевскій поднялъ вопросъ о недовѣріи правительства къ мѣстнымъ силамъ, выражающемся въ неутвержденіи выборныхъ собраніями лицъ, безъ указанія причинъ, Плеве замѣтилъ: «что же, по вашему, утверждать и тѣхъ, у кого тайныя топографіи»? Во время прощальнаго представленія министру всѣхъ участниковъ бесѣды онъ отрицательно отнесся къ съѣздамъ земцевъ, находя, что «общенія ихъ между собою въ Петербургѣ въ родѣ только что состоявшагося (т.-е. совѣщанія по страхованію)—вполнѣ достаточно». Далѣе Плеве указалъ на намѣреніе «свое» «преобразовать хозяйственный департаментъ министерства и организовать особый совѣтъ, куда періодически съѣзжались бы предсѣдатели управъ».

Когда, послѣ сообщенія г. Раевскаго, начались пренія относительно вопросовъ, которые желательно было бы возбудить во время предстоявшаго пріема земскихъ дѣятелей министромъ, то по адресу правительства были высказаны довольно опредѣленныя для того времени взгляды. Такъ, графъ П. А. Гейденъ, указавъ, что «существующая система доносовъ дѣлаетъ невозможною жизнь на мѣстахъ», полагалъ, что первымъ положеніемъ слѣдовало бы выставить необходимость водворенія законности и обезпеченіе личности каждаго». Далѣе онъ находилъ необходимымъ, чтобы «личный составъ земскихъ представителей не зависѣлъ бы отъ произвола администраціи или, по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ предоставить право обжаловать въ Сенатъ неутвержденіе губернаторомъ избранныхъ земскими собраніями лицъ». Наконецъ, графъ Гейденъ считалъ нужнымъ заявить, чтобы «въ совѣщанія, организуемыя при министерствахъ, приглашались представители земства и дворянства не по выбору администраціи, а по избранію земскихъ собраній и собраній предводителей и депутатовъ дворянства».

С. П. Балохонцевъ, соглашаясь съ мнѣніемъ гр. Гейдена, полагалъ, однако, что врядъ ли стоитъ на эти темы бесѣдовать съ Плеве, потому что толку изъ этихъ разговоровъ не будетъ, а гораздо лучше возбудить соотвѣтствующія ходатайства въ предстоящихъ земскихъ

собраніяхъ. М. И. Петрункевичъ находилъ и положеніе гр. Гейдена въ высшей степени важнымъ, такъ какъ «съ принципомъ самоуправленія рѣшительно не согласуется утвержденіе въ должностяхъ избранныхъ собраніями лицъ». Д. Н. Шиповъ находилъ, что, кромѣ предоставленія права обжалованія, «надо устранить дискреціонное право губернаторовъ». Далѣе предсѣдатель московской губернской земской управы,—не переставшій къ слову сказать, по своему добродушію, довѣрять правительству, покуда на собственномъ опытѣ не убѣдился въ полной неискренности послѣдняго и совершенномъ нежеланіи что либо дѣлать на благо страны и населенія, — сталъ утверждать, что, судя по его, Шипова, бесѣдамъ съ... Плеве и Штюрмеромъ, правительство... «сознаетъ совершающіяся измѣненія въ условіяхъ общественной и государственной жизни и—необходимость реформъ, но не понимаетъ сущности совершающихся событій и запросовъ общественной жизни, а потому, даже при искреннемъ желаніи разрѣшить назрѣвающіе вопросы въ интересахъ дѣла, сдѣлать этого не въ состояніи». В. А. Кудрявый выразилъ сомнѣніе, «чтобы правительство желало искать опоры въ обществѣ». А. Н. Рутценъ находилъ, что наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ воздѣйствія на правительство будетъ одновременное возбужденіе однородныхъ ходатайствъ многими земскими собраніями. М. И. Петрункевичъ предлагалъ подать министру внутреннихъ дѣлъ записку съ установленіемъ въ ней насущнѣйшихъ нуждъ общественныхъ учрежденій. Графъ Гейденъ доказывалъ, что «земцамъ надо перемѣнить тонъ своего разговора съ чинами правительства. Слѣдуетъ говорить, не какъ подчиненнымъ со старшими, а какъ равнымъ съ равными, какъ лицамъ, вынужденнымъ говорить изъ личныхъ интересовъ сохраненія государственнаго порядка».

Князь Петръ Д. Долгоруковъ высказалъ взглядъ, что «излишне указывать министру на затрудненія, которыя встрѣчаетъ земство: онъ самъ все это хорошо знаетъ и, быть можетъ, не желаетъ даже, чтобы земство успѣшно работало. Необходимо поэтому направить всѣ усилія, чтобы убѣдить министра, въ интересахъ охраны государственнаго порядка, создать условія, обезпечивающія успѣшность земской работы. Правительство указываетъ, что въ государствѣ существуетъ крамола, требующая подавленія. Земцы должны заявить, что крамола существуетъ и будетъ успѣшно развиваться, пока народная масса будетъ некультурна и потому падка на смуту. Надо сдѣлать народъ культурнымъ и экономически сильнымъ, а для этого необходимо развитіе самодѣятельности въ обществѣ, достижимое лишь при существованіи довѣрія къ общественнымъ силамъ со стороны правительства

при гарантіи личности и законности. Земцы изъ обвиняемыхъ должны стать обвинителями, изъ опекаемыхъ — совѣтчиками правительства».

На слѣдующій день, 25 апрѣля, подъ предсѣдательствомъ того же кн. Д. И. Шаховского, засѣданіе возобновилось.

Всѣми лицами, принимавшими участіе въ бесѣдѣ, было признано, что земство не можетъ и не должно остаться безучастнымъ къ вопросу о порядкѣ и способахъ предстоящихъ законодательныхъ работъ. Манифестъ 26 февраля возвѣщаетъ многочисленныя реформы, касающіяся многообразныхъ нуждъ земской жизни, но къ обсужденію соотвѣтствующихъ законопроектовъ имѣется въ виду привлечь «достойнѣйшихъ мѣстныхъ людей», а не земскія учрежденія.

Признавая нужнымъ стремиться къ тому, чтобы земскія собранія возбудили ходатайства, но принимая во вниманіе, что въ нѣкоторыхъ земскихъ собраніяхъ, можетъ быть, будетъ поднятъ вопросъ о подачѣ адреса, одинъ изъ членовъ бесѣды предложилъ высказать пожеланіе, чтобы въ такомъ случаѣ въ адресѣ была проведена та же мысль, какую признано желательнымъ выразить въ ходатайствахъ.

О состоявшемся заключеніи было рѣшено поставить въ извѣстность тѣ губерніи, представителей которыхъ не было въ средѣ участниковъ бесѣды, и присутствовавшіе представители 17 губерній условились между собой—кто какія губерніи оповѣститъ.

Послѣ этихъ преній была заслушана записка по вопросу о значеніи и характерѣ участія приглашаемыхъ министерствомъ въ совѣщанія должностныхъ лицъ земскаго управленія.

Всѣ участники бесѣды раздѣляли проведенный въ этой запискѣ взглядъ, что практикуемый правительствомъ порядокъ призыва земцевъ на совѣщанія при министерствахъ является неправильнымъ и не гарантирующимъ интересы земства.

Черезъ два дня послѣ этого засѣданія, 27 апрѣля, земцы, какъ это и предсказывали представители оппозиціи, убѣдились, что всѣ ихъ «бесѣды» были совершенно напрасны.

Министръ внутреннихъ дѣлъ явившимся къ нему участникамъ совѣщаній по страховому вопросу сказалъ такую рѣчь:

«Я очень радъ видѣть васъ здѣсь. Управляющій страховымъ отдѣломъ уже доложилъ мнѣ, что ваши совѣщанія идутъ очень успѣшно, съ чѣмъ васъ поздравляю. Дѣло земскаго перестрахованія весьма важное и, постепенно развиваясь, въ будущемъ будетъ имѣть большое значеніе.

Ваши совѣщанія при министерствѣ на почвѣ практическаго дѣла сближаютъ васъ съ представителями министерства, облегчаютъ

общую работу и взаимныя отношенія. Въ то же время такого рода совѣщанія даютъ вамъ возможность общенія между собой и по другимъ частнымъ вопросамъ земской жизни. Я очень сочувствую этому общенію и признаю его желательнымъ и необходимымъ. Это, во всякомъ случаѣ, правильнѣе келейныхъ собраній, и лицамъ, облеченнымъ общественнымъ довѣріемъ, не слѣдуетъ дѣйствовать съ опущеннымъ забраломъ. Только при этомъ условіи возможенъ честный и открытый споръ.

Я придаю большое значеніе участію земскихъ работниковъ въ подготовительной работѣ при министерствѣ. Въ программу очередныхъ вопросовъ входитъ и вопросъ о сближеніи мѣстныхъ людей съ чинами министерства. Я считаю вашу дѣятельность на почвѣ практическихъ вопросовъ очень полезной, — она лучше отвлеченныхъ умствованій.

Поздравляю васъ съ окончаніемъ вашихъ занятій и благодарю васъ за вашу работу».

Эта рѣчь привела въ негодованіе даже самыхъ консервативныхъ участниковъ «бесѣды», и было рѣшено побудить земскія собранія выступить съ дружнымъ протестомъ.

Всѣ губернаторы были поставлены на ноги, чтобы земскія собранія не касались «общественныхъ вопросовъ», т.-е., другими словами, чтобы даже не заикались о правительственныхъ мѣропріятіяхъ, но обще-земская организація была уже на столько сильна, что болѣе 70 проц. губернскихъ земскихъ собраній, пользуясь самыми разнообразными способами, сдѣлали, въ общемъ, постановленія, согласно предложенію участниковъ петербургскаго собесѣдованія.

Но это случилось уже въ концѣ 1903 года, на очередныхъ земскихъ собраніяхъ, и мы въ своемъ мѣстѣ приведемъ эти постановленія, а сейчасъ перейдемъ къ событіямъ, совершившимся въ ближайшее къ «бесѣдѣ земскихъ людей» время.

20-го апрѣля 1903 года состоялось обычное собраніе петербургскихъ писателей, на которомъ присутствовало много гостей различныхъ интеллигентныхъ профессій.

Этотъ апрѣльскій ужинъ, совпавшій съ описаннымъ съѣздомъ земцевъ въ Петербургѣ, сыгралъ почти такую же, если не бо́льшую роль, какъ Кустарный съѣздъ въ 1902 г. Мы уже знаемъ, что во время Кустарнаго съѣзда была набросана программа для изданія за границею «Освобожденія», а въ апрѣлѣ 1903 года, во время ужина, была высказана мысль о необходимости организаціи политическаго «Союза Освобожденія», который бы могъ объединить всѣ безъ исключенія оппозиціонные элементы Россіи, которыхъ, благо-

даря энергичной, чисто революціонной дѣятельности Плеве, накопилось уже многое множество рѣшительно во всѣхъ слояхъ населенія, а въ будущемъ предвидѣлся еще болѣе усиленный ростъ.

Мысль о «Союзѣ Освобожденія» осуществилась черезъ два мѣсяца послѣ ея зарожденія. Основаніе его положено было въ іюлѣ 1903 г. въ южной Германіи. Нѣсколько лицъ изъ сотрудниковъ и близкихъ лицъ къ газетѣ «Освобожденіе» и нѣсколько выдающихся земцевъ, участвовавшихъ въ апрѣльскомъ собесѣдованіи и неучаствовавшихъ, но также близкихъ къ «Освобожденію», отправились въ іюлѣ въ южную Германію и тамъ, подъ видомъ «увеселительныхъ прогулокъ», въ городахъ Гогентвилѣ, Рудольфцеллѣ и знаменитомъ Констанцѣ устроили рядъ засѣданій, на которыхъ и была въ общихъ чертахъ намѣчена дѣятельность «Союза Освобожденія».

Основаніе «Союза Освобожденія» подоспѣло какъ разъ во время: къ этому моменту правительство, въ лицѣ Плеве, уже совершенно подготовляло богатѣйшій для него матеріалъ.

Однимъ изъ любопытнѣйшихъ образчиковъ такого рода плодотворной дѣятельности Плеве въ 1903 году является возбужденіе неудовольствія въ орловскомъ губернскомъ земствѣ. Въ 1903 году орловское чрезвычайное земское собраніе, по настоянію извѣстнаго намъ уже М. А. Стаховича, орловскаго губернскаго предводителя дворянства и, слѣдовательно, предсѣдателя собранія, приняло составленный тѣмъ же Стаховичемъ всеподданѣйшій адресъ. Написанъ онъ былъ высокопарнымъ слогомъ, въ славянофильскомъ духѣ и носилъ самый мирный характеръ.

Этотъ адресъ вызвалъ тогда жестокое осужденіе въ оппозиціонныхъ земскихъ сферахъ. Его называли даже «раболѣпнымъ».

Но Плеве шелъ до конца въ своей революціонной дѣятельности. Онъ словно бы желалъ изолировать Верховную Власть отъ всѣхъ и вся и направлять ее въ своихъ политическихъ цѣляхъ, какъ ему заблагоразсудится.

И вотъ, «повергнутый на Высочайшее благоволеніе» мирнѣйшій изъ земскихъ адресовъ 1 мая 1903 года имѣлъ не тотъ результатъ, котораго ожидали орловскіе земцы. Министръ внутреннихъ дѣлъ препроводилъ орловскому губернатору такое увѣдомленіе: «Государю Императору благоугодно было обратить вниманіе на то, что въ означенномъ адресѣ наряду съ изъявленіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ содержится ходатайство губернскаго земскаго собранія по предмету, не относящемуся къ вѣдѣнію земскихъ учрежденій. Его Императорское Величество Высочайше повелѣть соизволилъ, чтобы случаи, подобные настоящему, впредь не повторялись».

Во второй половинѣ 1903 года обстоятельства ухудшились еще въ большей степени.

Въ сентябрѣ, между прочимъ, Витте лишился портфеля министра финансовъ. Его мѣсто занялъ ничѣмъ неизвѣстный чиновникъ министерства финансовъ Плеске. При такомъ всевластномъ диктаторѣ, какъ Плеве, постъ предсѣдателя комитета министровъ, который получилъ Витте, не имѣлъ ровно никакого значенія, и онъ былъ крайне обезкураженъ потерею портфеля министра финансовъ. Съ этого момента у министра внутреннихъ дѣлъ уже не было соперниковъ.

Въ этомъ же мѣсяцѣ Плеве закончилъ выработку «своей» «конституціи». Она была составлена въ духѣ манифеста 26 февраля и, въ общемъ, была хуже даже «куцой» лорисъ-меликовской конституціи.

По проекту Плеве, учреждался Совѣтъ и Главное управленіе по дѣламъ мѣстнаго хозяйства и управленіе врачебнаго инспектора. Въ этомъ Совѣтѣ предполагалось участіе «мѣстныхъ дѣятелей, въ видѣ учрежденія постояннаго». «Мѣстные дѣятели»—это «предводители дворянства, предсѣдатели губернскихъ и уѣздныхъ управъ и управленій по дѣламъ земскаго хозяйства, городскіе головы—и вообще лица, по свойству дѣятельности, близко знакомыя съ нуждами и интересами мѣстнаго хозяйства». Совѣтъ долженъ былъ «имѣть исключительно совѣщательный характеръ, и заключенія его отнюдь не могли быть обязательны для министра внутреннихъ дѣлъ и въ чемъ-либо связывать дѣятельность его по руководству мѣстнымъ хозяйствомъ. Равнымъ образомъ, участіе въ совѣтѣ мѣстныхъ дѣятелей не должно, конечно, вызывать мысли о какомъ-либо мѣстномъ представительствѣ. Поэтому избраніе членовъ совѣта изъ мѣстныхъ дѣятелей и самый составъ ихъ не могутъ быть поставлены въ зависимость отъ существующихъ общественныхъ учрежденій и сословій, а должны быть представлены на усмотрѣніе министра внутреннихъ дѣлъ».

Такова была плевенская «конституція».

Въ тоже время продолжалось преслѣдованіе земцевъ.

Вологодское собраніе послало сочувственную телеграмму кн. П. Д. Долгорукову. Затѣмъ въ преніяхъ ясно проглядывало совершенно отрицательное отношеніе къ правительственнымъ «предначертаніямъ». Особенно рѣзко проявилось это въ преніяхъ о правилахъ 12-го іюня 1902 г. относительно ветеринаріи и санитаріи. На это губернаторъ Ладыженскій выразилъ неудовольствіе гласнымъ «за непочтительное отношеніе къ правительственнымъ предначертаніямъ» и просилъ, чтобы «больше подобныя пренія не повторялись», тѣмъ

болѣе, что «они оскорбляютъ лойяльныя вѣрноподданныя чувства нѣкоторыхъ гласныхъ». На возраженіе гласныхъ, что подобныя замѣчанія излишни, такъ какъ въ собраніи за «приличіями» въ преніяхъ слѣдитъ предсѣдатель, при чемъ «лойяльные» гласные могутъ возражать, губернаторъ высказалъ интересный взглядъ, что «проявленіе консервативныхъ убѣжденій на собраніи... неприлично и можетъ компрометировать этихъ гласныхъ» (!!)

Прибѣгало правительство и къ инымъ мѣрамъ для воздѣйствія на земство.

Такъ, въ маѣ 1903 года Плеве таинственно приглашалъ къ себѣ нѣкоторыхъ земскихъ дѣятелей и обсуждалъ съ ними вопросъ объ упраздненіи земской статистики. За обѣдомъ, устроеннымъ земцами, Плеве «внушалъ» послѣднимъ, что «статистики—революціонеры», что они, прикрываясь подворными изслѣдованіями, на самомъ дѣлѣ, занимаются исключительно революціонной дѣятельностью.

Если мы ко всему сказанному прибавимъ, что въ 1903 году въ государственномъ совѣтѣ былъ утвержденъ безобразнѣйшій проектъ Сипягина о земствѣ въ Витебской, Минской и Могилевской губерніяхъ и то, что въ концѣ 1903 года была назначена ревизія тверского и московскаго земства такими лицами, какъ Штюрмеръ и Зиновьевъ, то ни у кого не останется сомнѣнія, что Плеве не жалѣлъ энергіи, чтобы поставить непреодолимый шлюзъ для земскаго движенія [1]).

Но, увы, изъ этого ровно ничего не вышло. Наоборотъ, въ 1903 г. земское движеніе сдѣлало громаднѣйшій успѣхъ.

Выдающіеся моменты этого движенія выпали на вторую половину 1903 года. Моментами этими были—земскій съѣздъ въ Ярославлѣ и харьковскій съѣздъ, на который прямо изъ-за границы прибыли основатели «Союза Освобожденія».

Въ Ярославлѣ земцы воспользовались областнымъ сельско-хозяйственнымъ съѣздомъ, происходившимъ 15—25 августа. По иниціативѣ предсѣдателя ярославской земской комиссіи по народному образованію, извѣстнаго земскаго и общественнаго дѣятеля кн. Д. И. Шаховского къ этому съѣзду была пріурочена «вторая» выставка по народному образованію, подобная «первой», бывшей, какъ мы знаемъ, въ 1902 году въ Курскѣ.

Вотъ на эту-то выставку и были приглашены земцы съ пред-

[1]) Конечно, усиленно розыскивалось и „Освобожденіе“. Въ концѣ 1903 г. случился провалъ освобожденскаго транспорта. По этому дѣлу были привлечены: приватъ-доцентъ с.-петерб. университета Е. В. Аничковъ и извѣстная публицистка А. В. Борманъ, урожденная Тыркова.

ложеніемъ экспонировать предметы, относящіеся къ дѣлу народнаго образованія. Выставка эта имѣла полный и заслуженный успѣхъ и въ свое время была подробно описана какъ въ періодической прессѣ, такъ и въ выпущенномъ отдѣльнымъ изданіемъ «Отчетѣ по областной сельско-хозяйственной и культурно-просвѣтительной выставкѣ сѣвернаго края 1903 г.». Не менѣе удаченъ, по своимъ результатамъ, былъ и съѣздъ земскихъ дѣятелей. Совѣщанія ихъ и бесѣды были и открытыя, и частныя. Открытыя происходили въ засѣданіяхъ различныхъ комиссій и на съѣздѣ сельскихъ хозяевъ, а частныя—въ квартирахъ и гостиницахъ. По настроенію и рѣчамъ, произносившимся и въ отдѣльныхъ, и частныхъ засѣданіяхъ, ярославскій съѣздъ былъ несравненно оппозиціоннѣе «слета» на Курской выставкѣ. Тутъ уже прямо высказывалась необходимость тѣсной организаціи оппозиціонныхъ элементовъ и активнаго противодѣйствія всеудушающей дѣятельности правительства [1]).

Какъ разъ въ это время черезъ Ярославль проѣзжалъ Плеве. Онъ направлялся, кажется, въ свое имѣніе и ѣхалъ по Волгѣ. Возмущенный оппозиціею съѣзда, ярославскій губернаторъ, Роговичъ, пожаловался послѣднему.

Этотъ доносъ отразился, между прочимъ, въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ, при посѣщеніи Нижняго-Новгорода, Плеве бесѣдовалъ съ представителями различныхъ учрежденій. Между прочимъ, предсѣдателю нижегородской губернской земской управы онъ говорилъ: «На этотъ разъ начну съ непріятности. Вашъ губернскій агрономъ, какъ передалъ мнѣ ярославскій губернаторъ, накуражилъ на ярославскомъ сельско-хозяйственномъ съѣздѣ. Подробностей не знаю, но если это было такъ, какъ мнѣ передано, то агрономъ долженъ быть удаленъ съ земской службы».

Отправившись затѣмъ въ больницу губернскаго земства, Плеве и тамъ продолжалъ говорить о дѣяніяхъ агронома Ткаченко въ Ярославлѣ. «За послѣднее время—сказалъ при этомъ министръ—завелся микробъ общественнаго скандала, мѣшающій мирному теченію

[1]) На одномъ изъ большихъ частныхъ совѣщаній въ Ярославлѣ произошелъ такой инцидентъ. Губернаторъ Роговичъ, узнавъ, что въ Ярославлѣ находится и опальный кн. П. Д. Долгоруковъ, написалъ ему письмо съ просьбою оставить г. Ярославль. Доставить это письмо онъ поручилъ, если не ошибаемся, самому полиціймейстеру. Тотъ искалъ Долгорукова по всему городу и, наконецъ, явился въ квартиру, гдѣ было совѣщаніе. Но П. Д. вышелъ въ прихожую, такъ что полиціймейстеръ сначала, кажется, не сообразилъ, что попалъ на тайное собраніе, на которомъ было много народныхъ учителей и «третьяго элемента». Но когда участники совѣщанія выходили, благополучно закончивъ бесѣды, то уже видѣли полицію. Однако неблагопріятныхъ послѣдствій не было.

дѣлъ въ различныхъ общественныхъ собраніяхъ». Плеве убѣждалъ земцевъ, что «третій элементъ, будирующій общество, не долженъ быть терпимъ на земской службѣ». Съ чувствомъ негодованія министръ указалъ, что этотъ элементъ беретъ на себя на собраніяхъ руководящую роль, «не будучи облеченъ общественнымъ довѣріемъ». Плеве такъ возненавидѣлъ неизвѣстнаго ему нижегородскаго агронома Ткаченко, на основаніи доноса ярославскаго губернатора, что согласился посѣтить губернскую управу лишь при условіи, «чтобы губернскаго агронома между служащими управы не было, ибо я боюсь обойтись съ нимъ слишкомъ сурово».

Въ концѣ сентября 1903 года, какъ мы уже упомянали, состоялся громадный земскій съѣздъ въ Харьковѣ.

Для этого съѣзда земцы воспользовались всероссійскою выставкою животноводства, устроенной харьковскимъ губернскимъ земствомъ совмѣстно съ харьковскимъ сельско-хозяйственнымъ обществомъ.

Къ съѣзду заранѣе были сдѣланы приготовленія, при чемъ «освобожденцы» позаботились о подысканіи конспиративной квартиры для своихъ частныхъ засѣданій [1]).

На этихъ частныхъ засѣданіяхъ заслушаны были доклады пріѣхавшихъ въ Харьковъ изъ за-границы,—какъ мы уже говорили,—основателей «Союза Освобожденія» [2]). Въ общемъ программа его была одобрена и тутъ же былъ набросанъ проектъ организаціи отдѣловъ «Союза» во всей земской и, по-возможности, неземской Рос-

---

[1]) При этомъ произошелъ такой инцидентъ. Одинъ домовладѣлецъ г. Харькова, соціалъ-демократъ по убѣжденіямъ, охотно согласился дать свое помѣщеніе для совѣщаній «освобожденцевъ». Адресъ этой квартиры и былъ сообщенъ въ разные города Россіи. Какъ вдругъ утромъ въ день съѣзда у этого домовладѣльца былъ произведенъ обыскъ и поставлена полиція, а вечеромъ должны были въ этотъ день пріѣхать земцы. Пришлось тогда разставить собственную «стражу» и на вокзалѣ, и на улицѣ, гдѣ расположенъ домъ. Въ концѣ концовъ всѣхъ успѣли предупредить, и все обошлось благополучно. На другой же день двое видныхъ харьковскихъ земскихъ дѣятелей сняли частную квартиру на свое имя, поселились въ ней и устраивали у себя засѣданія. Кромѣ того, засѣданія происходили въ квартирѣ одного писателя. Въ частичныхъ совѣщаніяхъ принимали участіе 5 харьковскихъ земцевъ, жившій въ Харьковѣ писатель, 2 земца изъ Курска, 1 земецъ и 1 представитель «третьяго элемента» изъ Чернигова, 1 земецъ изъ Ярославля, 1 профессоръ изъ Кіева, 1 представитель «третьяго элемента» изъ Одессы, 1 земецъ изъ Москвы и 1 писатель и одна писательница изъ Петербурга.

[2]) Предъ поѣздкою въ Харьковъ въ Петербургѣ одною извѣстною писательницею, участвовавшею въ образованія «Союза Освобожденія» за границей, былъ сдѣланъ докладъ Петербургской группѣ, взявшей на себя организацію перваго съѣзда, на которомъ предполагались доклады о Финляндіи, по рабочему и аграрному вопросу.

сіи. Какъ ни грандіозенъ былъ этотъ планъ, но для земства осуществить его было не трудно. Мы уже не разъ говорили, что земская организація, въ сущности говоря, давно существовала.

Поэтому въ Харьковѣ въ общихъ чертахъ намѣчался нижеслѣдующій планъ, вытекающій изъ дѣйствительности, и соотвѣтствующій болѣе чѣмъ 40-ка-лѣтнему земскому представительству, выработавшему уже историческія, такъ сказать, традиціи.

Въ обѣихъ столицахъ и въ каждомъ губернскомъ городѣ земскихъ губерній организуются губернскія отдѣленія «Союза Освобожденія». Они, считаясь съ мѣстными условіями и всѣми особенностями своей губерніи, организуютъ уѣздныя отдѣленія, а эти послѣднія—сельскія отдѣленія. При посредствѣ правильнаго представительства, села объединяются въ уѣздныхъ городахъ, а уѣздные города—въ губернскомъ городѣ, въ которомъ сосредоточены: центральная касса изъ членскихъ взносовъ, взимаемыхъ на основѣ подоходности, центральный складъ литературы, общегубернская агентура по всевозможнымъ надобностямъ и т. п. Нѣсколько губерній, по ихъ естественно-историческимъ условіямъ или по удобству путей сообщенія, объединялись въ области. Областной городъ, удобно расположенный по отношенію ко всѣмъ входящимъ въ область губерніямъ, сносился непосредственно съ центральнымъ комитетомъ, организуемымъ въ Москвѣ или Петербургѣ. Центральный комитетъ завѣдывалъ всѣми дѣлами «Союза Освобожденія», занимаясь доставкою въ областные города заграничной литературы,—главнымъ образомъ «Освобожденія» и его изданій,—назначалъ общія собранія представителей отъ всѣхъ отдѣленій «Союза», а въ экстренныхъ случаяхъ дѣлалъ распоряженія безъ разрѣшенія собранія, при условіи сообщенія послѣднему о своихъ дѣйствіяхъ. По мѣрѣ силъ и возможности, центральный комитетъ долженъ былъ организовать отдѣленія «Союза» и не въ земскихъ губерніяхъ, при чемъ въ центральномъ комитетѣ должны быть правильно избранные представители отъ націй, входящихъ въ составъ Россіи, какъ поляки, финляндцы, кавказцы и т. п. Кромѣ того, какъ въ этомъ же комитетѣ, такъ въ областныхъ, губернскихъ и уѣздныхъ желательно представительство всѣхъ существующихъ въ Россіи политическихъ партій и профессіональныхъ профессій: адвокатовъ, врачей, писателей, агрономовъ, представителей драматическаго искусства, всевозможныхъ рабочихъ организацій и крестьянскихъ, если таковыя возникнутъ. Центральный комитетъ для своихъ расходовъ пользуется опредѣленнымъ процентомъ взносовъ, поступающихъ въ губернскіе комитеты.

Таковъ былъ, повторяемъ, грандіозный планъ, намѣченный въ

Харьковѣ и впослѣдствіи вполнѣ осуществленный. Это произошло уже въ началѣ 1904 года, когда названный планъ, дополненный и оформленный, былъ санкціонированъ въ С.-Петербургѣ, гдѣ въ названномъ году выработанъ былъ уставъ «Союза» и избранъ центральный комитетъ, названный «Совѣтомъ Союза Освобожденія» (переизбирался ежегодно).

Но объ этомъ мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ, а сейчасъ возвратимся къ историческому харьковскому съѣзду.

«Освобожденцы», совѣщаясь частнымъ образомъ по дѣламъ «Союза Освобожденія», въ то же время принимали самое близкое и энергичное участіе въ обще-земскомъ съѣздѣ, который работалъ и открыто, въ засѣданіяхъ комиссій по выставкѣ животноводства, и полулегально—въ гостиницахъ.

Въ цѣломъ съѣздъ былъ настроенъ весьма оппозиціонно, причемъ рядъ членовъ съѣзда, пользуясь всякимъ случаемъ, выдвигали въ комиссіяхъ по выставкѣ чисто конституціонныя требованія, не говоря уже о разныхъ указаніяхъ на произволъ администраціи, на преслѣдованія печати, на невозможныя условія, въ которыя поставлено земство, и т. п.

Въ Харьковѣ же рѣшено было устроить съѣздъ въ началѣ 1904 г. въ Петербургѣ, во время предполагавшихся тамъ съѣзда и выставки по техническому образованію. И все это происходило въ самый разгаръ реакціи, руководимой Плеве, и въ тотъ моментъ, когда онъ изобрѣталъ все новыя и новыя путы для страны, особенно налегая на земство.

Въ самомъ концѣ 1903 года диктатору былъ преподнесенъ еще сюрпризъ, въ видѣ единообразныхъ постановленій очередныхъ губернскихъ земскихъ собраній.

Въ промежуткѣ между харьковскимъ съѣздомъ и очередными губернскими земскими собраніями, въ началѣ ноября 1903 г. состоялся въ Москвѣ съѣздъ земскихъ конституціоналистовъ при участіи земскаго «третьяго элемента», а также нѣкоторыхъ профессоровъ, писателей и представителей адвокатуры. Съѣздъ этотъ имѣлъ важное значеніе и положилъ начало цѣлому ряду съѣздовъ, получившихъ названіе «новосильцевскихъ», потому что одно изъ засѣданій перваго съѣзда происходило въ квартирѣ Ю. А. Новосильцева, въ которой впослѣдствіи вообще собирались конституціоналисты. На первомъ съѣздѣ высказано было, между прочимъ, пожеланіе, чтобы уже въ предстоявшихъ очередныхъ губернскихъ земскихъ собраніяхъ сдѣланы были конституціонныя выступленія, но въ концѣ концовъ рѣшено было съ этимъ подождать.

VIII.

Первая половина 1904 года.

Можно съ увѣренностью сказать, что за все время существованія полицейско-бюрократическаго режима въ Россіи не было для него столь рельефнаго, столь выпуклаго момента, какъ начало 1904 года. Съ рѣдкою, бросающеюся въ глаза очевидностью для всѣхъ ясно было, что этотъ строй изжилъ свой вѣкъ. Въ то же время никогда еще, какъ въ началѣ 1904 г., въ такомъ размѣрѣ не была представлена новая Россія: безсословная интеллигенція, «третій элементъ» — и земскія силы. Эта новая Россія явилась въ началѣ 1904 г. въ С.-Петербургъ и, не взирая на полицейскій гнетъ, объявила открытую войну старой Россіи, во всеуслышаніе заявивъ, что такъ дальше жить нельзя.

Эти заявленія сдѣланы были на двухъ съѣздахъ: на III-мъ съѣздѣ дѣятелей по техническому образованію и IX-мъ Пироговскомъ съѣздѣ.

Если изложить всѣ резолюціи, принятыя Техническимъ и Пироговскимъ съѣздами въ 1904 г., участниками которыхъ были земцы, «третій элементъ» земства и всероссійская всесословная интелигенція, то получатся почти всѣ тѣ требованія, которыя выставлены въ программѣ «Союза Освобожденія» и которыя впослѣдствіи, начиная съ второй половины 1904 г. и дальше, въ теченіе всего 1905 г., громогласно и болѣе рѣзко высказывались на всѣхъ банкетахъ и митингахъ.

Два названные съѣзда еще, конечно, не были революціею, но они, несомнѣнно, предсказывали ее, особенно если мы добавимъ здѣсь, что, помимо открытыхъ заявленій на съѣздахъ, члены послѣднихъ въ громадномъ числѣ устраивали частныя засѣданія, ничѣмъ не отличавшіяся отъ устраиваемыхъ впослѣдствіи банкетовъ и митинговъ.

Въ періодъ, напримѣръ, засѣданія техническаго съѣзда была организована встрѣча новаго, 1904 года въ трехъ мѣстахъ при участіи отъ 400 до 700 лицъ.

И здѣсь уже прямо кричали: «долой самодержавіе!» «да здравствуетъ политическая свобода!»

Техническій и Пироговскій съѣзды, стянувшіе въ Петербургъ земскія и интеллигентныя силы со всей Россіи, конечно, выражали настроеніе широкихъ слоевъ общества.

Предсѣдатель VII секціи Техническаго съѣзда, г. Исаковъ, въ засѣданіи комитета, послѣ закрытія съѣзда, совершенно основательно сказалъ: «Господа, мы знаемъ правду о съѣздѣ, но почему-то умалчиваемъ о ней. Я думаю, что пора сказать ее. Дѣло въ томъ, что съѣздъ собранъ былъ въ періодъ чрезвычайно высокаго подъема общественной температуры. Мы всѣ знали, что повсюду въ Россіи растетъ недовольство существующими порядками, что это недовольство проявляется въ самомъ широкомъ общественномъ движеніи. Понятно, что съѣздъ неизбѣжно долженъ былъ отразить подъемъ, который замѣчался во всей Россіи... Я предлагаю указать въ запискѣ министру на то, что съѣздъ прошелъ такъ оживленно и потому въ немъ замѣчалась горячая атмосфера, что онъ отразилъ состояніе умовъ въ Россіи» [1]).

Затѣмъ, извѣстный земскій врачъ Д. Н. Жбанковъ, одинъ изъ видныхъ дѣятелей всѣхъ пироговскихъ съѣздовъ, о которомъ мы не разъ уже упоминали, въ статьѣ своей «Прошлое и будущее пироговскаго общества» [2]), между прочимъ, говоритъ: «III-й технической и IX й пироговскій съѣзды впервые въ Россіи, при огромномъ стеченіи членовъ и публики, открыто и во всеуслышаніе заявили о томъ, что такъ дальше жить нельзя, необходимы свободы и соціальныя реформы».

Во время техническаго съѣзда состоялся и учредительный съѣздъ «освобожденцевъ» для окончательной организаціи «Союза Освобожденія». Этотъ съѣздъ заложилъ прочныя основы для дальнѣйшаго существованія Союза.

Засѣданія освобожденскаго съѣзда состоялись 3, 4 и 5-го января, — при участіи представителей отъ 20-ти городовъ [3]), — въ разныхъ квартирахъ. Занятія его сопровождались весьма горячими преніями, но въ концѣ концовъ программа «Союза Освобожденія» была утверждена. Кн. Д. И. Шаховской въ обстоятельной статьѣ «Союзъ Освобожденія», говоритъ, что опредѣленіе сущности «Союза» принято было приблизительно въ такомъ видѣ: «Союзъ Освобожденія» ставитъ своей первой и главной цѣлью—политическое освобожденіе Россіи. Считая политическую свободу даже въ самыхъ минимальныхъ ея предѣлахъ совершенно несовмѣстимой съ абсолютивнымъ харак-

[1]) Директоръ С.-Петербургскаго Технологическаго Института г. Зерновъ доказывалъ, что министру народнаго просвѣщенія слѣдуетъ просто заявить, что «не было рѣшительно никакихъ поводовъ къ полицейскому вмѣшательству въ дѣла съѣзда». Съ нимъ согласился и Исаковъ.

[2]) «Журн. Об-ва русск. врач. въ память Пирогова», № 5, 1906 г.

[3]) Владиміръ, Вологда, Вятка, Кіевъ, Кострома, Курскъ, Нижній, Одесса, Орелъ, Самара, Саратовъ, Симферополь, Смоленскъ, Тамбовъ, Тифлисъ, Тула, Харьковъ, Черниговъ, Юрьевъ, Ярославль.

теромъ русской монархіи, «Союзъ» будетъ добиваться, прежде всего, уничтоженія самодержавія и установленія въ Россіи конституціоннаго режима. При опредѣленіи конкретныхъ формъ, въ которыхъ конституціонный режимъ можетъ быть осуществленъ въ Россіи, «Союзъ Освобожденія» употребитъ всѣ усилія, чтобы политическая проблема была рѣшена въ духѣ широкаго демократизма и, прежде всего, признаетъ существенно необходимымъ положить въ основаніе политической реформы принципъ всеобщей, равной, тайной и прямой подачи голосовъ. Ставя на первомъ планѣ требованія политическія, «Союзъ Освобожденія» признаетъ необходимымъ опредѣлить свое принципіальное отношеніе къ соціально-экономическимъ проблемамъ, выдвигаемымъ самою жизнью: въ области соціально экономической политики «Союзъ» будетъ руководиться тѣмъ же основнымъ началомъ демократизма, ставя прямой цѣлью своей дѣятельности защиту интересовъ трудящихся массъ. Въ сферѣ національныхъ вопросовъ «Союзъ» признаетъ право на самоопредѣленіе за различными народностями, входящими въ составъ Россійскаго государства. По отношенію къ Финляндіи «Союзъ» присоединяется къ требованію о возстановленіи государственнаго правового положенія, существовавшаго въ этой странѣ до противозаконныхъ нарушаній этого положенія». На послѣднемъ засѣданіи тайнымъ голосованіемъ былъ избранъ Совѣтъ «Союза», составъ котораго не былъ оглашенъ и, согласно общему желанію, онъ остался извѣстнымъ только тѣмъ лицамъ, которыя дѣлали подсчетъ тайному, по запискамъ, голосованію. Организованъ «Союзъ» былъ въ общемъ на тѣхъ же началахъ, которыя выработаны были на харьковскомъ съѣздѣ, о чемъ мы уже говорили, при чемъ установленъ былъ подоходный прогрессивный налогъ.

Такимъ образомъ, въ началѣ 1904 года въ Петербургѣ образована была замѣчательная, единственная въ своемъ родѣ тайная организація, объединившая всѣ оппозиціонныя силы населенія, направленныя къ одной цѣли: уничтоженію самодержавія и замѣнѣ его демократической конституціей. Эта организація сыграла громадную роль въ освободительномъ движеніи вообще и въ земскомъ въ частности.

Участники этихъ совѣщаній, какъ учредители «Союза Освобожденія», должны были въ назначенныхъ имъ районахъ приводить въ исполненіе уставъ «Союза».

Но, какъ мы уже говорили, земская Россія была совершенно готова къ осуществленію такого плана, такъ что очень скоро организація «Союза» была проведена въ цѣломъ рядѣ губерній. Трудно это было сдѣлать для неземскихъ губерній и для окраинъ. Однако, давно уже практиковавшееся земцами представительство, приглаше-

ніе на съѣзды и совѣщанія лицъ изъ разныхъ мѣстностей, помогло довольно быстрому распространенію организаціи «Союза» и не въ земскихъ губерніяхъ, до Сибири включительно.

Въ то же время правительство все повышало и повышало свою разрушительную дѣятельность и, по-прежнему, какъ нельзя болѣе способствовало мобилизаціи общественныхъ силъ.

По отношенію къ земствамъ Плеве въ самомъ началѣ 1904 г. открыто повелъ боевую атаку.

Дѣло началось съ разгрома тверского земства. Уже 8-го января 1904 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе, объявленное Правительствующему Сенату министромъ внутреннихъ дѣлъ, о предоставленіи министру внутреннихъ дѣлъ и тверскому губернатору особыхъ полномочій по отношенію къ тверскому земству.

Въ тотъ самый день, т.-е. 8 январ«, когда было опубликовано Высочайшее повелѣніе относительно тверского земства, какъ бы въ противовѣсъ ему, былъ опубликованъ Высочайшій указъ объ образованіи губернскихъ совѣщаній для пересмотра законодательства о крестьянахъ, въ губерніяхъ, коихъ введено положеніе о земскихъ начальникахъ, а также въ губерніяхъ Кіевской, Волынской и Подольской.

Этимъ правительство, съ одной стороны, хотѣло показать, что оно занимается не только разрушительной работой, но и созидательной, съ другой,—оно желало вызвать успокоеніе крестьянской массы и, съ третьей, наконецъ, подтвердить, что его политическій курсъ неизмѣненъ. Но это подтвержденіе въ то же время показывало всю безплодность «совѣщаній». Какъ члены отъ дворянства, такъ и отъ земства «приглашались» губернаторами, а порядокъ обсужденія и дѣлопроизводство въ совѣщаніяхъ опредѣлялись «инструкціями министерства внутреннихъ дѣлъ». Нужно ли говорить, что эти «совѣщанія» вызвали сначала самое ироническое отношеніе со стороны земства, а впослѣдствіи оно воспользовалось уже этимъ указомъ для своихъ частныхъ засѣданій, на которыя приглашался не только «третій элементъ», но вызывались и крестьяне.

Черезъ двѣ недѣли послѣ опубликованія приведеннаго Высочайшаго указа, 26 января 1904 года, была объявлена война съ Японіею.

Это былъ послѣдній козырь правительства. Въ этомъ отчаянномъ средствѣ съ необыкновенною ясностью обнаружилась полная несостоятельность режима. Оказалось, что правительство было совершенно дезорганизовано. Оно не имѣло понятія даже о состояніи арміи, т.-е. не знало о качествѣ единственнаго устоя, на которомъ еще держалось. Въ этой арміи происходило нѣчто неописуемое. На ней болѣе всего отразилось разложеніе стараго строя. На первыхъ же порахъ выяс-

нилось, что въ арміи есть только солдаты и больше ничего. Орудія, оружіе, корабли, т.-е. все то, безъ чего самые храбрые солдаты не въ силахъ воевать, были, въ сущности говоря, фикція. Милліарды народныхъ денегъ, затраченные на армію, исчезли неизвѣстно куда. Въ то же время стало извѣстно, что причиною войны явились совершенно невѣроятныя злоупотребленія на Дальнемъ Востокѣ.

Въ силу всѣхъ этихъ обстоятельствъ, а также вслѣдствіе всеобщаго недовольства разоренной и угнетенной страны, объявленіе о войнѣ встрѣчено было далеко не восторженно [1]).

Правительство было обезкураженно такимъ настроеніемъ населенія, но ему не было уже больше никакого выхода. Оно начало искусственно подогрѣвать патріотизмъ, обвинять всѣхъ, кто такого патріотизма не проявлялъ, въ измѣнѣ, въ предательствѣ, въ подкупѣ.

Въ земскихъ сферахъ былъ цѣлый рядъ теченій. Воспользовавшись благопріятнымъ случаемъ, на сцену прежде всего выступили реакціонные элементы.

Въ чрезвычайныхъ февральскихъ и мартовскихъ собраніяхъ раздались напыщенные, патріотическіе призывы.

Постановка вопросовъ была чисто полицейская, провокаціонная: «кто противъ—тотъ измѣнникъ отечества». По всякому поводу привлекалась Верховная власть.

Другое теченіе въ земскихъ сферахъ занимало среднее мѣсто между «патріотическимъ» и освобожденскимъ. Оно шло изъ Москвы.

Представители этого теченія не безъ основанія говорили, что, не принимая участія въ войнѣ, какъ таковой, земство, какъ и въ вопросѣ, напримѣръ, народнаго продовольствія, должно, тѣмъ не менѣе, объединиться и оказать помощь раненымъ и больнымъ на войнѣ, а на мѣстахъ — семьямъ убитыхъ. Вѣдь армія — это тотъ же народъ, не говоря уже о семьяхъ воиновъ.

Въ виду такого рода соображеній, земская оппозиція на земскихъ собраніяхъ отстаивала обще-земскую организацію на театрѣ военныхъ дѣйствій, и этотъ вопросъ дружно прошелъ во всей земской Россіи.

Но бюрократія увидѣла въ этомъ весьма опасное явленіе и постаралась устроить препятствіе вопреки ясно выраженной волѣ Вер-

[1]) Плеве вѣритъ въ побѣду, что еще болѣе доказываетъ его близорукость и полную неосвѣдомленность о состояніи арміи и флота. Плеве разсчитывалъ исключительно на грубую, физическую силу, не понимая значенія культуры и государственнаго строя. Когда директоръ департамента полиціи Лопухинъ проявилъ пессимизмъ на счетъ исхода войны, то, по словамъ кн. Урусова, Плеве разсердился на Лопухина и съ досадой спросилъ: «неужели для васъ не ясна слѣдующая ариѳметическая задача: что больше—пятьдесятъ или полтораста милліоновъ» (населенія)?

ховной власти, еще и еще разъ доказавъ тѣмъ безсиліе послѣдней при самодержавіи чиновниковъ.

27 апрѣля 1904 года предсѣдатель тульской губернской земской управы князь Г. Е. Львовъ представлялся Государю, какъ уполномоченный отъ общеземской организаціи. 2-го мая въ Москвѣ созвано было совѣщаніе представителей земствъ, чтобы сговориться о совмѣстной дѣятельности на театрѣ войны. Кн. Г. Е. Львовъ доложилъ, что Государь, при аудіенціи 27 апрѣля, «благословилъ его» и просилъ передать представителямъ земствъ, принимающимъ участіе въ объединенной земской организаціи, и персоналу земскихъ отрядовъ свое сочувствіе предпринимаемому земскому дѣлу, напутственное благословеніе и пожеланіе успѣха въ святомъ дѣлѣ человѣколюбія».

Вслѣдъ за этимъ предсѣдатель московской губернской земской управы Д. Н. Шиповъ доложилъ нижеслѣдующее «предложеніе» московскаго губернатора.

«Вслѣдствіе предложенія г. министра внутреннихъ дѣлъ 17 апрѣля, за № 2623, предлагаю губернской земской управѣ: 1) о всѣхъ безъ исключенія предложеніяхъ организованнаго при губернской земской управѣ совѣщанія земскихъ уполномоченныхъ по оказанію совмѣстной помощи больнымъ и раненымъ воинамъ предварительно приведенія таковыхъ въ исполненіе представить мнѣ и 2) ни въ какомъ случаѣ не допускать дальнѣйшихъ соглашеній совѣщанія съ земствами, до настоящаго времени не присоединившимися къ организаціи. Кромѣ сего, въ виду того же предложенія г. министра внутреннихъ дѣлъ, предлагаю губернской земской управѣ представить мнѣ теперь же списокъ всѣхъ лицъ, входящихъ въ образованные земствомъ врачебно-санитарные отряды, а также и впредь представлять о таковыхъ лицахъ, имѣющихъ войти въ составъ будущихъ отрядовъ, предварительно допущенія ихъ до отправленія обязанностей».

Трудно себѣ представить негодованіе, которое охватило участниковъ совѣщанія послѣ заслушаннаго «предложенія».

Только что передано было имъ «благословеніе» и «сочувствіе» Царя и одновременно съ этимъ... чисто полицейскій «приказъ» Плеве!

Совѣщаніе отвергло этотъ «приказъ» и постановило не исполнять его. Кромѣ того, былъ возбужденъ вопросъ о правильномъ представительствѣ всѣхъ губернскихъ городовъ на обще-земскихъ совѣщаніяхъ: по одному отъ городовъ съ населеніемъ менѣе 200.000, по два—съ населеніемъ превышающимъ 200.000 и четыре представителя отъ С.-Петербурга и Москвы.

Плеве словно обезумѣлъ отъ негодованія и сталъ по пятамъ преслѣдовать земцевъ и земство.

10 февраля вызванъ былъ въ Петербургъ кн. Д. И. Шаховской, при чемъ Плеве заявилъ ему, что онъ докладывалъ Государю о высылкѣ кн. Шаховского, что Государь на этотъ разъ не согласился съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, вслѣдствіе заслугъ предковъ Д. И., но, если въ чемъ-либо онъ, кн. Шаховской, еще провинится, то будетъ высланъ безъ предупрежденія.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ Д. Н. Шиповъ, корректнѣйшій изъ земцевъ, не былъ утвержденъ предсѣдателемъ московской губернской земской управы, въ каковой должности до тѣхъ поръ онъ состоялъ 11 лѣтъ. Это обстоятельство вызвало добровольную отставку члена той же управы М. В. Челнокова. Служащіе московскаго земства поднесли адресъ Шипову съ 300-ами подписей, а вслѣдъ за этимъ и со всѣхъ мѣстъ организованной земской Россіи посыпались ему адреса и привѣтствія, и скоро отставка предсѣдателя московской губернской земской управы получила чуть не всероссійское значеніе [1]).

Чтобы не возвращаться болѣе къ этому инциденту, здѣсь же скажемъ, что послѣ удаленія Д. Н. Шипова гласные московскаго губернскаго земства долго совѣщались, прежде чѣмъ рѣшить вопросъ—выбиратъ или не выбирать новаго предсѣдателя. Сначала по запискамъ избранъ былъ все же Шиповъ, но затѣмъ рѣшили остановиться на Ѳ. А. Головинѣ, но при этомъ ясно показать, что дѣятельность земства будетъ прежняя. И Головинъ передъ баллотировкой, происходившей 22 мая, сказалъ: «Нѣтъ сомнѣнія, что собраніе 3 мѣсяца тому назадъ, избравъ на должность предсѣдателя управы Д. Н. Шипова, этимъ своимъ актомъ выразило свою солидарность со взглядами и направленіями, которыхъ придерживался Д. Н. въ тетеніе 11 лѣтъ въ качествѣ предсѣдателя управы. Всѣмъ гг. гласнымъ хорошо извѣстно, что Д. Н. является не только талантливымъ, неутомимымъ работникомъ, но прежде всего выдающимся общественнымъ дѣятелемъ, всегда руководящимся вполнѣ опредѣленнымъ, твердо установившимся взглядомъ на значеніе и задачи земства въ государственной жизни Россіи и стремившимся всегда осуществить его на дѣлѣ. Не можетъ быть, конечно, сомнѣнія, что за истекшіе со дня выборовъ 3 мѣсяца собраніе не могло измѣнить своихъ взглядовъ, своего направленія, а потому и въ настоящую минуту можетъ избрать на должность предсѣдателя только лицо, вполнѣ раздѣляю-

---

1) Негодующій Плеве издалъ распоряженіе, чтобы въ прессѣ не печатали ничего, касающагося выраженнаго московской городской думой, по предложенію московскаго городского головы кн. Голицына, сочувствія Д. Н. Шипову. Только, кажется, въ «Руси», до полученія министерскаго приказа, успѣло объ этомъ проскользнуть извѣстіе.

щее взгляды Д. Н. Тотъ фактъ, что большинству г.г. гласныхъ угодно было намѣтить меня на должность предсѣдателя, подтверждаетъ только что высказанныя предположенія. Большинству г.г. гласныхъ, я думаю, извѣстно, что я вполнѣ раздѣляю взгляды и убѣжденія Д. Н. и что ни по одному серьезному вопросу въ земской жизни за всю 6-ти лѣтнюю работу въ управѣ съ Д. Н. у насъ не было разногласія. Если мнѣ суждено занять мѣсто предсѣдателя управы, то я не сомнѣваюсь, что Д. Н. будетъ всегда служить для меня примѣромъ, приблизиться къ которому будетъ составлять мою задачу, что въ своей дѣятельности я всегда буду руководиться тѣми же принципами, тѣмъ же направленіемъ, которымъ руководился и Д. Н. Думаю также, что и при выборѣ члена управы собраніе будетъ имѣть въ виду тѣ же соображенія, что и при выборѣ предсѣдателя и что, благодаря этому, управа составитъ, какъ то всегда было при Д. Н., дружный кружокъ лицъ, солидарныхъ по всѣмъ принципіальнымъ вопросамъ земской жизни. Я счелъ необходимымъ сдѣлать настоящее заявленіе передъ баллотировкой, чтобы всѣ гг. гласные знали, какихъ взглядовъ и какого направленія я стану придерживаться въ должности предсѣдателя, имѣя это въ виду, баллотировали за и противъ меня».

Отсюда видно, что Плеве, удаливъ Д. Н. Шипова, ровно ничего не выигралъ въ московскомъ земствѣ.

Кажется, одновременно съ Д. Н. Шиповымъ, былъ не утвержденъ предсѣдателемъ вологодской губернской земской управы В. А. Кудрявый. По этому поводу въ Вологдѣ состоялся товарищескій обѣдъ, на которомъ присутствовало болѣе 70 человѣкъ, при чемъ выраженъ былъ шумный протестъ дѣяніямъ правительства.

Изъ предѣловъ Тверской губерніи, по распоряженію Плеве, были высланы, безъ объясненія причинъ, бывшій предсѣдатель Тверской губернской земской управы В. Д. фонъ-Дервизъ и членъ той же управы Н. К. Милюковъ и Б. Н. Тицъ.

Въ Суджѣ и Суджанскомъ уѣздѣ, подъ видомъ «ревизіи» земской управы, дѣйствовалъ курскій вице-губернаторъ Курловъ. Стремясь, во что бы то ни стало «упечь» управу, вице-губернаторъ съ двумя чиновниками цѣлыхъ 12 дней «ревизовалъ» ее, выпытывая главнымъ образомъ, какую роль играли комиссіи, учрежденныя кн. Долгоруковымъ въ бытность его предсѣдателемъ, какое значеніе имѣлъ «третій элементъ», какія книги въ библіотекѣ. Разъѣзжая по школамъ, Курловъ спрашивалъ учениковъ титулы царствующихъ особъ, экзаменовалъ по Закону Божію, «изучалъ» письменныя работы учениковъ и т. п.

Въ то же время ревизовать курское губернское земство былъ

назначенъ знаменитый Зиновьевъ, закончившій ревизію Московскаго и Вятскаго земствъ. Ревизуя земства Вятской губерніи, Зиновьевъ велъ себя, какъ восточный сатрапъ. Его грубость, доказывая невоспитанность, превосходила всякіе предѣлы.

Въ Вятской губернской управѣ Зиновьевъ держался презрительнаго тона и говорилъ отрывисто, по-генеральски, въ родѣ: «народъ не нуждается въ попеченіяхъ земства»... «Народъ знаетъ, что о немъ заботится правительство»... «Вятское земство на ложномъ пути»... «я давно это подозрѣвалъ»... «Вы даете мужику туманныя картины и фонари, а ему нужна земля и соха»... «Вы ему навязываете орудія, съ которыми онъ не умѣетъ справиться, образованіе, которое ему не нужно»... «Учить крестьянскихъ дѣтей въ гимназіяхъ и въ высшей школѣ—это баловство, ужасное баловство!.. Нѣтъ, это даже грѣхъ»...

Въ іюнѣ мѣсяцѣ былъ опубликованъ его всеподданнѣйшій докладъ о московскомъ земствѣ.

Въ этомъ докладѣ бюрократъ больше всего говорилъ о стремленіи Московскаго губернскаго земства объединить дѣятельность уѣздныхъ земствъ, что Зиновьевъ объяснялъ «укоренившимся въ земствѣ вреднымъ спутникомъ централизаціи—пришлымъ элементомъ, который со-временемъ можетъ вполнѣ подавить мѣстную самодѣятельность»...

Это свое мнѣніе Зиновьевъ далѣе подтверждаетъ заявленіемъ Д. Н. Шипова, который говорилъ: «ни дворянство, ни купечество, ни крестьянство, отдѣльно взятое, не могутъ претендовать на руководящую роль въ общественной жизни. Такая роль можетъ принадлежать только всесословной интеллигенціи не какъ особому какому-либо классу, а какъ совокупности людей, наиболѣе просвѣщенныхъ, наиболѣе сознающихъ долгомъ обязанность общественнаго служенія». «Такими людьми и считаютъ себя руководители многочисленнаго персонала лицъ, служащихъ въ земствѣ».

Къ серединѣ 1904 года правительство, въ лицѣ Плеве, довело свою разгромную политику до апогея не только по отношенію къ земству, но и по отношенію ко всѣмъ сословіямъ и учрежденіямъ,—по отношенію ко всѣму населенію, какъ коренному, такъ и не русскому. У правительства къ этому времени, за исключеніемъ высшихъ придворныхъ и бюрократическихъ сферъ, рѣшительно не было друзей. Все волновалось, все негодовало и нерѣдко проявлялись уже чисто революціонные признаки, хотя еще въ единичныхъ фактахъ.

Но Плеве былъ глухъ и слѣпъ и не понизилъ своего полицейскаго самомнѣнія.

Когда французскій корреспондентъ замѣтилъ, что «противъ существующаго режима борются и настоящіе русскіе люди, отстаива-

ющіе идеи конституціонализма и соціализма», Плеве сказалъ: «Совершенно вѣрно. Только ихъ не стоитъ принимать въ расчетъ. Они не пользуются у народа ни каплей довѣрія, народъ издѣвается надъ ними, такъ какъ чувствуетъ, что они дѣйствуютъ въ ущербъ его интересамъ. И, кромѣ того, народъ вовсе не понимаетъ ихъ. Эти люди, сроднившись съ идеями, привезенными изъ-за границы, потеряли всякую духовную связь съ русскимъ народомъ».

Закончилъ же свою бесѣду Плеве такими словами: «Революція производится большинствомъ, а большинство—за насъ. Несомнѣнно кое-что нужно сдѣлать, но въ революціи, которую вы предвидите, нѣтъ надобности. Нужно лишь уничтожить слѣды того, что сдѣлано г. Витте, и вернуть земледѣльцамъ спокойствіе, вырвавъ изъ ихъ среды тѣ неспокойные элементы, которые создалъ г. Витте. Если вы (т.-е. Юларъ) можете разъяснить всѣ эти простыя истины радикаламъ вашей страны, вмѣсто того, чтобы ихъ еще болѣе настраивать противъ насъ, то я не буду сожалѣть о томъ, что пригласилъ васъ на эту бесѣду».

Вотъ какой «проницательный» государственный мужъ стоялъ во главѣ Россіи въ самый критическій моментъ того самодержавнаго строя, который онъ думалъ не только защитить, но и незыблимо укрѣпить! Весь его узкій кругозоръ застилалъ Витте—единственный виновникъ всѣхъ бѣдъ Россіи! Онъ не успѣлъ окончательно утопить своего конкурента, боялся возстановленія его авторитета и, быть можетъ, всѣ помыслы Плеве только и были направлены на пресѣдателя совѣта министровъ! Тамъ, въ глубинѣ Россіи, гдѣ, по мнѣнію Плеве, «царила нѣмая тишина», тамъ «возвращала земледѣльцамъ спокойствіе и вырывала изъ ихъ среды неспокойные элементы, которые создалъ Витте»,—полиція, а здѣсь въ Петербургѣ онъ лично слѣдилъ за своимъ врагомъ!

Таковъ былъ главный слуга самодержавія, его основа, его надежда!

Въ 10 ч. утра 15 іюля не стало и его: бывшій студентъ московскаго университета, сынъ уфимскаго купца Сазоновъ въ этотъ день убилъ Плеве.

Но въ средѣ нашего правительства по-прежнему не было ни единаго прозорливаго государственнаго мужа, ни единаго искренняго патріота, любящаго свою родину выше своихъ личныхъ интересовъ. И вотъ правительство, не сообразуясь съ ростомъ общественнаго самосознанія, не освѣдомленное о настроеніи страны, прибѣгаетъ къ тому же методу, который былъ уже испытанъ 24 года тому назадъ, въ 1880 г., когда Лорисъ-Меликову поручено было «выразить довѣріе обществу». Эту задачу въ 1904 году возложили на князя Святополкъ-Мирскаго.

IX.

Вторая половина 1904.

Бываютъ историческіе моменты, когда силою обстоятельствъ выдвигаются люди незначительные, почти никому неизвѣстные, и играютъ крупную историческую роль.

Это особенно случается при высокихъ подъемахъ общественнаго движенія, когда волны его выбрасываютъ на поверхность дотолѣ скрытыхъ лицъ и заставляютъ, весьма часто помимо ихъ воли,—брать на себя просто непосильныя задачи.

Вотъ именно въ такомъ положеніи въ концѣ августа 1904 года очутился министръ внутреннихъ дѣлъ князь П. Д. Святополкъ-Мирскій.

Носились слухи, что онъ долго и упорно отказывался занять мѣсто убитаго Плеве, но въ концѣ концовъ, будто бы, въ высшихъ сферахъ настояли на принятіи имъ портфеля министра внутрен. дѣлъ.

Единственно, что было извѣстно о кн. Святополкъ-Мирскомъ въ обществѣ, такъ это то, что онъ—добрый и въ то же время слабохарактерный человѣкъ.

Насколько было цѣнно первое качество, настолько пугало второе: «если министръ внутреннихъ дѣлъ слабохарактерный, то имъ будутъ управлять другіе»—не безъ основанія разсуждало общество.

И тутъ же говорили, что на самомъ дѣлѣ кн. Святополкъ-Мирскій—ставленникъ Витте, ширма послѣдняго, и что предсѣдатель комитета министровъ имѣетъ въ виду, при посредствѣ кн. Святополкъ-Мирскаго, провѣдать, какъ широко и глубоко развито въ обществѣ освободительное движеніе, дабы сообразовать съ этимъ свои дѣйствія.

Насколько вѣрны были всѣ эти слухи, объ этомъ трудно судить но многія событія, имѣвшія мѣсто къ концу министерства кн. Святополкъ-Мирскаго, какъ будто бы ихъ подтвердили.

Однако не будемъ забѣгать впередъ.

16 сентября при представленіи членовъ министерства внутреннихъ дѣлъ кн. Святополкъ-Мирскій произнесъ слѣдующую рѣчь:

«Приступая сегодня къ выполненію возложенныхъ на меня Монаршимъ довѣріемъ обязанностей, я считаю долгомъ заявить, что въ

основу направленія ввѣреннаго мнѣ министерства мною будутъ положены начала, провозглашенныя съ высоты престола Всемилостивѣйшимъ манифестомъ 26 февраля 1903 г. Приглашаю васъ, господа, къ дѣятельному самоотверженному сотрудничеству именно въ этомъ направленіи. Административный опытъ привелъ меня къ глубокому убѣжденію, что плодотворность правительственнаго труда основана на искренно-благожелательномъ и истинно довѣрчивомъ отношеніи къ общественнымъ и сословнымъ учрежденіямъ и къ населенію вообще. Лишь при этихъ условіяхъ работы можно получить взаимное довѣріе, безъ котораго невозможно ожидать прочнаго успѣха въ дѣлѣ устроенія государства. Призывая васъ, господа, къ неустанной работѣ, я вѣрю въ силы и опытность вашу, которыя мнѣ помогутъ достигнуть цѣли въ предстоящемъ трудѣ».

Это точь-въ-точь воззваніе гр. Лорисъ-Меликова, сдѣланное 24 года тому назадъ къ жителямъ Петербурга, въ которомъ онъ, какъ мы знаемъ уже, говорилъ, что «на поддержку общества» смотритъ, какъ на главную силу, могущую содѣйствовать власти и т. п. А въ бесѣдѣ съ редакторами графъ Лорисъ-Меликовъ заявлялъ, что въ его программу входитъ—«дать земству и другимъ общественнымъ и сословнымъ учрежденіямъ возможность вполнѣ пользоваться тѣми правами, которыя дарованы законами, стараясь при этомъ облегчить ихъ дѣятельность» и т. д. Еще больше сходство съ выступленіемъ Лорисъ-Меликова мы увидимъ, если приведемъ бесѣду кн. Святополкъ-Мирскаго съ петербугскимъ корреспондентомъ «L' Echo de Paris». Онъ говорилъ этому представителю печати, что большихъ перемѣнъ отъ него, кн. Святополкъ-Мирскаго, ждать нечего. Онъ думаетъ лишь выполнить программу манифеста 26 февраля 1903 г., но проведетъ ее въ широкомъ и честномъ либеральномъ духѣ, не касаясь, однако, основъ существующаго строя. Земскія собранія должны получить возможно большую свободу и большія полномочія. «Это лучшее средство для противодѣйствія совершенно негодному для Россіи парламентаризму». О евреяхъ Святополкъ-Мирскій сказалъ, что онъ вообще не врагъ ихъ, но, если имъ дать свободу, они скоро достигнутъ черезчуръ большого значенія. «Пока что, — добавилъ князь,—я полагаю относиться къ нимъ съ большею благожелательностью и особенно думаю озаботиться улучшеніемъ судьбы низшихъ слоевъ еврейскаго народа. Добротой можно достигнуть удачныхъ результатовъ». Что касается революціоннаго движенія, то министръ заявилъ, что «мы будемъ бороться противъ террористовъ», а затѣмъ сейчасъ же сказалъ: «лично я снисходительно отношусь къ молодежи и другъ студентовъ». Относительно войны кн. Святополкъ-Мирскій

явился совсѣмъ плохимъ предсказателемъ: «въ концѣ концовъ русскіе все-таки одолѣютъ»,—увѣрялъ онъ корреспондента.

Но если много общаго съ Лорисъ-Меликовымъ мы видимъ въ словахъ и пожеланіяхъ Святополкъ-Мирскаго, то въ общественномъ настроеніи 1904 г. не было ничего схожаго съ 1881 годомъ. Кн. Святополкъ-Мирскій имѣлъ уже дѣло съ организованнымъ обществомъ.

Во главѣ этой организаціи стояла земская партія въ широкомъ смыслѣ этого слова.

23 февраля 1904 года состоялся съѣздъ союза земцевъ-конституціоналистовъ, или, что тоже, участниковъ «Новосильцевскихъ» совѣщаній. Рѣшивъ оставаться при прежней своей программѣ, т.-е. — проводить въ земскихъ собраніяхъ конституціонныя требованія, онъ отрицательно отнесся къ оффиціальному включенію земцевъ въ «Союзъ Освобожденія», основательно разсуждая, что такое включеніе заставило бы многихъ весьма цѣнныхъ дѣятелей въ чисто земской средѣ отказаться отъ коллективной работы, вслѣдствіе нежеланія участвовать въ тайной организаціи. Между тѣмъ безъ оффиціальнаго объединенія могли рука объ руку работать земцы «Союза» съ просто земцами, что въ дѣйствительности и было. Затѣмъ на этомъ съѣздѣ, между прочимъ, составлено было обращеніе къ русскому обществу отъ земской группы конституціоналистовъ, темою для котораго послужила русско-японская война. Указывалось, что послѣдняя явилась не по волѣ народа, а между тѣмъ онъ долженъ проливать свою кровь, жертвовать своею жизнью и отстоять родину отъ врага. Но теперь уже война—дѣло національное. Мы должны отстаивать Россію, какъ ея граждане, а по окончаніи войны постараемся избавиться отъ внутренняго врага, въ видѣ безправія и произвола, царящихъ въ странѣ. «Если,—говорилось въ концѣ обращенія,—въ годину испытанія этотъ русскій народъ способенъ на столь великій подвигъ для поддержанія Россіи въ войнѣ, идея которой является ему чуждой, то тѣмъ паче въ нормальное, мирное время способенъ онъ посвятить свои умственныя, душевныя и матеріальныя силы развитію и защитѣ кровныхъ, насущныхъ своихъ интересовъ»,—а именно—народнаго представительства.

Это обращеніе можетъ служить примѣромъ самостоятельной, такъ сказать, работы земцевъ-освобожденцевъ въ чисто земской средѣ. Они дѣйствовали на два фронта. Какъ освобожденцы въ прямомъ смыслѣ слова и какъ земцы. Дѣло освобожденія отъ этого лишь выигрывало. Въ августѣ 1904 года земцамъ пришлось разрѣшить вопросъ о подачѣ адреса Государю, въ которомъ бы недвусмысленно выражены были конституціонныя пожеланія. Для этого нуженъ

былъ созывъ земскаго съѣзда, что представляло не малый трудъ, принимая во вниманіе что организованное два съ лишкомъ года тому назадъ Бюро съѣздовъ не дѣйствовало. Въ то же время «Союзъ Освобожденія» велъ свою линію и проявилъ громадную энергію во второй половинѣ 1904 года. 20 октября совѣтъ «Союза Освобожденія» принялъ, въ цѣляхъ агитаціи за введеніе въ Россіи конституціоннаго режима, слѣдующія рѣшенія, которыя и провелъ въ жизнь: 1) принять самое дѣятельное участіе въ предстоящемъ съѣздѣ земскихъ и городскихъ дѣятелей и употребить всѣ силы, чтобы направить его на путь открытаго заявленія конституціонныхъ требованій; 2) имѣя въ виду, что 20 ноября того же года исполняется сорокалѣтіе судебныхъ уставовъ, организовать въ этотъ день черезъ своихъ членовъ въ Петербургѣ, Москвѣ и возможно большемъ количествѣ другихъ городовъ банкеты, на которыхъ должны быть приняты конституціонныя и демократическія резолюціи, составленныя въ гораздо болѣе рѣшительномъ тонѣ, нежели тѣ, которыхъ можно было ожидать отъ съѣзда земскихъ и городскихъ дѣятелей; 3) поднять черезъ своихъ членовъ—земцевъ на предстоявшихъ уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ собраніяхъ, въ возможно большемъ числѣ ихъ, вопросъ о введеніи въ Россіи конституціоннаго строя и необходимости созыва для этой цѣли народнаго представительства на широкодемократической основѣ; 4) начать агитацію за образованіе союзовъ адвокатовъ, инженеровъ, профессоровъ, писателей и другихъ лицъ либеральныхъ профессій, организацію ихъ съѣздовъ, выбора ими постоянныхъ бюро и объединеніе этихъ бюро какъ между собою, такъ и съ бюро земскихъ и городскихъ дѣятелей въ единый Союзъ Союзовъ. Этотъ Союзъ Союзовъ долженъ былъ установить организаціонныя связи съ центральными учрежденіями всѣхъ лѣвыхъ политическихъ партій, выработать общую платформу и явиться въ нѣкоторомъ родѣ Vorparlament'омъ. Всѣ эти постановленія Совѣта были приведены «Союзомъ Освобожденія» въ исполненіе съ весьма значительнымъ успѣхомъ: не говоря уже о проведенной имъ цѣлой «банкетной кампаніи», вопросъ о конституціи и созывѣ народныхъ представителей удалось поднять, подвергнуть широкому обсужденію и привести къ принятію желательныхъ рѣшеній не только въ очень многихъ земствахъ, но также и въ городскихъ думахъ. Особенно сильное впечатлѣніе произвелъ на правительство знаменитый конституціонный адресъ Московской городской думы. Что касается Союза Союзовъ, то его роль въ движеніи была также весьма значительна. Она еще ждетъ своего историка. Вообще въ этотъ періодъ времени дѣятельность «Союза Освобожденія» была

наиболѣе продуктивна. При энергичномъ участіи членовъ «Союза» 1 ноября 1904 года въ Петербургѣ стала выходить первая «лѣвая» газета «Наша Жизнь». Выходъ въ свѣтъ этой газеты предположенъ былъ ея издателемъ значительно позже, но «освобожденцы» рѣшили, во что бы то ни стало, приспособить ея появленіе ко времени земскаго съѣзда (6—9 ноября) и даже на нѣсколько дней раньше его. Такъ какъ издатель на это не соглашался, то одинъ изъ членовъ Совѣта «Союза Освобожденія» гарантировалъ издателю уплату убытковъ, если газета будетъ въ это время закрыта, или если окажется въ теченіе ноября дефицитъ. Съ этой цѣлью имъ, этимъ членомъ Совѣта, былъ сдѣланъ на свое имя крупный денежный заемъ (быстро погашенный) у извѣстнаго Саввы Морозова. На эти деньги и начала издаваться «Наша Жизнь» въ ноябрѣ 1904 года. Въ это же время (въ концѣ ноября) нѣсколько членовъ «Союза Освобожденія» вошли въ сношенія съ мало еще кому тогда вѣдомымъ священникомъ Гапономъ, но форма открытаго выступленія на политическую арену петербургскихъ рабочихъ, которую предложили Гапону эти «освобожденцы», была весьма отлична отъ той, которая имѣла мѣсто затѣмъ 9 января 1905 года. Мысль освобожденцевъ состояла въ томъ, чтобы предложить рабочимъ принять во всѣхъ гапоновскихъ «отдѣлахъ» приблизительно тѣ же резолюціи, которыя тогда принимались вездѣ на банкетахъ. Необходимо замѣтить, что Гапонъ въ то время вполнѣ соглашался съ «освобожденцами», и у него тогда и мысли не было вести рабочихъ къ дворцу. Въ тотъ же періодъ времени «Союзъ Освобожденія» рѣшился вступить въ правильныя отношенія съ революціонными партіями и съ этой цѣлью мѣсяца за полтора до земскаго съѣзда три члена Совѣта «Союза Освобожденія» и одинъ членъ организаціи, постоянно проживавшій тогда за границей, поѣхали въ качествѣ представителей «Союза Освобожденія» въ Парижъ на съѣздъ делегатовъ отъ дѣйствовавшихъ тогда въ Россіи различныхъ партій (русскихъ, польскихъ, финляндскихъ, грузинскихъ и др.) и вошли съ ними въ нѣкоторыя соглашенія.

Теперь возвратимся въ земскую среду.

8 сентября 1904 года состоялось въ Москвѣ первое засѣданіе Бюро земскихъ съѣздовъ, на которомъ рѣшено было устроить въ ноябрѣ въ Москвѣ же явочнымъ порядкомъ открытый съѣздъ земскихъ и городскихъ дѣятелей и открыто во всеуслышаніе провозгласить конституціонныя требованія. Но, по случайнымъ обстоятельствамъ, объ этомъ съѣздѣ правительство узнало ранѣе, чѣмъ онъ осуществился. Дѣло произошло такъ. Бывшій тогда представителемъ харьковской губернской земской управы В. Г. Колокольцевъ состо-

ялъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ бывшимъ послѣ кн. Оболенскаго харьковскимъ вице-губернаторомъ и губернаторомъ Гербелемъ, который раньше, въ качествѣ еще предсѣдателя херсонской губернской земской управы, былъ правою рукою кн. Оболенскаго. Этотъ послѣдній, кажется, способствовалъ тому, что Гербель получилъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, мѣсто начальника главнаго управленія по дѣламъ земскаго и городского хозяйства. Гербель велъ себя по отношенію къ земству, согласно взглядамъ правительства. Онъ былъ сначала строгій исполнитель воли Плеве, а затѣмъ—кн. Святополкъ-Мирскаго. Почуявъ, что при послѣднемъ повѣяло «вольнымъ духомъ», Гербель тотчасъ же сдѣлался либераломъ, какъ и всѣ чиновники тогда внезапно «полѣвѣли».

Вотъ у этого то Гербеля и былъ названный Колокольцевъ, по окончаніи московскаго сентябрьскаго съѣзда, при чемъ, во время обѣда частнымъ образомъ сообщилъ, что въ ноябрѣ проектируется въ Москвѣ земскій съѣздъ. На это Гербель замѣтилъ, что, во-первыхъ, городъ для съѣзда избранъ неудачно, такъ какъ московскій генералъ-губернаторъ, велик. кн. Сергѣй Александровичъ, не любитъ никакихъ проявленій земской самодѣятельности, а во-вторыхъ—не лучше ли собраться съ разрѣшенія начальства, при чемъ предложилъ свои услуги для переговоровъ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Колокольцевъ тотчасъ же сообщилъ о своей удачной миссіи земцамъ, и отъ нихъ къ кн. Святополкъ-Мирскому отправилась депутація для переговоровъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ не только сочувственно отнесся къ съѣзду, но постарался получить на него разрѣшеніе и отъ самого Государя. Это извѣстіе произвело тогда громадное впечатлѣніе на всю Россію, несмотря на то, что кн. Святополкъ-Мирскій поставилъ условіемъ, чтобы въ съѣздѣ приняли участіе лишь предсѣдатели губернскихъ земскихъ управъ, да тѣ изъ земцевъ, которые принимали участіе въ съѣздахъ, устраивавшихся Д. Н. Шиповымъ, и, кромѣ того, на съѣздѣ не долженъ былъ присутствовать И. И. Петрункевичъ. «Союзъ Освобожденія» рѣшилъ, что одновременно съ оффиціальнымъ съѣздомъ состоится въ Петербургѣ и съѣздъ неоффиціальный, такъ что, все равно, условія правительства будутъ отпарированы и, въ концѣ концовъ, на съѣздѣ будутъ участвовать всѣ. Но скоро само правительство оказало громадное содѣйствіе устройству такого именно съѣзда.

1-го ноября, т.-е. всего за 5 дней до Высочайше разрѣшеннаго съѣзда, когда оповѣщены были всѣ земскіе и городскіе дѣятели, а значительная часть ихъ уже прибыла въ Москву, вдругъ стало извѣстно, что съѣздъ... не разрѣшенъ!

Отправились съ запросомъ къ кн. Святополкъ-Мирскому. Тотъ заявилъ, что, по желанію Государя, съѣздъ долженъ быть отложенъ до окончанія очередныхъ земскихъ собраній сессіи 1904 г., т.-е.— прибавилъ отъ себя—болѣе чѣмъ на годъ, но что онъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, прикажетъ смотрѣть полиціи «сквозь пальцы», если земцы будутъ бесѣдовать «за чашкою чая на частныхъ квартирахъ».

Земцы, конечно, поспѣшили воспользоваться такимъ, болѣе чѣмъ благопріятнымъ обстоятельствомъ. Уже второго ноября состоялось въ Москвѣ въ извѣстной намъ квартирѣ Ю. А. Новосильцева довольно многолюдное предварительное засѣданіе съѣхавшихся земскихъ и городскихъ дѣятелей, на обсужденіе которыхъ представлена была записка В. Е. Якушкина съ 11 тезисами, которые будутъ изложены ниже. Послѣ продолжительныхъ и крайне оживленныхъ преній всѣ эти тезисы были приняты и лишь по тезису 10-му, какъ увидимъ, образовалось большинство и меньшинство.

Принявъ тезисы, московское совѣщаніе постановило провести ихъ на съѣздѣ въ Петербургѣ, куда и отправились изъ Москвы земскіе и городскіе дѣятели.

Здѣсь въ историческихъ засѣданіяхъ 6-го (въ квартирѣ И. А. Корсакова), 7-го (въ квартирѣ А. Н. Брянчанинова) и 8-го ноября (въ квартирѣ В. Д. Набокова), и была принята слѣдующая историческая «резолюція земскаго съѣзда»:

Факсимиле постановленій.

Частное совѣщаніе земскихъ дѣятелей въ засѣданіяхъ, происходившихъ 6-го, 7-го и 8-го ноября 1904 г. въ Петербургѣ, обсудивъ вопросъ объ общихъ условіяхъ, необходимыхъ для правильнаго теченія и развитія нашей общественной и государственной жизни, пришло къ слѣдующимъ заключеніямъ

1. Ненормальность существующаго въ нашей жизни порядка государственнаго управленія, съ особой силой проявившаяся съ начала восьмидесятыхъ годовъ, заключается въ полной разобщенности правительства съ обществомъ и въ отсутствіи необходимаго въ государственной жизни взаимнаго между ними довѣрія.
2. Отношенія правительства къ обществу имѣли въ своемъ основаніи опасеніе развитія общественной самодѣятельности и постоянныя стремленія къ устраненію общества отъ участія во внутреннемъ государственномъ управленіи. Исходя изъ этихъ основаній, правительство стремилось къ проведенію административной централизаціи во всѣхъ отрасляхъ мѣстнаго управленія и къ опекѣ надъ всѣми сторонами общественной жизни. Взаимодѣйствіе съ обществомъ признавалось правительствомъ исключительно въ смыслѣ приведенія дѣятельности общественныхъ учрежденій въ соотвѣтствіе съ видами правительства.
3. Бюрократическій строй, разобщая верховную власть съ населеніемъ, создаетъ почву для широкаго проявленія административнаго произвола и личнаго усмотрѣнія. Такой порядокъ лишаетъ общество необходимой всегда увѣренности въ охранѣ законныхъ правъ всѣхъ и каждаго и подрываетъ довѣріе его къ правительству.

4. Правильное течение и развитие государственной и общественной жизни возможно лишь при условии живого и тесного общения и единения государственной власти с народом.

5. Для устранения возможности проявления административного произвола необходимо установление и последовательное проведение в жизнь принципа неприкосновенности личности и частного жилища. Никто без постановления независимой судебной власти не должен быть подвергаем высылке и ограничиваем в своих правах. Для вышеуказанной цели необходимо кроме того установление такого порядка привлечения к гражданской и уголовной ответственности должностных лиц за нарушение закона, который обеспечивал бы практическое осуществление начала законности в управлении.

6. Для полного развития духовных сил народа, для всестороннего выяснения общественных нужд и для безпрепятственного выражения общественного мнения необходимо обеспечение свободы совести и вероисповедания, свободы слова и печати, а также свободы собраний и союзов.

7. Личныя (гражданскія и политическія) права всех граждан Россійской Имперіи должны быть равны.

8. Самодѣятельность общества является главным условіем правильнаго и успѣшнаго развитія политической и экономической жизни страны. Такъ какъ значительное большинство населенія Россіи принадлежитъ къ крестьянскому сословію, то слѣдуетъ прежде всего поставить это послѣднее въ положеніе, благопріятствующее

развитіе въ немъ самодѣятельности и энергіи, а это достижимо только путемъ коренного измѣненія нынѣшняго неполноправнаго и приниженнаго состоянія крестьянъ. Въ этихъ цѣляхъ необходимо: а/ уравнять крестьянъ въ личныхъ правахъ съ лицами другихъ сословій, б/ освободить отъ административной опеки сельское населеніе во всѣхъ проявленіяхъ его личной и общественной жизни и в/ оградить его правильной формой суда

9. Земскія и городскія учрежденія, въ которыхъ по преимуществу сосредоточивается мѣстная общественная жизнь, должны быть поставлены въ такія условія, при которыхъ они могли бы съ успѣхомъ выполнять обязанности, присущія правильно и широко поставленнымъ органамъ мѣстнаго самоуправленія; для этого необходимо: а/ чтобы земское представительство было организовано не на сословныхъ началахъ и чтобы къ участію въ земскомъ и городскомъ самоуправленіи были привлечены по возможности всѣ наличныя силы мѣстнаго населенія, б/ чтобы земскія учрежденія были приближены къ населенію путемъ созданія мелкихъ земскихъ единицъ на началахъ, обезпечивающихъ ихъ дѣйствительную самодѣятельность, в/ чтобы кругъ вѣдомства земскихъ и городскихъ учрежденій простирался на всѣ области мѣстныхъ нуждъ и г/ чтобы названнымъ учрежденіямъ были предоставлены должныя устойчивость и самостоятельность, при наличности которыхъ только и возможно правильное развитіе ихъ дѣятельности и созданіе необходимаго взаимодѣйствія правительственныхъ и общественныхъ учрежденій. Мѣстное самоуправленіе должно быть распространено

на всех частях Российской Империи

10. Мнение большинства

Но для создания и сохранения всегда живого и тесного общения и единения государственной власти с обществом на основах вышеуказанных начал и для обеспечения правильного развития государственной и общественной жизни безусловно необходимо правильное участие народного представительства, как особого выборного учреждения, в осуществлении законодательной власти, в установлении государственной росписи доходов и расходов и в контроль за законностью действий администрации

Мнение меньшинства.

Но для создания и сохранения всегда живого и тесного общения и единения государственной власти с обществом на основах вышеуказанных начал и для обеспечения правильного развития государственной и общественной жизни безусловно необходимо правильное участие в законодательстве народного представительства, как особого выборного учреждения

11. В виду важности и трудности внутреннего и внешнего состояния, переживаемого Россией, частное совещание выражает надежду, что Верховная власть призовет к свободному избранию представителей народа, дабы при содействии их вывести наше отечество на новый путь государственного развития в духе установления начал права и взаимодействия государственной власти и народа. Председатель совещания Д. Шипов

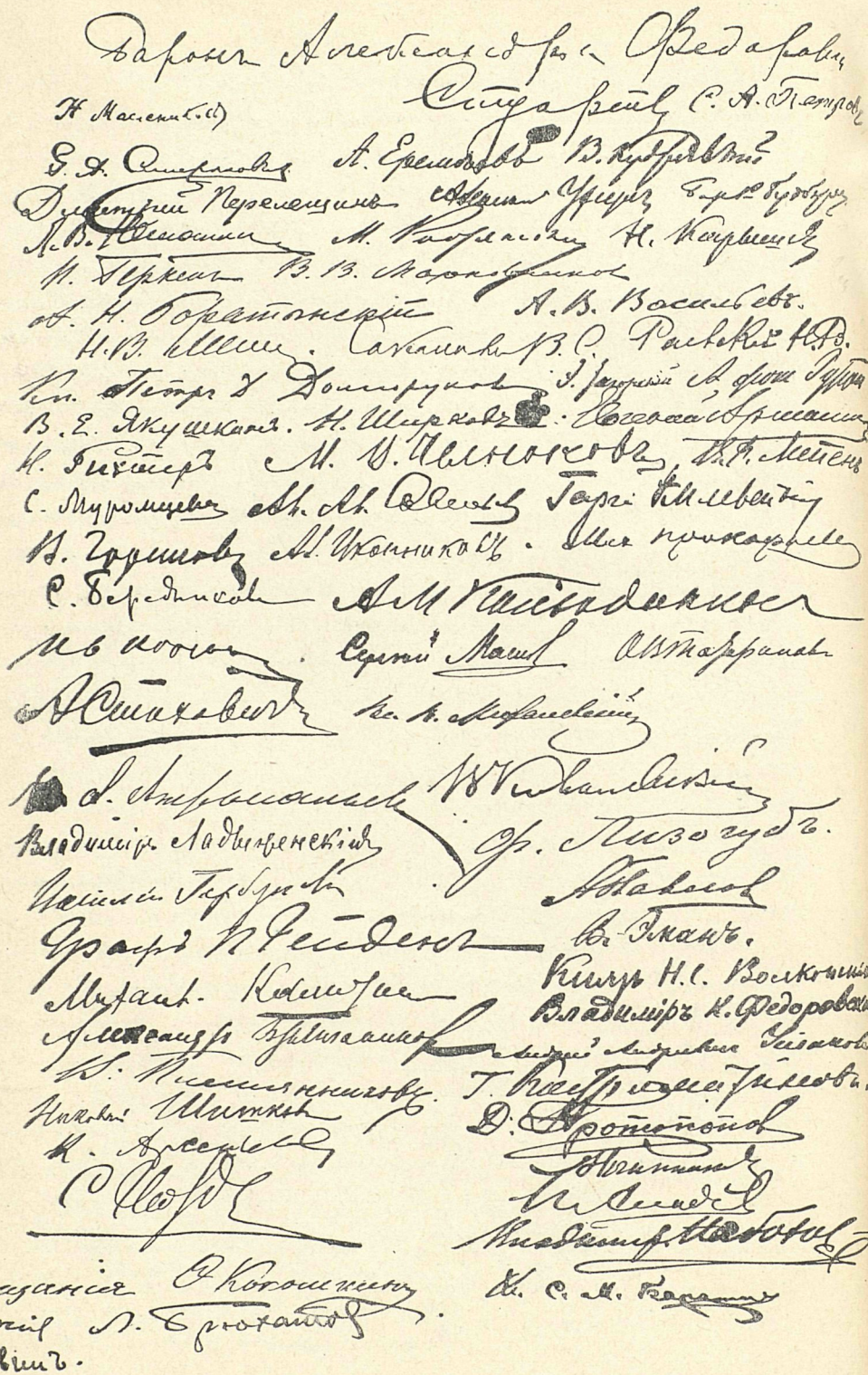
Товарищ председателя совещания М. Петрункевич

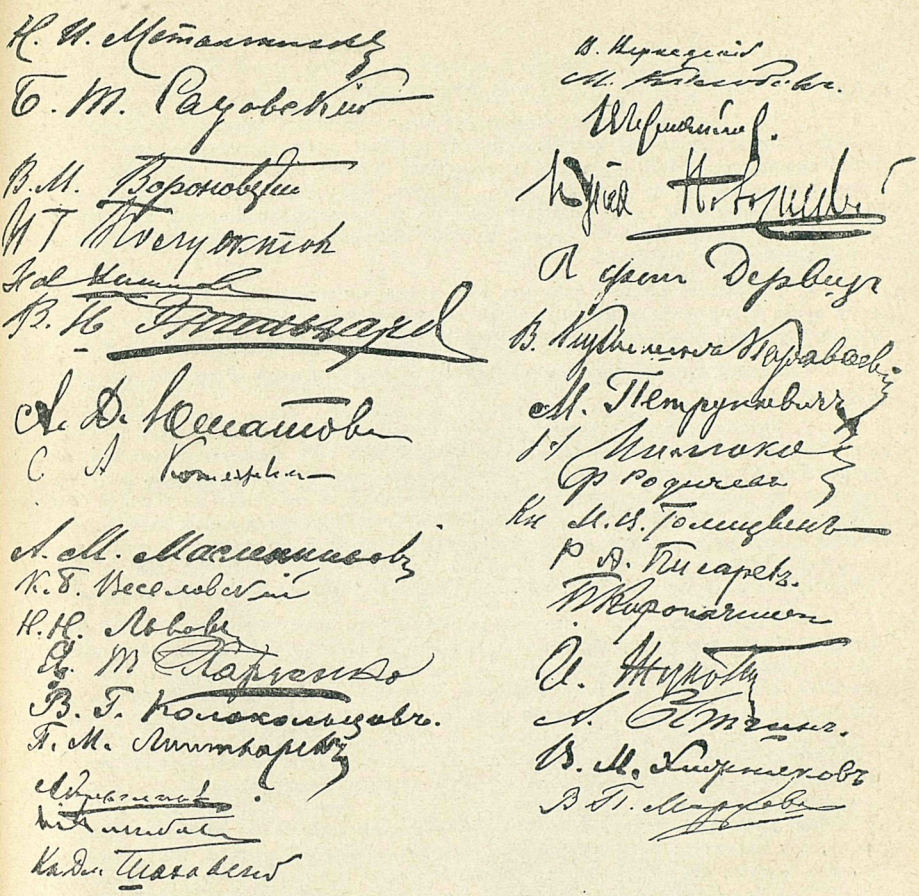
Товарищ председателя совещания Кн. Б. Львов

Секретарь частного совещания

Секретарь частного совещания

Секретарь частного совещания Д. Гольм

«Частное Совѣщаніе земскихъ дѣятелей, въ засѣданіяхъ происходившихъ 6-го, 7 го и 8-го ноября 1904 г. въ Петербургѣ, обсудивъ вопросъ объ общихъ условіяхъ, необходимыхъ для правильнаго теченія и развитія нашей общественной и государственной жизни, пришло къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1. Ненормальность существующаго въ нашей жизни порядка государственнаго управленія, съ особой силой проявившаяся съ начала восьмидесятыхъ годовъ, заключается въ полной разобщенности правительства съ обществомъ и въ отсутствіи необходимаго въ государственной жизни взаимнаго между ними довѣрія.

2. Отношенія правительства къ обществу имѣли съ своемъ основаніи опасенія развитія общественной самодѣятельности и постоянное стремленіе къ устраненію общества отъ участія во внутреннемъ государственномъ управленіи. Исходя изъ этихъ основаній, правительство стремилось къ проведенію административной централизаціи во всѣхъ отрасляхъ мѣстнаго управленія и къ опекѣ надъ всѣми сторонами общественной жизни. Взаимодѣйствіе съ обществомъ признавалось правительствомъ исключительно въ смыслѣ приведенія дѣятельности общественныхъ учрежденій въ соотвѣтствіе съ видами правительства

3. Бюрократическій строй, разобщая верховную власть съ населеніемъ, создаетъ почву для широкаго проявленія административнаго произвола и личнаго усмотрѣнія. Такой порядокъ лишаетъ общество необходимой всегда увѣренности въ охранѣ законныхъ правъ всѣхъ и каждаго и подрываетъ довѣріе его къ правительству.

4. Правильное теченіе и развитіе государственной и общественной жизни возможно лишь при условіи живого и тѣснаго общенія и единенія государственной власти съ народомъ.

5. Для устраненія возможности проявленія административнаго произвола необходимо установленіе и послѣдовательное проведеніе въ жизнь принципа неприкосновенности личности и частнаго жилища. Никто безъ постановленія независимой судебной власти не долженъ быть подвергаемъ взысканію и ограничиваемъ въ своихъ правахъ. Для вышеуказанной цѣли необходимо, кромѣ того, установленіе такого порядка привлеченія къ гражданской и уголовной отвѣтственности должностныхъ лицъ за нарушеніе закона, который обезпечилъ бы практическое осуществленіе начала законности въ управленіи.

6. Для полнаго развитія духовныхъ силъ народа, для всесторонняго выясненія общественныхъ нуждъ и для безпрепятственнаго выраженія общественнаго мнѣнія необходимо обезпеченіе свободы совѣсти и вѣроисповѣданія, свободы слова и печати, а также свободы собраній и союзовъ.

7. Личныя, гражданскія и политическія права всѣхъ гражданъ Россійской Имперіи должны быть равны.

8. Самодѣятельность общества является главнымъ условіемъ правильнаго и успѣшнаго развитія политической и экономической жизни страны. Такъ какъ значительное большинство населенія Россіи принадлежитъ къ крестьянскому сословію, то слѣдуетъ прежде всего поставить это послѣднее въ положеніе, благопріятствующее развитію въ немъ самодѣятельности и энергіи, а это достижимо только путемъ коренного измѣненія нынѣшняго неполноправнаго и приниженнаго состоянія крестьянства. Въ этихъ цѣляхъ необходимо: а) уравнять крестьянъ въ личныхъ правахъ съ лицами другихъ сословій, б) освободить отъ административной опеки сельское населеніе во всѣхъ проявленіяхъ его личной и общественной жизни и в) оградить его правильной формой суда.

9. Земскія и городскія учрежденія, въ которыхъ по преимуществу сосредоточивается мѣстная общественная жизнь, должны быть поставлены въ такія условія, при которыхъ они могли бы съ успѣхомъ выполнять обязанности, присущія правильно и широко поставленнымъ органамъ мѣстнаго самоуправленія; для этого необходимо: а) чтобы земское представительство было организовано не на сословныхъ началахъ и чтобы къ участію въ земскомъ и городскомъ самоуправленіи были привлечены по возможности всѣ наличныя силы мѣстнаго населенія, б) чтобы земскія учрежденія были приближены къ населенію путемъ созданія мелкихъ земскихъ единицъ на началахъ, обезпечивающихъ ихъ дѣйствительную самодѣятельность, в) чтобы кругъ вѣдомства земскихъ и городскихъ учрежденій простирался на всю область мѣстныхъ пользъ и нуждъ и г) чтобы названнымъ учрежденіямъ были предоставлены должныя устойчивость и самодѣятельность, при наличности которыхъ только и возможно правильное развитіе ихъ дѣятельности и созданіе необходимаго взаимодѣйствія правительственныхъ и общественныхъ учрежденій. Мѣстное самоуправленіе должно быть распространено на всѣ части Россійской Имперіи.

10. Мнѣніе большинства.[1]

Но для созданія и сохраненія всегда живого и тѣснаго общенія и единенія государственной власти съ обществомъ на основѣ вышеуказанныхъ началъ и для обезпеченія правильнаго развитія государственной и общественной жизни безусловно необходимо правильное участіе народнаго представительства, какъ особаго выборнаго учрежденія, въ осуществленіе законодательной власти,[3] въ установленіи государственной росписи доходовъ и расходовъ[4] и въ контролѣ за законностью дѣйствій администраціи.[5]

Мнѣніе меньшинства.[2]

Но для созданія и сохраненія всего живого и тѣснаго общенія и единенія государственной власти съ обществомъ на основѣ вышеуказанныхъ началъ и для обезпеченія правильнаго развитія государственной и общественной жизни безусловно необходимо правильное участіе въ законодательствѣ народнаго представительства, какъ особаго выборнаго учрежденія.

---

[1] 71 голосовъ.

[2] 27 голосовъ.

[3] Формула „въ осуществленіи законодательной власти“ принята большинствомъ 60 голосовъ противъ 38.

[4] Формула „въ установленіи государственной росписи“ принята большинствомъ 91 голосовъ противъ 7.

[5] Формула „въ контролѣ за законностью дѣйствій администраціи“ принята большинствомъ 95 голосовъ противъ 3.

11. Въ виду важности и трудности внутренняго и внѣшняго состоянія переживаемаго Россіей, частное Совѣщаніе выражаетъ надежду, что Верховная Власть призоветъ свободно избранныхъ представителей народа, дабы при содѣйствіи ихъ вывести наше отечество на новый путь государственнаго развитія въ духѣ установленія началъ права и взаимодѣйствія государственной власти и народа.

Предсѣдатель Совѣщанія Д. Шиповъ.
Товарищъ предсѣдателя Ив. Петрункевичъ.
Товарищъ предсѣдателя кн. Г. Львовъ.
Секретарь Ф. Кокошкинъ.
Секретарь Л. Брюхатовъ.
Секретарь Ф. Головинъ.

Помимо приведенныхъ въ вышеназванныхъ статьяхъ пунктовъ, состоялись 9-го ноября такого рода постановленія совѣщанія: 1) Совѣщаніе находя, что Положеніе о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія 14 августа 1881 г. является однимъ изъ главныхъ условій, создающихъ почву для административнаго произвола и общественнаго неудовольствія и тѣмъ препятствующихъ взаимному довѣрію и единенію правительства и населенія, признаетъ желательнымъ немедленную отмѣну названнаго Положенія.

2. Имѣя въ виду, что основанная на вышеупомянутомъ Положеніи система административной репрессіи, примѣнявшаяся въ послѣднее время съ особой силой, имѣла своимъ послѣдствіемъ множество жертвъ административнаго произвола, подвергшихся различнымъ карамъ и ограниченіямъ правъ, совѣщаніе считаетъ долгомъ высказаться за необходимость полнаго освобожденія отъ всѣхъ взысканій, наложенныхъ въ административномъ порядкѣ.

3. Вмѣстѣ съ симъ совѣщаніе выражаетъ надежду, что актомъ помилованія по отношенію къ лицамъ, подвергшимся преслѣдованію и наказанію по политическимъ дѣламъ, Верховная Власть внесетъ въ страну умиротвореніе.

Затѣмъ совѣщаніе коснулось дѣла народнаго образованія и постановило:

1. Несоотвѣтствующее потребностямъ страны положеніе народнаго образованія во всѣхъ его отрасляхъ и степеняхъ, по мнѣнію совѣщанія, объясняется стоящимъ въ связи съ общей бюрократической системой отрицательнымъ отношеніемъ правительственныхъ сферъ къ мысли о пользѣ и значеніи всесторонняго умственнаго развитія народа для правильнаго теченія общественной и государственной жизни.

2. Широкое развитіе умственныхъ силъ страны необходимо требуетъ полнаго устраненія преградъ и стѣсненій, которыми нынѣ обставлено дѣло народнаго образованія.

3. Совѣщаніе высказываетъ пожеланіе, чтобы на предстоящихъ очередныхъ губернскихъ земскихъ собраніяхъ былъ подвергнутъ всестороннему разсмотрѣнію вопросъ о положеніи дѣла народнаго образованія на мѣстахъ.

По вопросу о дальнѣйшемъ направленіи заключеній совѣщанія въ засѣданіяхъ 6 и 8 ноября 1904 года постановлено:

1. Представить всѣ заключенія совѣщанія черезъ особую депутацію г. министру внутреннихъ дѣлъ съ просьбой доложить ихъ Его Императорскому Величеству Государю Императору.

2. Выразить пожеланіе, чтобы члены совѣщанія познакомили земскую среду своихъ губерній съ заключеніями совѣщанія и чтобы въ предстоящихъ очередныхъ губернскихъ земскихъ собраніяхъ при обсужденіи текущихъ вопросовъ земской жизни былъ затронутъ, въ томъ объемѣ и въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ это окажется возможнымъ, и вопросъ объ общихъ условіяхъ, необходимыхъ для правильнаго теченія и развитія нашей общественной и государственной жизни.

3. Выразить пожеланіе, чтобы очередныя губернскія земскія собранія возбудили ходатайства о созывѣ выборныхъ представителей земствъ для пересмотра Положенія о земскихъ учрежденіяхъ и для обсужденія общихъ условій земской дѣятельности.

4. Для предварительной разработки вопроса о пересмотрѣ земскаго Положенія образовать особую комиссію въ составѣ всѣхъ членовъ организаціоннаго бюро, а также всѣхъ тѣхъ членовъ совѣщанія, которые заявятъ бюро о своемъ желаніи принять участіе въ работахъ комиссіи.

По вопросу о будущей организаціи частнаго совѣщанія земскихъ дѣятелей въ засѣданіи 8 ноября состоялось слѣдующее постановленіе:

1) Признать, что совѣщаніе въ будущемъ должно состоять: а) изъ всѣхъ выборныхъ предсѣдателей губернскихъ управъ и б) изъ лицъ, избираемыхъ въ количествѣ 4 отъ каждой губерніи частными совѣщаніями губернскихъ гласныхъ.

2. Просить членовъ настоящаго совѣщанія для избранія представителей, указанныхъ въ предыдущемъ пунктѣ, созвать въ подлежащихъ губерніяхъ частныя совѣщанія губернскихъ гласныхъ съ тѣмъ, чтобы на такія совѣщанія приглашались всѣ гласные даннаго губернскаго собранія, но уклоненіе какого бы то ни было числа гласныхъ отъ участія въ совѣщаніи не служило бы препятствіемъ къ производству выборовъ.

3. Признано, что впредь до окончательнаго сформированія совѣщанія на новыхъ началахъ, настоящее совѣщаніе, а равно его организаціонное бюро, сохранятъ свой составъ и устройство, при чемъ составъ бюро пополняется однимъ изъ членовъ бюро С.-Петербургскаго совѣщанія общественныхъ дѣятелей, приглашаемыхъ по соглашенію между обоими бюро.

Изложенными постановленіями, произведшими громадное впечатлѣніе на всю страну, земская партія открыто начала освободительное движеніе, въ которое далѣе мало-по-малу втянуто было уже все населеніе страны. Мы говоримъ «открыто», потому что тайно это движеніе, какъ мы видѣли, никогда не прекращалось, но въ скрытомъ видѣ оно, конечно, не оказывало того вліянія, какое возымѣло, выступивъ на широкій просторъ, занявъ позицію, видимую всѣмъ населеніемъ, заговоривъ громкимъ голосомъ, услышаннымъ отъ края и до края великой Россіи.

Петербургское совѣщаніе закончилось рѣшеніемъ строгаго урегулированія представительства на будущихъ земскихъ съѣздахъ. Было постановлено, чтобы земскія собранія избирали на эти съѣзды по 6 человѣкъ (4 представителя и 2 кандидата, на случай невозможности участвовать кому-либо изъ представителей), при чемъ, если выборы почему-либо въ томъ или иномъ собраніи не состоятся, депутатами считаются участники ноябрьскаго петербургскаго съѣзда отъ данной губерніи; предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ рѣшено было считать непремѣнными членами съѣздовъ; кромѣ того, съѣздъ могъ приглашать тѣхъ лицъ изъ состава бюро петербургскаго съѣзда, присутствіе которыхъ явится желательнымъ.

Между тѣмъ, прекрасно организованный «Союзъ Освобожденія», при посредствѣ своихъ отдѣловъ, быстро оповѣстивъ общество о постановленіяхъ совѣщанія, предложилъ устраивать повсемѣстно банкеты и на нихъ открыто, во всеуслышаніе, провозглашать выработанные «Союзомъ» резолюціи. И вотъ, несмотря на обширность страны, предложеніе совѣта «Союза Освобожденія» было выполнено съ рѣдкою, никогда невиданною въ Россіи быстротою. [1]) Безъ преувеличенія можно сказать, что вдругъ открыто заговорила вся страна, сотни лѣтъ до тѣхъ поръ молчавшая и работавшая для своего освобожденія лишь въ подпольѣ. Явленіе было грандіозное, неповторяемое, которое бываетъ только въ моменты весны свободы, если можно такъ выразиться, когда еще нѣтъ партійной вражды, и всѣ, какъ

[1]) Однимъ изъ доказательствъ отношенія страны къ этому знаменательному открытому выступленію можетъ служить масса адресовъ и привѣтствій полученныхъ совѣщаніемъ.

одинъ человѣкъ, объединяются для достиженія единой цѣли. Сначала откликнулись на призывъ столицы и крупные культурные центры, а затѣмъ волны понеслись далѣе и достигли самыхъ отдаленныхъ медвѣжьихъ угловъ. Первый грандіозный «банкетъ»,—невиданное для Россіи явленіе съ самаго начала ея существованія,—состоялся 20 ноября въ С.-Петербургѣ, въ залѣ Павловой, подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго писателя В. Г. Короленко. Предлогомъ для этого банкета, какъ и для другихъ, явилось 40-лѣтіе судебныхъ уставовъ, а участниками были до 650 литераторовъ, ученыхъ, врачей и другихъ представителей либеральныхъ профессій. Послѣ блестящихъ рѣчей, въ которыхъ охарактеризовано было печальное положеніе суда, «какъ продуктъ общихъ нашихъ политическихъ условій», и выяснена была невозможность улучшенія судебнаго строя внѣ общей коренной государственной реформы, единогласно была принята и всѣми подписана «резолюція [1]) «Союза». Затѣмъ, почти такого же рода «резолюціи» по поводу 40-лѣтія судебныхъ уставовъ были приняты во многихъ городахъ, какъ то: въ Москвѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Саратовѣ, Харьковѣ, Курскѣ, Ростовѣ на Д-ну, Владимірѣ, Воронежѣ, Ярославлѣ, Тамбовѣ, Смоленскѣ, Н.-Новгородѣ и др.

Въ то же время въ чисто земскихъ сферахъ петербургское совѣщаніе земскихъ дѣятелей оказало громадное вліяніе, что и выразилось на земскихъ собраніяхъ въ томъ же 1904 и частью въ 1905 г.

Въ бессарабскомъ губернскомъ земскомъ собраніи гласный К. Ф. Казиміръ заявилъ: «Большинство гласныхъ бессарабскаго губернскаго земства, въ числѣ 25-ти, вполнѣ присоединяясь къ по-

---

[1]) Какъ уже было выше сказано постановленіе Совѣта «Союза Освобожденія» о повсемѣстной организаціи 20 ноября банкетовъ состоялось еще до земскаго съѣзда, при чемъ всѣмъ членамъ «Союза»,—организаторамъ банкетовъ,—рекомендовалось предлагать на банкетахъ проекты резолюцій, которые не выражали бы только «присоединеніе» къ постановленіямъ земскаго съѣзда, а провозглашали конституціонныя и демократическія требованія въ формѣ гораздо болѣе яркой и рѣшительной. Въ резолюціяхъ банкетовъ было выставлено прямое требованіе Учредительнаго Собранія, тогда какъ въ постановленіяхъ земскаго съѣзда, какъ извѣстно, не было произнесено даже самое слово «конституція». Въ Петербургѣ это дѣло было организовано такъ: уже съ 1902 года литераторы собирались по нѣсколько разъ въ годъ на совмѣстные ужины. Собранія эти были правильно организованы: для того, чтобы стать ихъ членомъ, необходимо было подвергнуться баллотировкѣ особаго выборнаго комитета, въ шутку называвшагося комитетомъ «Кулинарнымъ». Иногда эти ужины происходили съ «гостями», и тогда число ихъ участниковъ возрастало до 200 и болѣе. На ужинахъ всегда разбирался какой нибудь животрепещущій общественный или политическій вопросъ, по которому и принимались резолюціи, систематически печатавшіяся въ «Освобожденіи». «Кулинарный комитетъ», число

становленіямъ съѣзда земскихъ дѣятелей, бывшаго въ Петербургѣ 6—9-го ноября сего 1904 года, одобряетъ образъ дѣйствій на этомъ совѣщаніи предсѣдателя бессарабской губернской земской управы, барона А. Ѳ. Стуарта и выражаетъ ему свою благодарность за правильное выраженіе мнѣній и желаній большинства губернскаго собранія». Въ вологодское губернское земское собраніе было внесено нижеслѣдующее обширное и обстоятельное заявленіе 14-ти гласныхъ, въ которомъ между прочимъ говорилось:

«Земскіе люди, собравшіеся 6—9 ноября въ Петербургѣ, прямо и откровенно высказали свое мнѣніе о причинахъ внутренняго неустройства и заявили, что безъ коренного измѣненія всего государственнаго строя, безъ постояннаго участія народныхъ представителей въ законодательствѣ и управленіи совершенно невозможно правильное теченіе общественной жизни, невозможно ни умственное, ни нравственное, ни матеріальное развитіе населенія, что дальнѣйшее существованіе такого порядка, основаннаго на безправіи личности и общества, должно вести страну къ застою и гибели. Пожеланія, высказанныя земскими дѣятелями, вызвали громадное сочувствіе въ печати и обществѣ, выразившееся въ массѣ адресовъ, сочувственныхъ статей и резолюцій, принятыхъ въ большомъ числѣ въ земскихъ, городскихъ и всевозможныхъ другихъ общественныхъ собраніяхъ и въ рядѣ манифестацій, и такимъ образомъ стало ясно, что эти пожеланія раздѣляются всею мыслящею Россіею».

Воронежское губерское земское собраніе въ адресѣ на Высочайшее имя, принятомъ въ засѣданіи 13 января 1905 года, большин-

---

членовъ котораго достигало до 10, состоялъ почти поголовно изъ «освобожденцевъ». Вотъ этотъ-то Комитетъ, въ составъ котораго входили и нѣкоторые члены Совѣта «Союза Освобожденія» и взялъ на себя иниціативу устройства банкета 20 ноября. Сдѣлать это ему было нетрудно, такъ какъ банкетъ 20 ноября по формѣ являлся лишь однимъ изъ «ужиновъ съ гостями», но только устроеннымъ при наиболѣе торжественной обстановкѣ. Комитетъ былъ для этого усиленъ представителями адвокатуры, профессуры и пр. Тутъ былъ намѣченъ предсѣдателемъ банкета В. Г. Короленко, установлена очередь для рѣчей, также намѣченныхъ, и—изъявившихъ на то свое согласіе ораторовъ, выработанъ проектъ резолюціи (которая безъ всякихъ измѣненій и была принята банкетомъ), заготовлены особые картонные листы, на которыхъ участники банкета должны были дать свои подписи подъ резолюціей, словомъ, дѣло это было правильно организовано, именно въ томъ духѣ, въ которомъ это было рѣшено постановленіемъ Совѣта «Союза Освобожденія». Примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ, но совершенно въ духѣ постановленія Совѣта, такіе же банкеты были организованы освобожденцами въ Москвѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Саратовѣ и рядѣ другихъ городовъ.

ствомъ 49 голосовъ противъ 3-хъ, между прочимъ говорило, что собраніе твердо вѣритъ, что лишь немедленный призывъ «свободно избранныхъ представителей всего народа для разработки реформъ, направленныхъ къ устраненію существующаго произвола и безотвѣтственности администраціи и къ водворенію господства права въ нашемъ отечествѣ можетъ внести надлежащее успокоеніе и устранить распространеніе по всей Россіи же кровавыхъ событій, а также установить на незыблемыхъ основаніяхъ тѣ правовые устои, при которыхъ только возможны преуспѣяніе и дальнѣйшее развитіе дорогого нашего отечества».

Вятское губернское земское собраніе, заслушавъ словесный докладъ предсѣдателя губернской земской управы Л. В. Юмашева, о поѣздкѣ въ С.-Петербургъ на частное совѣщаніе и ознакомившись съ выработанными тамъ пунктами резолюціи, большинствомъ 39 голосовъ противъ 4-хъ, присоединились къ ней.

Екатеринославское губернское земское собраніе въ ходатайствѣ на имя министра внутреннихъ дѣлъ князя Святополка-Мирскаго также говорило о призывѣ «свободно избранныхъ представителей земли для постояннаго участія ихъ въ разработкѣ законоположеній» и «въ разсмотрѣніи всѣхъ вообще законовъ въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ».

Казанское губернское земское собраніе въ такомъ же ходатайствѣ выражало надежду, что, при изысканіи способовъ проведенія въ жизнь правовыхъ началъ, «не будутъ лишены голоса свободно выбранные для этой цѣли представители земствъ».

Калужское губернское земское собраніе, въ адресѣ на Высочайшее имя, указывало, что «искренне лишь свободное слово, производителенъ лишь трудъ равноправныхъ и лично неприкосновенныхъ гражданъ, чиста лишь свободная совѣсть и горяча молитва въ открытыхъ храмахъ всѣхъ вѣроисповѣданій». Средствомъ для выхода изъ такого положенія Костромское собраніе считало—призывъ «къ постоянному участію въ осуществленіи законодательной власти свободно избранныхъ представителей страны».

Въ Москвѣ на призывъ земскаго совѣщанія откликнулись и земское собраніе, и городская Дума.

Въ адресѣ, предложенномъ управою и принятомъ собраніемъ выражена надежда, что Верховная Власть «призоветъ свободно избранныхъ представителей всей земли Русской къ участію въ законодательствѣ, дабы при содѣйствіи ихъ упрочить могущество государства, величіе престола и процвѣтанія родины на незыблемыхъ началахъ законности, личной неприкосновенности и равноправности

всѣхъ гражданъ, свободы слова и вѣроисповѣданія». Въ Московской городской Думѣ 74 гласными сдѣлано было заявленіе, единогласно принятое Думою, въ которомъ предлагалось: 1) установить огражденіе личности отъ внѣсудебнаго усмотрѣнія, 2) отмѣнить дѣйствія исключительныхъ законовъ, 3) обезпечить свободу совѣсти и вѣроисповѣданія, свободу слова и печати, свободу собраній и союзовъ, 4) провести вышеуказанныя начала въ жизнь на обезпечивающихъ ихъ неизмѣнность незыблемыхъ основахъ, выработанныхъ при участіи свободно избранныхъ представителей населенія, 5) установить правильное взаимодѣйствіе правительственной дѣятельности съ постояннымъ, на законѣ основанномъ, контролемъ общественныхъ силъ надъ законностью дѣйствій администраціи».

Въ нижегородское губернское земское собраніе было внесено заявленіе губернской управы и 18-ти гласныхъ, въ которомъ указывалось, что «для обезпеченія правильнаго развитія государственной и общественной жизни безусловно необходимо правильное участіе въ законодательствѣ народнаго представительства, какъ особо-выборнаго учрежденія».

Новгородское губернское земское собраніе въ частномъ совѣщаніи своемъ, избравъ предсѣдателемъ губернскаго предводителя дворянства, 10 января 1905 г., выработало резолюцію, подписанную 50-ью гласными, которое заканчивалось такъ:

«Всей душой желая мирной эволюціи политической и экономической жизни Россіи, Новгородскіе губернскіе гласные, повинуясь велѣніямъ своей совѣсти и долгу передъ родиной, признаютъ неотложнымъ созывъ свободно избранныхъ представителей народа, дабы при содѣйствіи ихъ вывести наше отечество на путь спокойнаго государственнаго развитія въ духѣ началъ права и взаимодѣйствія государственной власти и народа».

Въ Полтавскомъ земскомъ адресѣ говорилось, что «только свободное развитіе, широкая дѣятельность общественныхъ учрежденій и правильное участіе народныхъ представителей, какъ особо выборнаго учрежденія, въ осуществленіи законодательной власти, въ установленіи росписи доходовъ и расходовъ и въ контролѣ за законностью дѣйствій администраціи — дадутъ устойчивость внутренней жизни Россіи».

Въ Псковскомъ земскомъ адресѣ точно также указывалось, что «только свободно избранные представители могутъ дать вѣрный и правдивый отвѣтъ» относительно того пути, по которому долженъ итти народъ, чтобы выбраться «изъ тяжелаго и опаснаго положенія, которое нынѣ переживаетъ наша дорогая родина».

Рязанское губернское земское собраніе въ адресѣ своемъ выражало надежду, что общественная жизнь получитъ правильное и законодательное теченіе «при дальнѣйшемъ развитіи самодѣятельности земства, при неприкосновенности личности, свободы совѣсти и слова».

Въ Самарскомъ адресѣ, между прочимъ, говорилось:

«Успѣшное выполненіе благихъ предначертаній Вашего Величества и удовлетвореніе другихъ нуждъ не можетъ быть проведено въ жизнь, пока между Царемъ и Его народомъ стоитъ преграда, недопускающая до Царя свободнаго и правдиваго голоса народа и отстраняющая его отъ возможности непосредственно знать истинную волю Царя. Вѣковая преграда эта въ лицѣ самовластной бюрократіи скрываетъ отъ Царя вопіющія нужды народныя и препятствуетъ свободному развитію страны. Государь, призовите Державной Волей Вашей свободно избранныхъ представителей земли Русской и они скажутъ Вамъ о великихъ нуждахъ страны».

Саратовское губернское земское собраніе, въ первомъ засѣданіи своемъ 9-го января 1905 г., заслушавъ сообщеніе предсѣдателя управы о необходимости, въ виду крайней напряженности переживаемаго Россіею момента, отозваться на вопросы о коренныхъ нуждахъ русскаго общества,—постановило избрать для обсужденія ихъ комиссію, куда пригласить всѣхъ гласныхъ, желающихъ принять въ ней участіе. Вечеромъ въ тотъ же день состоялось засѣданіе этой комиссіи, при участіи почти всего состава губернскаго земскаго собранія. Ею заслушаны были постановленія с.-петербургскаго земскаго совѣщанія, адреса и резолюціи, поданные управѣ отъ саратовскихъ рабочихъ (975 подписей), плательщиковъ, избирателей и городскихъ жителей г. Саратова и Саратовской губерніи (2.327 подписей), отъ учредительнаго собранія Саратовскаго педагогическаго общества (575 подписей), отъ женщинъ г. Саратова (600 подписей), телеграммы отъ гласныхъ, не прибывшихъ въ собраніе. Послѣ этого комиссія приступила къ обсужденію постановленій с.-петербургскаго совѣщанія, и былъ выработанъ слѣдующій проектъ, имѣющій быть внесеннымъ на утвержденіе губернскаго земскаго собранія: «Саратовское губернское земское собраніе, въ засѣданіи 10 января 1905 года, заслушавъ докладъ о происходившемъ 6—9 ноября 1904 г. въ С.-Петербургѣ совѣщаніи земскихъ дѣятелей постановило:

1) Одобрить образъ дѣйствій предсѣдателя губернской управы, какъ одного изъ участниковъ съѣзда и какъ выразителя желаній, вполнѣ согласныхъ съ общимъ мнѣніемъ саратовскаго земства.

2) Присоединиться къ мнѣнію земскихъ дѣятелей, выраженному

въ постановленіяхъ 6—9 ноября съ добавленіемъ къ 6-му пункту словъ: «свободы науки и ея преподаванія и свободы стачекъ».

3) Лишь постоянное и правильное народное представительство,— на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого избирательнаго права, съ тайной подачей голосовъ,—дастъ странѣ столь необходимый ей внутренній миръ и возможность развить всѣ великія духовныя и матеріальныя силы народа.

Въ Симбирское губернское земское собраніе было представлено нижеслѣдующее «особое мнѣніе» 16-ти гласныхъ:

«Всю жизнь насъ заставляли молчать, повиноваться и не разсуждать. Въ каждой нашей новой мысли и даже словѣ администраторы усматривали какіе-то красные призраки, грозящіе нарушить устои государства. Сорокъ лѣтъ мы только и твердили, что все обстоитъ благополучно и до того свыклись съ этою мыслью, что всякое иное выраженіе мысли считалось чуть-ли не государственнымъ преступленіемъ. Вотъ это-то рабски приниженное состояніе населенія и довело Россію до того кризиса, изъ котораго полумѣрами и паллiативами ее нельзя вывести. Страна на пути полнаго обнищанія и разоренія.

Въ настоящей исторической важности моментъ преступно закрывать глаза передъ грозящей странѣ опасностью и не сказать, что лишь свободно выбранные представители народа могутъ найти выходъ изъ того тяжелаго положенія въ которомъ находится въ настоящее время Россія».

Въ смоленскомъ адресѣ, подписаннымъ 46 гласными губернскаго земства, между прочимъ, говорилось, что:

«Тяготы народной жизни непрестанно возрастаютъ при отсутствіи личной неприкосновенности, свободы слова и духа во всѣхъ сферахъ его проявленія и при стѣсненіи творческой дѣятельности общественныхъ силъ. Населеніе, не принимая участія черезъ своихъ избранныхъ людей въ законодательныхъ трудахъ и въ дѣлахъ государственнаго устроенія, терпитъ отъ законовъ, не согласованныхъ съ истинными потребностями страны, отъ неправильной системы финансовой политики и отъ административнаго произвола. Оскудѣваетъ вѣра въ возможность общественнаго служенія и гаснетъ голосъ правды; много лучшихъ общественныхъ силъ остается въ сторонѣ отъ работы въ пользу родины».

Заканчивался адресъ указаніемъ на необходимость «созвать свободно избранныхъ представителей страны».

Но предсѣдатель собранія не допустилъ не только баллотировки, но и оглашеніе этого адреса. Тогда, вечеромъ въ тотъ же

день, 10 декабря 1904 г., собравшееся частное совѣщаніе гласныхъ, въ числѣ 28-ми, составило особое постановленіе и за своими подписями отправило его министру внутреннихъ дѣлъ. Въ этомъ постановленіи излагалось то же самое, что и въ адресѣ.

Въ адресѣ таврическаго губернскаго земскаго собранія говорилось, что выполненіе предначертаній Государя и охраненіе ихъ въ полной неприкосновенности «возможно лишь при участіи въ осуществленіи законодательной власти свободно избранныхъ представителей всего народа».

Указывалось на необходимость «призвать свободно избранныхъ представителей Русской земли къ участію въ осуществленіи законодательной власти» и въ адресѣ, составленнымъ комиссіей тамбовскаго губернскаго земскаго собранія, но предсѣдатель не разрѣшалъ не только обсуждать, но и огласить его содержаніе.

Тогда комиссія и отдѣльно 21 гласный опротестовали дѣйствіе предсѣдателя собранія. Въ этомъ протестѣ изложили основныя положенія адреса и просили все это внести въ журналъ засѣданія, какъ приложеніе.

Не разрѣшилъ оглашенія адреса и предсѣдатель тульскаго губернскаго земскаго собранія: проектъ этого адреса шелъ отъ большинства (31-го) гласныхъ и въ немъ, какъ и въ другихъ адресахъ, возлагалась надежда на призывъ къ участію въ законодательствѣ «свободно избранныхъ представителей страны».

Въ адресѣ уфимскаго губернскаго земскаго собранія, между прочимъ, говорилось, что «законность, расширеніе предѣловъ вѣдомствъ общественныхъ учрежденій и ихъ самостоятельность, судъ независимый, правый и равный для всѣхъ, равенство всѣхъ передъ закономъ, дѣйствительная отвѣтственность должностныхъ лицъ, вѣротерпимость, свобода слова и печати, уравненіе въ правахъ съ кореннымъ населеніемъ Россіи инородцевъ, отмѣна положенія объ усиленной охранѣ— все это части того незыблемаго фундамента, на которомъ только и возможно сохранить прочность государственнаго зданія... Уфимское губернское земство твердо надѣется, что къ предстоящей законодательной работѣ будуть призваны свободно избранные представители народа. Постоянное и правильное участіе народныхъ избранниковъ въ законодательствѣ гарантируетъ незыблемость закона, внесетъ умиротвореніе въ государство, а въ расходованіе народнаго достоянія— большую осмотрительность и цѣлесообразность.

Въ адресѣ харьковскаго губернскаго земскаго собранія, принятомъ 66 голосами противъ 4-хъ, между прочимъ, говорилось:

«Государь, пока не поздно еще, отвратите эти бѣдствія отъ

отечества: три вѣка тому назадъ уполномоченные выборные земли вывели Россію изъ смутной эпохи на великій историческій путь, избравъ на царство державнаго Предка Вашего и призвавъ къ правленію династію Романовыхъ. Государь, еще великъ и силенъ русскій народъ, выслушайте его черезъ посредство избранныхъ имъ представителей, призовите ихъ къ участію въ осуществленіи законодательной власти. Государь, еще мощна и незыблема державная Ваша власть, не опасайтесь умалить ее предоставленіемъ законныхъ гарантій Вашимъ подданнымъ, оградите ихъ личность и жилища отъ административнаго насилія и произвола, не дозволяйте заглушать въ общественныхъ собраніяхъ, на академической каѳедрѣ или въ печати то искреннее свободное слово, въ которомъ должны постоянно выражаться и доходить до Престола Вашего неподдѣльныя мысль и чувство Вашего народа, дозвольте всѣмъ Вашимъ подданнымъ, не насилуя совѣсти своей, по обрядамъ своей вѣры молиться о благѣ отечества и Царственной семьи Вашей. Государь, создайте изъ Россіи царство свободныхъ и полноправныхъ гражданъ».

Черниговское губернское земское собраніе въ адресѣ своемъ, между прочимъ, писало:

«Черниговское губернское земское собраніе, пребывая въ твердомъ убѣжденіи, что водвореніе въ странѣ порядка, права и правды можетъ быть достигнуто единственно установленіемъ тѣснаго общенія Верховной Власти съ народомъ, всеподданнѣйше проситъ Ваше величество услышать искреннее и правдивое слово Русской земли, для чего призвать свободно избранныхъ представителей земства и повелѣть имъ независимо и самостоятельно начертать проектъ реформъ, отвѣчающихъ столь близко имъ извѣстнымъ основнымъ нуждамъ русскаго населенія, и проектъ этотъ дозволить непосредственно представить Вашему Величеству» [1]).

Наконецъ, въ ярославскомъ адресѣ выражалась увѣренность, что будутъ призваны выборные представители «къ общей работѣ на началахъ права и справедливости, — сближеніе Царя съ Его народомъ,

---

[1]) 6 декабря предсѣдатель черниговскаго земскаго губернскаго собранія, предводитель дворянства Мухановъ представилъ Его Императорскому Величеству по телеграфу означенное ходатайство. На этой телеграммѣ Государемъ сдѣлана была надпись: «Нахожу поступокъ предсѣдателя черниговскаго губернскаго земскаго собранія дерзкимъ и безтактнымъ. Заниматься вопросами государственнаго управленія не дѣло земскихъ собраній, кругъ дѣятельности и правъ которыхъ ясно очерченъ закономъ». 27 декабря Мухановъ вышелъ въ отставку. Тоже сдѣлалъ и предсѣдатель черниговской губернской земской управы Свѣчинъ.

объединеннымъ свободой слова и вѣроисповѣданій большею равноправностью и личной неприкосновенностью» [1]).

Если мы припомнимъ теперь адреса и привѣтствія, полученныя петербургскимъ земскимъ совѣщаніемъ со всѣхъ частей Россіи и отъ различныхъ организацій, то не остается никакого сомнѣнія, что открытое выступленіе земцевъ 6—9 ноября 1904 года взволновало рѣшительно всю страну, и она, слѣдуя примѣру земцевъ, точно также открыто поддержала послѣднихъ, громогласно выставивъ чисто парламентарныя требованія.

Что же дѣлало правительство? Какъ реагировало оно на совершенно мирныя конституціонныя требованія, предъявленныя страною?

Его дѣятельность, съ одной стороны, напоминала неопытнаго кучера, который, то разгонитъ лошадей, то вдругъ на всемъ скаку ихъ останавливаетъ, а съ другой,—растерянность.

Въ самомъ дѣлѣ, совѣщаніе земскихъ и городскихъ дѣятелей 6—9 ноября, хотя и безъ разрѣшенія, хотя происходило не публично, но, какъ мы уже знаемъ, превосходно было извѣстно правительству. Между тѣмъ, на земскихъ собраніяхъ сплошь и рядомъ ставились преграды не только для принятія этихъ резолюцій, но не дозволялось упоминать о самомъ совѣщаніи, вслѣдствіе чего приходилось, устраивать «частныя» засѣданія, выступать отдѣльнымъ гласнымъ и т. д. А въ то же время на многолюдныхъ банкетахъ почти безпрепятственно утверждались резолюціи гораздо болѣе рѣшительныя, а также происходило «присоединеніе» къ совѣщанію земскихъ и городскихъ дѣятелей. Но верхомъ изумленія всей страны было опубликованіе 12 декабря двухъ совершенно уничтожающихъ одинъ другого актовъ. Это именно: 1) Высочайшій указъ, данный правительствующему сенату 12 декабря 1904 года и 2) правительственное сообщеніе, помѣченное тѣмъ же числомъ.

Въ первомъ изъ нихъ, между прочимъ. говорилось:

«По священнымъ завѣтамъ Вѣнценосныхъ предковъ Нашихъ, непрестанно помышляя о благѣ ввѣренной Намъ Богомъ Державы, Мы, при непремѣнномъ сохраненіи незыблемости основныхъ законовъ Имперіи, полагаемъ задачу правленія въ неусыпной заботливости о потребностяхъ страны, различая все дѣйствительно соотвѣтствующее интересамъ народа отъ нерѣдко ошибочными и преходящими об-

---

[1]) Но самое знаменитое собраніе въ то время, несомнѣнно, было Тверское. Къ сожалѣнію, стенографическіе отчеты о засѣданіяхъ 30 января, 2, 4, 7, 9 февраля и 7 и 8 іюня 1905 года такъ обширны, что мы не имѣемъ возможности привести ихъ въ этомъ сокращенномъ изложеніи земскаго освободительнаго движенія.

стоятельствами навѣянныхъ стремленій. Когда же потребность той или другой перемѣны оказывается назрѣвшею, то къ совершенію ея Мы считаемъ необходимымъ приступить, хотя бы намѣченное преобразованіе вызывало внесеніе въ законодательство существенныхъ нововведеній».

А въ правительственномъ сообщеніи, которое въ газетахъ печаталось рядомъ съ «указомъ», въ то же время говорилось между прочимъ:

«Осенью текущаго года въ Петербургѣ происходили собранія нѣкоторыхъ гласныхъ разныхъ губернскихъ земствъ, выразившія рядъ пожеланій о необходимости, по мнѣнію участниковъ ихъ, реформъ внутренняго управленія Имперіей. Пожеланія эти сдѣлались предметомъ обсужденія печати, различныхъ созывавшихся для сего или по инымъ поводамъ собраній, а также, вопреки требованіямъ закона, обсуждались въ засѣданіяхъ нѣкоторыхъ городскихъ думъ и земскихъ собраній. Земскія и городскія управленія и всякаго рода учрежденія и общества обязаны не выходить изъ предѣловъ предоставленныхъ ихъ вѣдѣнію и не касаться тѣхъ вопросовъ, на обсужденіе которыхъ они не имѣютъ законнаго полномочія; предсѣдатели же общественныхъ собраній, за допущеніе въ нихъ обсужденія, не относящихся къ ихъ вѣдѣнію вопросовъ общегосударственнаго свойства, подлежатъ отвѣтственности на основаніи дѣйствующихъ законовъ. Органы печати, при трезвомъ отношеніи къ текущимъ событіямъ и при сознаніи лежащей на нихъ отвѣтственности, должны, съ своей стороны, внести необходимое успокоеніе въ общественную жизнь, уклонившуюся въ послѣднее время отъ правильнаго теченія».

Вслѣдъ за этимъ начались уже почти систематическія репрессіи. И это въ разгарѣ того момента, когда чуть не вся страна была объята страстнымъ стремленіемъ къ избавленію отъ полицейско-бюрократическаго режима! Что должно было получиться отъ шлюза, поставленнаго противъ широкаго и глубокаго, хотя еще совершенно мирнаго, въ смыслѣ требованій и пожеланій, освободительнаго теченія? Конечно, напоръ этого теченія неминуемо долженъ былъ уничтожить этотъ шлюзъ и вырваться уже, въ видѣ бурнаго, неудержимаго потока.

Такъ оно и случилось въ 1905 году.

X.

1905 годъ.

Начало 1905 года ознаменовалось извѣстнымъ кровопролитіемъ въ Петербургѣ 9-го января. Событіе это произвело колоссальное впечатлѣніе во всей Россіи. Возбужденіе принимало весьма значительные размѣры.

18 февраля 1905 г. опубликованъ былъ Высочайшій указъ Сенату:

«Въ неустанномъ попеченіи объ усовершенствованіи государственнаго благоустройства и улучшеніи народнаго благосостоянія Имперіи признали Мы за благо облегчить всѣмъ Нашимъ вѣрноподданнымъ, радѣющимъ объ общей пользѣ и нуждахъ государственныхъ, возможность непосредственно быть Нами услышанными. Въ виду сего повелѣваемъ возложить на состоящій подъ предсѣдательствомъ Нашимъ совѣтъ министровъ, сверхъ дѣлъ, ему нынѣ подвѣдомственныхъ, разсмотрѣніе и обсужденіе поступающихъ на Имя Наше отъ частныхъ лицъ и учрежденій видовъ и предположеній по вопросамъ, касающимся усовершенствованія государственнаго благоустройства и улучшенія народнаго благосостоянія».

Въ тотъ же самый день опубликованъ былъ и Высочайшій рескриптъ, данный на имя министра внутреннихъ дѣлъ, гофмейстера А. Г. Булыгина, смѣнившаго Святополкъ-Мирскаго.

Въ названномъ рескриптѣ говорилось между прочимъ:

«Преемственно продолжая царственное дѣло вѣнценосныхъ предковъ Моихъ—собираніе и устроеніе земли Русской, Я вознамѣрился отнынѣ съ Божьею помощью привлекать достойнѣйшихъ довѣріемъ народа облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія людей къ участію въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній. И нынѣ, предпринимая сіе преобразованіе, увѣренный, что знаніе мѣстныхъ потребностей, жизненный опытъ и разумное откровенное слово лучшихъ выборныхъ людей обезпечитъ плодотворность законодательныхъ работъ на истинную пользу народа, Я вмѣстѣ съ тѣмъ предвижу всю сложность и трудность проведенія сего преобразованія въ жизнь при непремѣнномъ сохраненіи

незыблемости основныхъ законовъ Имперіи. А посему, хорошо зная многолѣтнюю административную Вашу опытность и цѣня спокойную увѣренность характера Вашего, Я признаю за благо учредить подъ Вашимъ предсѣдательствованіемъ особое совѣщаніе для обсужденія путей осуществленія сей Моей воли. Да благословитъ Господь сіе благое начинаніе Мое и да поможетъ вамъ исполнить оное успѣшно на благо Богомъ ввѣреннаго Мнѣ народа».

Такимъ образомъ создавалось учрежденіе только законосовѣщательное, т.-е. такое, которое не могло удовлетворить общество.

Много большее значеніе имѣлъ указъ на имя сената, такъ какъ онъ, казалось, разрѣшалъ до нѣкоторой степени свободу слова, а слѣдовательно давалъ возможность открытаго обсужденія и рескрипта на имя Булыгина. Но бюрократія постаралась немедленно умалить значеніе этого акта. Министръ внутреннихъ дѣлъ разослалъ губернаторамъ такого рода секретный циркуляръ, который сталъ извѣстенъ обществу только въ апрѣлѣ 1905 года. Въ немъ, между прочимъ, говорилось:

«Основной смыслъ и значеніе Высочайшаго указа Правительствующему Сенату отъ 18 февраля сего года, какъ это ясно выражено въ послѣдовавшихъ одновременно съ нимъ Высочайшемъ манифестѣ и Всемилостивѣйшемъ рескриптѣ на имя министра внутреннихъ дѣлъ, состоитъ въ томъ, чтобы откровенное слово благомыслящихъ людей всѣхъ сословій и состояній обезпечило плодотворность предстоящихъ законодательныхъ работъ на истинную пользу народа. Не отмѣняя дѣйствующихъ законовъ и лишь даруя въ дополненіе къ нимъ рядъ существенныхъ облегченій, Именной указъ отъ 18-го февраля сего года вмѣстѣ съ тѣмъ не можетъ быть толкуемъ, какъ основаніе для земскихъ и городскихъ учрежденій, а равно и для различныхъ Обществъ возбуждать какія-либо ходатайства по предметамъ, непосредственно до нихъ вѣдѣнія не относящимся...

«Не препятствуя существующимъ общественнымъ и сословнымъ учрежденіямъ, а равно и обществамъ, дѣйствующимъ на основаніи уставовъ, подлежащею властью утвержденныхъ, подвергать своему обсужденію и предположеніе по вопросамъ, касающимся усовершенствованія государственнаго благоустройства и улучшенія народнаго благосостоянія, надлежитъ вмѣстѣ съ тѣмъ имѣть наблюденіе, чтобы обсужденіе это, ни въ чемъ не противорѣча началу незыблемости основныхъ законовъ Имперіи...

«Сообразно сего въ занятіяхъ земскихъ, городскихъ, сословныхъ и другихъ учрежденій могутъ принимать участіе лишь лица, входящія въ составъ означенныхъ учрежденій, а не должно быть допускаемо, какъ это имѣло мѣсто въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, приглашеніе къ участію въ обсужденіи означенныхъ вопросовъ разныхъ постороннихъ лицъ и даже всѣхъ желающихъ. Предсѣдательствующіе въ засѣданіе сихъ учрежденій не имѣютъ права допускать разсмотрѣніе вопросовъ, по содержанію своему не соотвѣтствующихъ предуказаннымъ съ высоты Престола преобразованіямъ, а тѣмъ болѣе стремящихся подорвать силу и значеніе основныхъ законовъ Имперіи. Въ случаѣ нарушенія предсѣдательствующими своихъ въ этомъ смыслѣ обязанностей, они неукоснительно должны быть привлекаемы къ законной отвѣтственности».

Нужно ли говорить, что приведенный циркуляръ министра, который строго сталъ примѣняться, съ одной стороны, совершенно дискредитировалъ «булыгинскую конституцію», а съ другой—повлекъ за собой рядъ жестокихъ конфликтовъ, такъ какъ члены обществъ и различныя организаціи, не взирая на правительственные приказы, продолжали собираться, совѣщаться и выносить резолюціи, шедшія совершенно вразрѣзъ съ требованіями циркуляровъ.

Такъ, 12 марта 1905 года была опубликована записка собравшихся въ Петербургѣ дѣятелей по народному образованію, въ которой народные учителя, учительницы и лица, близко стоящія къ дѣлу просвѣщенія народа, требовали:

«1) полной гарантіи неприкосновенности личности и жилища, 2) свободы совѣсти, слова, печати, сходокъ, собраній и союзовъ. Самой насущной потребностью настоящаго момента является созывъ народнаго собранія на основѣ всеобщаго, прямого, тайнаго и равнаго избирательнаго права, безъ различія пола, національности и вѣроисповѣданія, при условіи немедленной отмѣны положенія объ усиленной охранѣ и амнистіи, пострадавшимъ за политическія и религіозныя убѣжденія».

Записка эта принята была и подписана 256 учителями и другими дѣятелями по народному образованію, но затѣмъ къ ней стали присоединяться еще новыя лица и уже 27 марта подъ запиской было 400 подписей. Въ апрѣлѣ 1905 г. въ Москвѣ, на состоявшемся частномъ съѣздѣ педагоговъ и дѣятелей по народному образованію, на которомъ участвовали представители 30 губерній, были выработаны основанія и проектъ всероссійскаго учительскаго союза, имѣвшаго не только профессіональныя, но и политическія цѣли.

На съѣздѣ журналистовъ столичныхъ и провинціальныхъ органовъ, состоявшемся 3—4 марта 1905 года, въ Петербургѣ и на бывшемъ одновременно съѣздѣ присяжныхъ повѣренныхъ и инженеровъ было заявлено о необходимости созыва представителей на основаніи всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія, о свободахъ и т. д.

20-го марта осуществилось въ Москвѣ «холерное» засѣданіе Пироговскаго общества, не разрѣшенное 19-го марта. Когда градоначальникъ предъявилъ бумагу, что:

«Товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, завѣдующій полиціей, свиты Его Величества генералъ-маіоръ Рыдзевскій, въ виду полученныхъ у него свѣдѣній о томъ, что устроители назначеннаго на 21—24 марта въ Москвѣ правленіемъ этого Общества съѣзда врачей для выработки мѣръ борьбы съ холерой намѣреваются воспользоваться таковымъ для производства противоправительственныхъ демонстрацій и произнесенія ряда рѣчей недопустительнаго содержанія, сообщилъ мнѣ, что означенный съѣздъ разрѣшенъ быть не можетъ»,—врачи послали телеграмму министру внутреннихъ дѣлъ, который и разрѣшилъ съѣздъ. Послѣднимъ приняты были политическія резолюціи, требовавшія созыва выборныхъ представителей на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія, осуществленія свободъ и т. д. По этому поводу были запрещены 2 книжки «журнала» Общества, и возникло цѣлое дѣло, прекращенное, впрочемъ, въ слѣдующемъ году.

Съѣздъ агрономовъ, статистиковъ и другихъ дѣятелей экономической помощи населенію, состоявшійся 25—28 марта 1905 года, при обсужденіи условій своей дѣятельности, прежде всего пришелъ къ заключенію, что ихъ работа не можетъ быть нормально направлена при настоящихъ условіяхъ общественно-политическаго и хозяйственнаго состоянія страны.

Съѣздъ полагаетъ необходимымъ:

1) Замѣну самодержавнаго бюрократическаго режима свободно-демократическимъ строемъ, для каковой цѣли необходима немедленная организація учредительнаго собранія на основаніи всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія, безъ ограниченія пола, національности и вѣроисповѣданія.

2) При немедленномъ уничтоженіи положенія объ усиленной охранѣ — полную неприкосновенность личности и частнаго жилища, свободу слова, печати, вѣроисповѣданій, передвиженій, собраній, союзовъ, стачекъ и освобожденіе всѣхъ пострадавшихъ за политическія и религіозныя убѣжденія, — при каковомъ условіи единственно воз-

можно правильное представительство всего народа въ учредительномъ собраніи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ съѣздъ высказываетъ увѣренность, что все русское общество въ настоящее время не можетъ возлагать никакихъ надеждъ на работающія нынѣ различныя правительственныя комиссіи.

Въ цѣляхъ проведенія въ жизнь программы, изложенной въ настоящей резолюціи, и активнаго участія въ происходящемъ народномъ движеніи за политическое освобожденіе и экономическія реформы, съѣздъ призналъ необходимымъ организовать союзъ агрономовъ, статистиковъ и другихъ дѣятелей экономической помощи населенію.

Въ Москвѣ, въ первой половинѣ мая 1905 г., 14 делегатовъ отъ различныхъ союзовъ образовали объединенную организацію союзовъ, подъ названіемъ «Союзъ Союзовъ», куда вошли, между прочимъ,—земскіе дѣятели, доктора, фармацевты, адвокаты, журналисты, инженеры, ветеринары, педагоги, профессора, женщины, агрономы, бухгалтеры, конторщики, евреи, желѣзнодорожники.

Приведенныхъ данныхъ достаточно, чтобы видѣть, что, какъ мы сказали, общество игнорировало запрещенія правительства. Земцы тѣмъ болѣе, продолжали дѣлать то, что они находили нужнымъ, не обращая вниманія на бюрократическіе приказы.

Къ концѣ февраля 1905 года въ Москвѣ происходили совѣщанія конституціонной группы земскихъ дѣятелей, съѣхавшихся въ Москву изъ разныхъ мѣстностей Россіи. Тогда же происходили совѣщанія и городскихъ дѣятелей [1]). На земскихъ совѣщаніяхъ обсуждался прежде всего вопросъ о предстоящей организаціи народнаго представительства, и было признано, что оно должно быть организовано на началахъ всеобщаго, равнаго, тайнаго и прямого избирательнаго права, при двухпалатной системѣ, при чемъ вторая палата состояла бы изъ представителей реформированныхъ земскихъ и городскихъ учрежденій. Меньшинство высказалось за двухстепенные выборы, признавая, однако, въ остальныхъ частяхъ формулу, принятую собраніемъ. Оживленныя пренія вызвали вопросы объ отношеніи къ совѣщанію, образованному на основаніи Высочайшаго рескрипта 18 февраля подъ предсѣдательствомъ министра внутреннихъ дѣлъ А. Г. Булыгина. Собраніе пришло къ заключенію, что участіе въ

[1]) Результатомъ этого совѣщанія были энергичныя петиціи нѣкоторыхъ городскихъ думъ, не только требовавшихъ всеобщаго (равнаго, прямого и тайнаго) голосованія, но даже и учредительнаго собранія. Наиболѣе крайне были настроены города Кавказа.

этомъ совѣщаніи выборныхъ отъ земства и представителей существующихъ общественныхъ учрежденій и прежде всего значительныхъ городовъ необходимо для правильнаго освѣщенія и разрѣшенія задачи совѣщанія; въ виду этого значительное большинство присутствовавшихъ примкнуло къ мысли обратиться съ соотвѣтствующей петиціей въ совѣтъ министровъ на основаніи указа Сенату 18-го февраля. Н.. нецъ серьезное вниманіе земскихъ дѣятелей остановилъ на себѣ аграрный вопросъ.

Въ апрѣлѣ 1905 года въ Москвѣ состоялся особый аграрный съѣздъ земствъ [1]), работавшій подъ предсѣдательствомъ И. П. Петрункевича и при участіи: Кн. Петра и Павла Дмитріевичей Долгоруковыхъ, проф. И. В. Лучицкаго, Ѳ. И. Родичева, гр. Хребтовича-Бутенева, проф. Бажанова, Н. А. Каблукова, г. Вихляева, проф. В. М. Хвостова, проф. В. И. Вернадскаго, Ю. А. Новосильцева, А. А. Корнилова, проф. кн. Е. Н. Трубецкаго, гр. С. Л. Толстого, проф. А. А. Мануилова, кн. Д. И. Шаховскаго, г. Яновскаго, С. Н. Прокоповича, А. М. Колюбакина, А. А. Кауфмана, Ф. В. Татаринова, проф. А. А. Васильева, проф. П. Н. Милюкова, г. Завойко, проф. В. Э. Дена, Ю. А. Спасскаго, А. А. Зубрилина, проф. кн. С. Н. Трубецкого, г. Анисимова, Д. Д. Плетнева, Кн. Н. С. Волконскаго, проф. М. Е. Герценштейна, Н. Н. Шебкина и другихъ. Заслушавъ доклады:—съѣздъ принялъ резолюцію изъ 11 пунктовъ, при чемъ послѣдній гласилъ: «для прочнаго улучшенія экономическаго благосостоянія деревни такъ же, какъ и въ интересахъ развитія и усовершенствованія земледѣлія, помимо дополнительной прирѣзки земли земледѣльцамъ, необходимо законодательное урегулированіе арендныхъ отношеній въ цѣляхъ упроченія пользованія арендною землею, обезпеченіе правъ арендаторовъ на произведенныя ими, но не использованныя къ окончанію арендnаго срока, затраты, на улучшеніе и урегулированіе арендной платы на основаніяхъ, установленныхъ закономъ.

22—26 апрѣля 1905 года совѣщаніе земскихъ дѣятелей, въ Москвѣ, продолжая работу петербургскаго совѣщанія 6—9 ноября 1904 года [2]), на основаніи установленныхъ имъ началъ и въ твер-

[1]) Въ мартѣ мѣсяцѣ состоялся Ш-й съѣздъ «Союза Освобожденія». Объ этомъ съѣздѣ, какъ и о IV-мъ, августовскомъ, мы будемъ говорить ниже, связавъ эти съѣзды съ учредительнымъ октябрьскимъ собраніемъ конституціонно-демократической партіи.

[2]) Предсѣдателямъ этого совѣщанія было объявлено, что ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ собираться имъ не разрѣшено, такъ какъ земцы не спрашивали разрѣшенія, а предсѣдатель московской губернской земской управы А. Ѳ. Головинъ, по требованію градоначальника, былъ привлеченъ къ отвѣтственности «за незаконный созывъ общеземскаго съѣзда».

домъ убѣжденіи, что лишь правильное участіе народнаго представительства въ осуществленіи законодательной власти, установленіи государственнаго бюджета и въ контролѣ надъ дѣятельностью администраціи можетъ не только создать прочный правовой порядокъ, но и обезпечить успѣшное проведеніе мѣропріятій, настоятельно необходимыхъ для поднятія народнаго благосостоянія, пришло къ слѣдующимъ заключеніямъ:

А. По вопросу объ основаніяхъ желательной организаціи народнаго представительства въ Россійской Имперіи и о порядкѣ введенія въ жизнь представительныхъ учрежденій.

1) Въ организаціи народнаго представительства Россійской Имперіи не можетъ быть допущено ни сословное начало, ни такъ называемое представительство интересовъ (т.-е. отдѣльные выборы отъ различныхъ классовъ или группъ населенія).

2) Въ основу будущей постоянной организаціи народнаго представительства въ Россійской Имперіи должны быть положены слѣдующія начала:

а) Необходимы выборы представителей отъ населенія путемъ всеобщей, равной и тайной подачи голосовъ;

б) вышеозначенные выборы отъ населенія должны быть прямые, т.-е. представители должны быть избираемы непосредственно гражданами, имѣющими активное избирательное право;

в) наряду съ представительнымъ собраніемъ, избираемымъ путемъ всеобщаго и прямого голосованія (палатой народныхъ представителей), должно быть образовано особое представительство отъ реорганизованныхъ на демократическихъ началахъ и распространенныхъ на всю Россійскую Имперію органовъ мѣстнаго самоуправленія;

г) обѣ палаты должны быть равноправны.

3) Мнѣніе большинства (71 голосъ). Представительное собраніе, главной задачей котораго будетъ установленіе государственнаго правопорядка Россійской Имперіи, должно состоять изъ одной палаты народныхъ представителей, избранныхъ путемъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія.

Мнѣніе меньшинства (37 голосовъ). Первое представительное собраніе, главной задачей котораго будетъ установленіе государственнаго правопорядка Россійской Имперіи, должно состоять изъ народныхъ представителей, избранныхъ путемъ всеобщаго, равнаго, тайнаго, но двухстепеннаго голосованія.

Мнѣніе меньшинства (17 голосовъ). Первые выборы въ представительное собраніе должны быть произведены:

а) въ земскихъ губерніяхъ—губернскими земскими собраніями, пополненными представителями крестьянскаго населенія и рабочихъ тамъ, гдѣ развита фабричная промышленность, а также городскими думами значительнѣйшихъ городовъ, пополненными представителями рабочаго класса и высшихъ учебныхъ и ученыхъ учрежденій;

б) въ не-земскихъ губерніяхъ (9 губерній Западнаго края, Область Войска Донского, Прибалтійская, Привислянскія губерніи) должны быть введены коллегіи на началахъ, на коихъ организованы земскія учрежденія;

в) примѣненіе къ остальнымъ окраинамъ общаго избирательнаго закона должно составить предметъ занятій перваго собранія народныхъ представителей съ привлеченіемъ делегатовъ отъ этихъ окраинъ.

4) Никакое правильное собраніе, однако, невозможно до тѣхъ поръ, пока не будутъ предоставлены населенію неприкосновенность личности, свобода слова, печати и собраній, и пока не будутъ повсемѣстно отмѣнены положеніе объ усиленной охранѣ, а также административная карательная власть земскихъ начальниковъ и сельскаго и волостного начальства.

5) Только немедленный созывъ народнаго представительства съ правомъ участія въ осуществленіи законодательной власти можетъ привести къ мирному и правильному разрѣшенію насущныхъ политическихъ, общественныхъ и экономическихъ вопросовъ современной жизни Россіи.

6) Если окажется, что представители Земства и городовъ могутъ участвовать въ особомъ совѣщаніи подъ предсѣдательствомъ гофмейстера Булыгина по выбору общественныхъ учрежденій, а не по приглашенію правительства, и при томъ на равныхъ правахъ съ правительственными членами совѣщанія, и если участіе въ выборахъ такихъ представителей будетъ предоставлено всѣмъ Губернскимъ Земскимъ Собраніямъ, то желательно, чтобы они участвовали въ совѣщаніи во всѣхъ стадіяхъ его дѣятельности. Въ противномъ случаѣ общественнымъ дѣятелямъ лучше было бы уклониться отъ участія въ этомъ совѣщаніи. Но и при участіи общественнаго элемента дѣятельность совѣщанія можетъ быть лишь тогда плодотворна, если она будетъ доступна самой широкой гласности.

7) Задача особаго совѣщанія подъ предсѣдательствомъ гофмейстера Булыгина должна заключаться въ выработкѣ: а) порядка избранія представителей въ первое представительное собраніе, кото-

рое должно имѣть право участія въ осуществленіи законодательной власти, б) общихъ условій, необходимыхъ для производства свободныхъ выборовъ, а именно: отмѣны положенія о мѣрахъ къ охранѣ государственнаго порядка и спокойствія отъ 14 августа 1881 года, широкой политической амнистіи, отмѣны дискреціонной власти надъ крестьянами земскихъ начальниковъ и волостного и сельскаго начальства, установленія права собраній и союзовъ и права свободнаго выраженія мысли путемъ слова и печати.

8) Главной задачей перваго представительнаго собранія должно быть не столько законодательство по частнымъ вопросамъ, сколько установленіе государственнаго правопорядка.

Б. По вопросу объ участіи земскихъ дѣятелей въ правительственныхъ комиссіяхъ.

9) Совѣщаніе, признавая что въ настоящее время бюрократическая законодательная работа совершенно безплодна и нежелательна, полагаетъ, что земскимъ дѣятелямъ надлежитъ относиться отрицательно къ участію въ правительственныхъ комиссіяхъ и въ частности въ комиссіи по пересмотру земскаго положенія.

10) Совѣщаніе, относясь отрицательно къ возможности организовать борьбу съ холерой на основаніи правилъ 11 августа 1903 года, находитъ необходимымъ настаивать на немедленной пріостановкѣ, а затѣмъ и отмѣнѣ этихъ правилъ. Всѣ мѣропріятія и работа по борьбѣ съ холерой должны быть сосредоточены въ рукахъ органовъ общественнаго самоуправленія, коимъ по закону вмѣнена обязанность заботиться о народномъ здравіи вообще и борьба съ заразными болѣзнями въ частности.

11) Совѣщаніе признаетъ невозможнымъ для общественныхъ дѣятелей принимать участіе во временныхъ уѣздныхъ комиссіяхъ, учреждаемыхъ на основаніи Высочайшаго указа 10 апрѣля 1905 года о порядкѣ возмѣщенія убытковъ, нанесенныхъ владѣльцамъ усадебъ, торгово-промышленныхъ заведеній и проч. крестьянскими безпорядками въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, такъ какъ самая организація въ этихъ комиссіяхъ разбирательства дѣла и вознагражденія потерпѣвшихъ находится въ противорѣчіи съ принципомъ права, требующимъ безпристрастнаго рѣшенія законнаго суда, не соотвѣтствуетъ нравственнымъ понятіямъ многихъ лицъ и вызоветъ не успокоеніе населенія, а новое обостреніе классовыхъ интересовъ. Для правильнаго и мирнаго разрѣшенія вопроса объ отвѣтственности участниковъ вышеозначенныхъ безпорядковъ необходимо немедленное

упраздненіе названныхъ комиссій и передача подвѣдомственныхъ имъ дѣлъ общимъ судебнымъ установленіямъ [1]).

В. По вопросу о проведеніи въ жизнь вышеприведенныхъ положеній совѣщаніе постановило выразить слѣдующія пожеланія.

1) Чтобы заключенія совѣщанія черезъ посредство бюро и членовъ совѣщанія были преданы возможно широкой гласности;

2) чтобы члены совѣщанія довели его заключенія до свѣдѣнія подлежащихъ земскихъ собраній;

3) чтобы губернскими и уѣздными земскими управами были приняты мѣры для ознакомленія мѣстнаго населенія съ содержаніемъ Высочайшаго указа 12 декабря 1904 года и Высочайшаго рескрипта на имя министра внутреннихъ дѣлъ 18 февраля 1905 г.;

4) чтобы въ ближайшемъ будущемъ были созваны губернскія земскія собранія для обсужденія положенія дѣлъ, созданнаго Высочайшимъ рескриптомъ 18 февраля 1905 года, и для представленій о необходимости отмѣны указа 10 апрѣля 1905 года о порядкѣ возмѣщенія убытковъ, нанесенныхъ владѣльцамъ усадебъ и торгово-промышленныхъ заведеній крестьянскими безпорядками въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ.

Изъ приведенныхъ заключеній явствуетъ, что въ земскихъ оппозиціонныхъ сферахъ въ 1905 году взгляды «Союза Освобожденія» сдѣлались не только господствующими теоретически, но, основываясь на нихъ, земское совѣщаніе уже проектировало составленіе соотвѣтствующей конституціи. Это обязательство произвело полный расколъ въ земской средѣ, и Д. Н. Шиповъ выработалъ собственный проектъ государственнаго переустройства, чтобы со своими единомышленниками окончательно выдѣлиться въ особую земскую группу. Программа этой группы была такова:

---

[1]) Здѣсь слѣдуетъ пояснить, что 10 апрѣля 1905 года опубликованъ былъ именной Высочайшій указъ объ образованіи министромъ внутреннихъ дѣлъ, гдѣ произошли аграрные безпорядки, уѣздныхъ комиссій подъ предсѣдательствомъ уѣздныхъ предводителей дворянства, изъ предсѣдателей уѣздныхъ земскихъ управъ, уѣздныхъ исправниковъ, земскихъ начальниковъ и податныхъ инспекторовъ, а также приглашаемыхъ, 1-го или 2-хъ, гласныхъ уѣзднаго земскаго собранія. На эти комиссіи возлагалось—«выясненіе лицъ, участвовавшихъ въ преступныхъ скопищахъ крестьянъ, а также исчисленіе размѣровъ причиненныхъ ими убытковъ для привлеченія къ имущественной отвѣтственности, съ обращеніемъ взысканія на все безъ изъятія движимое и недвижимое имущество всѣхъ членовъ сельскихъ и сочленныхъ сходовъ, участвовавшихъ въ скопищахъ крестьянъ, коимъ произведены разгромы и грабежи».

I. Народное представительство должно быть организовано, какъ особое выборное учрежденіе—государственный земскій совѣтъ.

II. Въ кругъ обязанностей государственнаго земскаго совѣта должны входить: а) разсмотрѣніе всѣхъ законопроектовъ; б) обсужденіе государственнаго бюджета; в) разсмотрѣніе отчетовъ по исполненію государственной росписи и дѣятельности вѣдомствъ; сверхъ того, предоставляется государственному земскому совѣту возбужденіе вопросовъ о необходимости изданія новыхъ законовъ или измѣненія прежнихъ.

Примѣчаніе. Всѣ законопроекты, возникшіе какъ по правительственной иниціативѣ, такъ и по иниціативѣ государственнаго земскаго совѣта, по предварительной разработкѣ ихъ въ подлежащихъ вѣдомствахъ, поступаютъ въ особое правительственное учрежденіе, которое и вноситъ ихъ въ окончательной формѣ на разсмотрѣніе государственнаго земскаго совѣта.

III. Государственному земскому совѣту должно быть предоставлено право запроса министровъ, но министры отвѣтственны не передъ народнымъ представительствомъ, а передъ Государемъ.

IV. Предсѣдатель государственнаго земскаго совѣта утверждается Государемъ изъ избранныхъ совѣтомъ кандидатовъ, и всѣ мнѣнія совѣта докладываются Государю предсѣдателемъ совѣта.

V. Народное представительство должно быть построено не на всеобщемъ и прямомъ избирательномъ правѣ, а на основѣ реорганизованнаго представительства въ учрежденіяхъ мѣстнаго самоуправленія, при чемъ послѣднее должно быть распространено по возможности на всѣ части Россійской Имперіи.

VI. Русскій государственный строй представляется въ слѣдующемъ развитіи: мелкія земскія единицы и уѣздные города, объединенные въ уѣздныхъ земствахъ, уѣздныя земства и губернскіе города—въ губернскихъ земствахъ, губернскія земства и города съ населеніемъ свыше установленной нормы—въ государственномъ земскомъ совѣтѣ.

VII. Представительство въ учрежденіяхъ мѣстнаго самоуправленія должно быть организовано не на сословныхъ началахъ, и къ участію въ земскомъ и городскомъ самоуправленіи должны быть привлечены по возможности всѣ наличныя силы мѣстнаго самоуправленія.

Однако, скоро послѣ московскаго апрѣльскаго совѣщанія послѣдовали такія событія, что освобожденцамъ и шиповцамъ пришлось еще разъ встрѣтиться въ общемъ дѣлѣ.

Но прежде чѣмъ говорить объ этой встрѣчѣ, считаемъ нужнымъ показать, какъ реагировали на описанныя нами событія нѣкоторыя

изъ тѣхъ земствъ, въ которыхъ состоялись весною экстренныя собранія.

Вятское, напримѣръ, чрезвычайное губернское земское собраніе, въ засѣданіи 15 марта 1905 г., выработало петицію на Высочайшее имя, въ которой указывало на необходимость «немедленнаго созыва свободно избранныхъ народныхъ представителей для правильнаго участія въ законодательствѣ», и для скорѣйшаго осуществленія этой реформы—созывъ избранныхъ представителей отъ существующихъ общественныхъ, земскихъ и городскихъ учрежденій, какъ полноправныхъ членовъ, въ особое совѣщаніе, образованное подъ предсѣдательствомъ министра внутреннихъ дѣлъ, которое должно происходить «при гласномъ обсужденіи вопросовъ». Необходимо одновременно осуществить свободу печати, слова, собраній и обезпеченіе неприкосновенности личности съ отвѣтственностью только по суду.

Чрезвычайное Ярославское губернское земское собраніе, состоявшееся 27—28 марта 1905 г., постановило представить адресъ на имя Государя, въ которомъ, между прочимъ, говорилось:

«Необходимо ускорить ходъ работъ особаго совѣщанія, ввести въ составъ его на всѣхъ стадіяхъ работъ, начиная съ первой, представителей существующихъ въ странѣ общественныхъ учрежденій и прежде всего представителей губернскихъ земскихъ собраній и городскихъ думъ болѣе значительныхъ городовъ, по избранію этихъ учрежденій, а также обставить всѣ занятія особаго совѣщанія полной гласностью, предоставить вмѣстѣ съ тѣмъ свободному обсужденію печати тѣ вопросы, которые должны составить предметъ занятій особаго совѣщанія».

9-го апрѣля 1905 года въ чрезвычайномъ херсонскомъ губернскомъ земскомъ собраніи гласный П. А. Зеленый произнесъ большую рѣчь, въ которой изложилъ тяжелыя условія жизни народа, охарактеризовалъ бюрократическо-самодержавный строй, указалъ на поводъ и ужасы войны, на разгромы и анархію и въ концѣ концовъ предложилъ собранію ходатайствовать:

1) О допущеніи къ участію въ особомъ совѣщаніи подъ предсѣдательствомъ гофм. Булыгина какъ въ предварительной разработкѣ законодательныхъ предначертаній, такъ и въ дальнѣйшихъ его трудахъ на ряду съ представителями разныхъ вѣдомствъ и общественныхъ самоуправленій, также и представителей херсонскаго земства по его избранію и 2) чтобы на время работы названнаго совѣщанія были гарантированы неприкосновенность личности общественныхъ представителей, свобода обсужденія въ печати вопросовъ, составляющихъ предметъ Особаго Совѣщанія, гласность по отношенію къ его заня-

тіямъ, а также право собраній, гдѣ вопросы дня могли бы обсуждаться своевременно и наравнѣ съ обсужденіемъ печатныхъ органовъ.

Тверское губернское земское собраніе постановило широко распространить среди населенія докладъ управы о народномъ представительствѣ, рѣчи земскихъ депутатовъ 6-го іюня и отвѣтныя слова Государя.

Группа гласныхъ нижегородскаго земства въ заявленіи своемъ Булыгину, между прочимъ, говорила, что работы совѣщанія, подъ его предсѣдательствомъ, могутъ идти плодотворно только при условіи полной гласности и только при свободѣ обсужденія этого вопроса въ печати и въ широкихъ общественныхъ кругахъ...

Въ ветлужскомъ, Костромской губерніи, экстренномъ земскомъ собраніи, 24 марта 1905 г., былъ посланъ на Высочайшее имя адресъ, въ которомъ, между прочимъ, говорилось, что, въ интересахъ умиротворенія страны, «необходимъ скорѣйшій призывъ народныхъ представителей, свободно избранныхъ на основаніи всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосовъ. Избраннымъ народнымъ представителямъ должно быть предоставлено право законодательной власти, право рѣшать вопросы о войнѣ и мирѣ, право разсмотрѣнія и утвержденія государственной росписи и право общаго контроля надъ всѣми дѣйствіями исполнительной власти и необходимо сейчасъ же: 1) отмѣнить всѣ исключительные законы по охранѣ государственнаго порядка, 2) провозгласить равенство всѣхъ передъ закономъ и отвѣтственность по закону передъ судомъ независимымъ, 3) полная гарантія неприкосновенности личности и жилища и 4) свобода вѣроисповѣданій, свобода слова, печати, свобода собраній, союзовъ и различныхъ общественныхъ организацій».

Пришло къ слѣдующимъ заключеніямъ:

Въ основу будущаго народнаго представительства въ Россійской Имперіи должны быть положены слѣдующія три условія:

1) необходимость выборовъ представителей отъ населенія путемъ всеобщей, безъ различія пола и національностей, равной и тайной подачи голосовъ,

2) вышеозначенные выборы должны быть прямыя, т.-е. представители должны быть избираемы непосредственно гражданами, имѣющими активное избирательное право.

Въ заключеніе, старицкое земское собраніе считаетъ нужнымъ высказать свое глубокое убѣжденіе, что никакой правопорядокъ въ Россіи и никакое правильное представительство русской земли—невозможны до тѣхъ поръ, пока не будутъ повсемѣстно предоставлены населенію основныя гражданскія права, какъ-то: неприкосновенность

личности, свобода слова, печати, союзовъ, собраній, и пока не будутъ повсемѣстно отмѣнены—положеніе объ усиленной охранѣ, а также административная карательная власть на всѣхъ ступеняхъ іерархической лѣстницы, до земскихъ начальниковъ, уѣздной и городской полиціи и должностныхъ лицъ волостного и сельскаго управленія включительно».

Бузулукское и новоузенское, Самарской губ., чрезвычайныя земскія собранія постановили ходатайствовать о немедленномъ созывѣ народныхъ представителей.

Въ тѣхъ земствахъ, въ которыхъ чрезвычайныя собранія состоялись въ іюнѣ и позже сдѣланы были еще болѣе энергичныя и рѣзкія постановленія, но это произошло уже послѣ гибели эскадры Рождественскаго при островѣ Цусимѣ, въ битвѣ, когда былъ поставленъ крестъ надъ нашимъ флотомъ, и когда уже совершенно выяснилось, что японцы разгромили насъ окончательно.

Цусима вызвала сильнѣйшій взрывъ народнаго негодованія и повсемѣстныя требованія созыва народныхъ представителей. Д. Н. Шиповъ обратился съ послѣднимъ уже воззваніемъ къ земствамъ, предлагая прислать въ Москву отъ каждой губерніи отъ 4 до 6 представителей на «Коалиціонный» съѣздъ. И вотъ 24—26 мая 1905 года съѣхались въ Москву не только члены съѣздовъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, но также и многіе другіе земскіе и городскіе дѣятели, собиравшіеся въ то время въ особыя совѣщанія для обсужденія вопросовъ государственнаго строительства. На означенномъ съѣздѣ было постановлено чрезъ особую депутацію представить Государю адресъ слѣдующаго содержанія:

«Ваше Императорское Величество. Въ минуту величайшаго народнаго бѣдствія и великой опасности для Россіи и самаго престола Вашего, мы рѣшаемъ обратиться къ Вамъ, отложивъ всякую рознь и всѣ различія, насъ раздѣляющія, движимые одной пламенной любовью къ Отечеству.

Государь. Преступнымъ небреженіемъ и злоупотребленіемъ Вашихъ совѣтчиковъ Россія ввергнута въ гибельную войну, наша армія не могла одолѣть врага, нашъ флотъ уничтоженъ, и грознѣе опасности внѣшней разгорается внутренняя усобица.

Увидавъ вмѣстѣ со всѣмъ народомъ Вашимъ всѣ пороки ненавистнаго и пагубнаго приказнаго строя, Вы положили измѣнить его и предначертали рядъ мѣръ, направленныхъ къ его преобразованію. Но предначертанія эти были искажены и ни въ одной области не получили надлежащаго исполненія. Угнетеніе личности и общества, угнетеніе слова и всяческій произволъ множатся и растутъ. Вмѣсто

предуказанной Вами отмѣны усиленной охраны и административнаго произвола полицейская власть усиливается и получаетъ неограниченныя полномочія, а подданнымъ Вашимъ преграждаютъ путь, открытый Вами, дабы голосъ правды не могъ доходить до Васъ.

Вы положили созвать народныхъ представителей для совмѣстнаго съ Вами строительства земли, и воля Ваша осталась безъ исполненія донынѣ, несмотря на все грозное величіе совершающихся событій; а общество волнуютъ страхи о проектахъ, въ которыхъ обѣщанное Вами народное представительство, долженствовавшее упразднить приказный строй, замѣняется сословнымъ совѣщаніемъ.

Государь. Пока не поздно, для спасенія Россіи, во утвержденіе порядка и мира внутренняго, повелите безъ замедленія созвать народныхъ представителей, избранныхъ для сего равно и безъ различія всѣми подданными Вашими. Пусть рѣшатъ они въ согласіи съ Вами жизненный вопросъ государства, вопросъ о войнѣ и мирѣ, пусть опредѣлятъ они условія мира или, отвергнувъ его, превратятъ эту войну въ войну народную. Пусть явятъ они всѣмъ народамъ Россію не раздѣленную болѣе, не изнемогающую во внутренней борьбѣ, а исцѣленную, могущественную въ своемъ возрожденіи и сплотившуюся вокругъ единаго стяга народнаго. Пусть установятъ они въ согласіи съ Вами обновленный государственный строй.

Государь, въ рукахъ Вашихъ честь и могущество Россіи, ея внутренній миръ, отъ котораго зависитъ и внѣшній миръ ея. Въ рукахъ Вашихъ Держава Ваша, Вашъ Престолъ, унаслѣдованный отъ Предковъ.

Не медлите, Государь; въ страшный часъ испытанія народнаго велика отвѣтственность Ваша передъ Богомъ и Россіей».

Въ составъ депутаціи избранными оказались: Гр. П. А. Гейденъ, кн. Г. Е. Львовъ, Н. Н. Львовъ, И. И. Петрункевичъ, Д. Н. Шиповъ, кн. Павелъ Дм. Долгоруковъ, Ф. А. Головинъ, кн. Петръ Дм. Долгоруковъ, Н. Н. Ковалевскій, Ю. А. Новосильцевъ, Ф. И. Родичевъ, кн. Д. И. Шаховской, кандидатами: Н. Н. Щепкинъ, Н. А. Хомяковъ.

6 іюня въ 12½ часовъ дня въ Фермерскомъ дворцѣ въ Петергофѣ Государемъ Императоромъ приняты были прибывшіе въ Петербургъ земскіе и городскіе дѣятели [1]):

---

[1]) Здѣсь кстати сообщимъ, что за четыре дня до этой аудіенціи, именно 2-го іюня, въ Москвѣ состоялось совѣщаніе городскихъ головъ: Москвы, Харькова, Казани и Нижняго-Новгорода. На этомъ совѣщаніи было рѣшено, по примѣру земцевъ, образовать обще-городскую организацію и организаціонное бюро. Черезъ 2 недѣли послѣ этого, предъ іюльскимъ земскимъ совѣща-

1) Графъ П. А. Гейденъ, Опочецкій предводитель дворянства, Псковскій губернскій гласный; 2) Князь Г. Е. Львовъ, предсѣдатель Тульской губернской управы; 3) Н. Н. Львовъ, Саратовскій губернскій гласный; 4) И. И. Петрункевичъ, Тверской губернскій гласный; 5) Ѳ. А. Головинъ, предсѣдатель Московской земской управы; 6) Князь П. Д. Долгоруковъ, Рузскій уѣздный предводитель дворянства, Камергеръ Высочайшаго Двора; 7) Н. Н. Ковалевскій, Харьковскій губернскій гласный, 8) Ю. А. Новосильцевъ, Темниковскій уѣздный предводитель дворянства; 9) Ф. И. Родичевъ, кандидатъ Весьегонскаго, Тверской губерніи, предводителя дворянства; 10) Князь Д. И. Шаховской, Ярославскій губернскій гласный; 11) Князь С. Н. Трубецкой, ординарный профессоръ Московскаго университета; 12) Баронъ П. Л. Корфъ, гласный С.-Петербургской городской думы; 13) А. Н. Никитинъ, замѣститель предсѣдателя С.-Петербургской городской думы; 14) М. П. Ѳедоровъ, гласный С.-Петербургской городской думы.

Князь С. Н. Трубецкой обратился къ Государю съ рѣчью слѣдующаго содержанія:

«Ваше Императорское Величество. Позвольте выразить Вашему Величеству нашу глубокую, искреннюю благодарность за то, что Вы приняли насъ послѣ нашего къ Вамъ обращенія. Вы поняли тѣ чувства, которыя руководили нами, и не повѣрили тѣмъ, кто представляетъ насъ, общественныхъ и земскихъ дѣятелей, чуть ли не измѣнниками Престола и врагами Россіи. Насъ привело сюда одно чувство—любовь къ Отечеству и сознаніе долга передъ Вами.

Мы знаемъ, Государь, что въ эту минуту Вы страдаете больше всѣхъ насъ. Намъ было бы отрадно сказать Вамъ слово утѣшенія, и если мы обращаемся къ Вашему Величеству теперь въ такой необычной формѣ, то вѣрьте, что къ этому побуждаетъ насъ чувство долга и сознаніе общей опасности, которая велика, Государь.

Въ смутѣ, охватившей все государство, мы разумѣемъ не крамолу, которая сама по себѣ, при нормальныхъ условіяхъ, не была бы опасна, а общій разладъ и полную дезорганизацію, при которой власть

ніемъ, въ Москвѣ, подъ предсѣдательствомъ Московскаго городского головы кн. Голицына, состоялся большой обще-городской съѣздъ, на которомъ отъ 86 губернскихъ городовъ участвовало 117 представителей. Съѣздъ этотъ безусловно отрицательно отнесся къ «булыгинской конституціи», которая, какъ передавали газеты, вырабатывалась особою комиссіею, и высказался, какъ и земцы на апрѣльскомъ съѣздѣ, за всеобщее прямое, равное и тайное избирательное право,—при участіи и женщинъ, и за двухпалатную систему. Затѣмъ съѣздъ постановилъ собраться въ Москвѣ въ іюлѣ, одновременно съ земцами.

осуждена на безсиліе. Русскій народъ не утратилъ патріотизма, не утратилъ вѣры въ Царя и въ несокрушимое могущество Россіи; но именно поэтому онъ не можетъ уразумѣть наши неудачи, нашу внутреннюю неурядицу; онъ чувствуетъ себя обманутымъ и въ немъ зарождается мысль, что обманываютъ Царя. И когда народъ видитъ, что Царь хочетъ добра, а дѣлается зло, что Царь указываетъ одно, а творится совершенно другое, что предначертанія Вашего Величества урѣзываются и нерѣдко проводятся въ жизнь людьми, завѣдомо враждебными преобразованіямъ, то такое убѣжденіе въ немъ все болѣе растетъ. Страшное слово «измѣна» произнесено, и народъ ищетъ измѣнниковъ рѣшительно во всѣхъ: и въ генералахъ, и въ совѣтчикахъ Вашихъ, и въ насъ, и во всѣхъ «господахъ» вообще. Это чувство съ разныхъ сторонъ эксплуатируется. Одни натравливаютъ народъ на помѣщиковъ, другіе—на учителей, земскихъ врачей, на образованные классы. Однѣ части населенія возбуждаются противъ другихъ. Ненависть неумолимая и жестокая, накопившаяся вѣками обидъ и утѣсненій, обостряемая нуждой и горемъ, безправіемъ и тяжкими экономическими условіями, подымается и растетъ, и она тѣмъ опаснѣе, что въ началѣ облекается въ патріотическія формы,—тѣмъ болѣе она заразительна, тѣмъ легче она зажигаетъ массы. Вотъ грозная опасность, Государь, которую мы, люди, живущіе на мѣстахъ, измѣрили до глубины во всемъ ея значеніи и о которой мы сочли долгомъ довести до свѣдѣнія Вашего Императорскаго Величества. Единственный выходъ изъ всѣхъ этихъ внутреннихъ бѣдствій—это путь, указанный Вами, Государь,—созывъ избранниковъ народа. Мы всѣ вѣримъ въ этотъ путь, но сознаемъ, однако, что не всякое представительство можетъ служить тѣмъ благимъ цѣлямъ, которыя Вы ему ставите. Вѣдь оно должно служить водворенію внутренняго міра, созиданію, а не разрушенію, объединенію, а не раздѣленію частей населенія и, наконецъ, оно должно служить «преобразованію государственному», какъ сказано было Вашимъ Величествомъ. Мы не считаемъ себя уполномоченными говорить здѣсь ни о тѣхъ окончательныхъ формахъ, въ которыя должно вылиться народное представительство, ни о порядкѣ избранія. Если позволите, Государь, мы можемъ сказать только то, что объединяетъ всѣхъ насъ, что объединяетъ большинство русскихъ людей, искренне желающихъ итти по намѣченному Вами пути.

Нужно, чтобы всѣ Ваши подданные—равно и безъ различія—чувствовали себя гражданами русскими, чтобы отдѣльныя части населенія и группы общественныя не исключались изъ представительства народнаго, не обращались бы тѣмъ самымъ во враговъ обнов-

леннаго строя; нужно, чтобы не было безправныхъ и обездоленныхъ. Мы хотѣли бы, чтобы всѣ Ваши подданные, хотя бы чужіе намъ по вѣрѣ и крови, видѣли въ Россіи свое Отечество, въ Васъ—своего Государя; чтобы они чувствовали себя сынами Россіи и любили Россію такъ же, какъ мы ее любимъ. Народное представительство должно служить дѣлу объединенія и мира внутренняго. Поэтому также нельзя желать, чтобы представительство было сословнымъ. Какъ русскій Царь—а не Царь дворянъ, не Царь крестьянъ или купцовъ, не Царь сословій,—а Царь всея Руси, такъ и выборные люди, отъ всего населенія призываемые, чтобы дѣлать совмѣстно съ Вами Ваше Государево дѣло, должны служить не сословнымъ, а общегосударственнымъ интересамъ. Сословное представительство неизбѣжно должно породить сословную рознь тамъ, гдѣ ея не существуетъ вовсе.

Далѣе народное представительство должно служить дѣлу «преобразованія государственнаго». Бюрократія существуетъ вездѣ, во всякомъ государствѣ, и, осуждая ее, мы винили не отдѣльныхъ лицъ, а «приказный строй». Въ обновленномъ строѣ бюрократія должна знать подобающее ей мѣсто. Она не должна узурпировать Вашихъ Державныхъ правъ, она должна стать отвѣтственной. Вотъ дѣло, которому должно послужить собраніе выборныхъ представителей. Оно не можетъ быть заплатой къ старой системѣ бюрократическихъ учрежденій. А для этого оно должно быть поставлено самостоятельно, и между нимъ и Вами не можетъ быть воздвигнута новая стѣна въ лицѣ высшихъ бюрократическихъ учрежденій Имперіи. Вы сами убѣдитесь въ этомъ, Государь, когда призовете избранниковъ народа и встанете съ ними лицомъ къ лицу, какъ мы стоимъ передъ Вами.

Наконецъ, предначертанныя Вами преобразованія столь близко касаются русскаго народа и общества, нынѣ призываемаго къ участію въ государственной работѣ, что русскіе люди не только не могутъ, но не должны оставаться къ нимъ равнодушны. Посему необходимо самую широкую возможность обсужденія государственнаго преобразованія не только на первомъ собраніи выборныхъ, но нынѣ же въ печати и въ общественныхъ собраніяхъ. Было бы пагубнымъ противорѣчіемъ призывать общественныя силы къ государственной работѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ не допускать свободнаго сужденія. Это подорвало бы довѣріе къ осуществленію реформъ, мѣшало бы успѣшному проведенію ихъ въ жизнь.

Государь, на довѣріи должно созидаться обновленіе Россіи».

Послѣ этого гласный С.-Петербургской городской думы М. П. Федоровъ высказалъ слѣдующее:

«Позвольте, Ваше Величество, присоединить къ тому, что сей-

часъ было высказано княземъ Трубецкимъ, еще и то, что тревожитъ и волнуетъ города. Городъ и деревня такъ близки другъ другу, что всякая невзгода деревни отражается и на благосостояніи города,— бѣднѣетъ деревня и мы страдаемъ.

Мы не можемъ не безпокоиться о задачахъ ближайшаго будущаго: какъ бы Ваше Величество ни разрѣшили вопросъ войны и мира, война все-таки когда-нибудь кончится, и тогда настанетъ необходимость залѣчивать нанесенныя ею раны—экономическія и финансовыя; мы предвидимъ, что нашъ бюджетъ долженъ будетъ увеличиться ради этого на много милліоновъ въ годъ. Чтобы достать эти милліоны, чтобы найти источникъ для покрытія этихъ расходовъ, нужно начать огромную культурную работу, нужно озаботиться о подъемѣ производительныхъ силъ страны, а это только возможно тогда, когда будетъ призвано къ жизни все, что есть даровитаго и талантливаго въ народѣ, и возбуждена широкая самодѣятельность общества.

У Вашего Величества есть, правда, люди, и люди талантливые, но ихъ немного, и они могутъ присматриваться къ потребностямъ и нуждамъ народнымъ только изъ своихъ кабинетовъ и канцелярій, тогда какъ предстоящая работа потребуетъ людей, стоящихъ у самой жизни. Вотъ почему и города всецѣло присоединяются къ голосу земскихъ людей, мысли которыхъ здѣсь передалъ князь Трубецкой».

На обращенныя рѣчи депутатовъ Государь отвѣтилъ:

«Я радъ былъ выслушать васъ. Не сомнѣваюсь, что вами, господа, руководило чувство горячей любви къ родинѣ въ вашемъ непосредственномъ обращеніи ко Мнѣ.

Я вмѣстѣ съ вами и со всѣмъ народомъ Моимъ всею душою скорбѣлъ и скорблю о тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя принесла Россіи война и которыя необходимо еще предвидѣть, и о всѣхъ внутреннихъ нашихъ неурядицахъ.

Отбросьте ваши сомнѣнія. Моя воля — воля Царская созывать выборныхъ отъ народа — непреклонна; привлеченіе ихъ къ работѣ государственной будетъ выполнено правильно. Я каждый день слѣжу и стою за этимъ дѣломъ.

Вы можете объ этомъ передать всѣмъ вашимъ близкимъ, живущимъ какъ на землѣ, такъ и въ городахъ.

Я твердо вѣрю, что Россія выйдетъ обновленною изъ постигшаго ее испытанія.

Пусть установится, какъ было встарь, единеніе между Царемъ и всею Русью, общеніе между Мною и земскими людьми, которое ляжетъ въ основу порядка, отвѣчающаго самобытнымъ русскимъ началамъ.

Я надѣюсь, вы будете содѣйствовать Мнѣ въ этой работѣ».

Ровно черезъ мѣсяцъ послѣ этой аудіенціи, 6—8 іюля, состоялось въ Москвѣ совѣщаніе земскихъ и городскихъ дѣятелей. Участники совѣщанія, на которомъ уже не присутствовалъ Д. Н. Шиповъ, подверглись преслѣдованіямъ, а относительно самаго совѣщанія назначено было строгое разслѣдованіе. Приведемъ краткіе выдержки изъ журналовъ его засѣданій.

Предсѣдателемъ былъ избранъ графъ П. А. Гейденъ, товарищами предсѣдателя—И. И. Петрункевичъ, Н. Н. Щепкинъ и Ф. А. Головинъ, секретарями—Н. И. Астровъ, С. М. Леонтьевъ, Т. И. Полнеръ и В. А. Розенбергъ.

Предсѣдатель Московской губернской земской управы Ф. А. Головинъ доложилъ о сношеніяхъ съ администраціей по поводу созыва совѣщанія.

Вслѣдъ за тѣмъ въ залъ засѣданія допущены были представители полиціи для объявленія распоряженія и. о. Московскаго градоначальника о распущеніи совѣщанія, при чемъ присутствующимъ предложено разойтись.

Распоряженіе это, въ коемъ содержалась ссылка на телеграмму товарища министра внутреннихъ дѣлъ Трепова, признано совѣщаніемъ ябно незаконнымъ, почему исполнить его собравшіеся отказались.

Полиціей составленъ протоколъ, къ которому приложенъ протестъ совѣщанія, послѣ чего занятія съѣзда продолжались.

Кн. С. Н. Трубецкой доложилъ совѣщанію о пріемѣ депутаціи Государемъ Императоромъ; при этомъ отмѣчено было нѣсколько незначительныхъ неточностей въ оффиціальной передачѣ рѣчи Государя и князя С. Н. Трубецкого.

Н. Н. Щепкинымъ и Ф. Ф. Кокошкинымъ прочитанъ докладъ бюро о проектѣ народнаго представительства, выработанномъ гофмейстеромъ Булыгинымъ.

При этомъ на разсмотрѣніе совѣщанія представленъ проектъ резолюціи, въ заключеніи которой говорилось: «осуществленіе проекта гофмейстера Булыгина или иного проекта, построеннаго на сходныхъ съ нимъ основаніяхъ, и потому не создающаго народнаго представительства въ истинномъ смыслѣ этого слова, не можетъ внести успокоеніе въ страну, предотвратить всѣ опасности, ей угрожающія, и вывести ее изъ настоящаго состоянія анархіи на путь правильнаго и мирнаго развитія на основахъ твердаго государственнаго правопорядка».

Послѣ продолжительнаго обмѣна мнѣній, заключительная часть резолюціи была принята совѣщаніемъ большинствомъ голосовъ противъ 2.

Ф. Ф. Кокошкинымъ доложено, что проектъ «Основного закона Россійской Имперіи», напечатанный въ № 180 «Русскихъ Вѣдомостей» отъ 6 іюля 1905 года, составленъ нѣсколькими членами бюро на основаніяхъ, одобренныхъ предшествующими земскими съѣздами.

Большинствомъ противъ семи голосовъ совѣщаніе постановило:

«Принять въ первомъ чтеніи проекъ «Основного закона», напечатанный въ № 180 «Русскихъ Вѣдомостей», и поручить бюро разослать его въ мѣстныя земскія и городскія учрежденія, а также отдѣльнымъ компетентнымъ лицамъ съ просьбою представить свои замѣчанія не позже 15 августа, послѣ чего пересмотрѣть проектъ и представить его ближайшему совѣщанію земскихъ и городскихъ дѣятелей для детальнаго обсужденія по статьямъ».

Заслушанъ прочитанный В. Е. Якушкинымъ докладъ бюро о дѣятельности правительства за время съ изданія манифеста 12 дек. 1904 г.

Совѣщаніемъ единогласно постановлено: отпечатать докладъ и разослать его въ земскія и городскія общественныя учрежденія, а также всѣмъ членамъ съѣзда.

Кн. Петромъ Дмитріевичемъ Долгоруковымъ прочтенъ докладъ бюро «О пріобщеніи широкихъ массъ населенія къ работѣ по политическимъ вопросамъ».

Кн. Павломъ Дмитріевичемъ Долгоруковымъ прочтенъ докладъ бюро «О разработкѣ избирательной системы на мѣстахъ».

Обсудивъ совмѣстно оба доклада, совѣщаніе единогласно приняло слѣдующія резолюціи:

По докладу о пріобщеніи широкихъ массъ населенія къ работѣ по политическимъ вопросамъ:

«Съѣздъ призналъ неотложной задачей данной минуты для общественныхъ дѣятелей войти въ ближайшее общеніе съ широкими массами населенія для совмѣстнаго съ народомъ обсужденія предстоящей политической реформы, для завоеванія необходимыхъ для ея проведенія свободъ и для подготовленія къ выборамъ».

По докладу о разработкѣ избирательной системы на мѣстахъ съѣздъ призналъ—

«Желательнымъ, чтобы общество теперь же приняло возможно широкое участіе въ разработкѣ на мѣстахъ (по губерніямъ, уѣздамъ и городамъ) вопроса о проведеніи въ жизнь выборной системы, выработанной общеземскимъ съѣздомъ. (Примѣненіе избирательныхъ нормъ, намѣченіе избирательныхъ округовъ и участковъ и т. п.)

Заслушанъ докладъ бюро, прочитанный П. А. Столыпинымъ, объ участившихся за послѣднее время случаяхъ административнаго произвола.

По этому вопросу большинствомъ противъ 1 голоса принята слѣдующая резолюція:

«Выразить глубокое негодованіе по поводу многочисленныхъ случаевъ безнаказаннаго проявленія произвола различныхъ представителей власти и твердую увѣренность въ томъ, что такія дѣянія своевременно получатъ должную оцѣнку и соотвѣтственное возмездіе и просить всѣхъ мѣстныхъ общественныхъ дѣятелей оказывать всякое содѣйствіе лицамъ, пострадавшимъ отъ указанныхъ случаевъ въ защитѣ ихъ попранныхъ правъ и въ сохраненіи слѣдовъ и доказательствъ, совершенныхъ въ отношеніи ихъ незаконныхъ и самоуправныхъ дѣйствій властей, при чемъ эти нарушенія остаются при нынѣшнихъ порядкахъ безнаказанными.»

Ф. И. Родичевымъ прочитанъ докладъ «объ отношеніи общественныхъ учрежденій къ стѣсненіямъ ихъ дѣятельности со стороны администраціи».

Къ резолютивной части доклада предложена В. Д. Набоковымъ поправка, согласно которой большинствомъ противъ 3 голосовъ совѣщаніе постановило:

«Съѣздъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, принимая во вниманіе, что осуществленіе естественныхъ правъ человѣка и гражданина, при условіяхъ существующаго въ Россіи строя, постоянно встрѣчаетъ препятствіе въ распоряженіяхъ власти, полагаетъ: что отстаиваніе естественныхъ правъ, указанныхъ въ резолюціяхъ съѣзда 6—9 ноября 1904 г. должно быть совершаемо всѣми мирными способами, не исключая и неподчиненія распоряженіямъ власти, нарушающимъ эти права, хотя бы подобныя распоряженія и ссылались на формальный законъ».

С. А. Муромцевъ доложилъ совѣщанію постановленіе бюро о необходимости обобщить всѣ пожеланія о привлеченіи широкихъ массъ населенія къ работѣ по политическимъ вопросамъ и обратиться къ странѣ съ яснымъ и общедоступнымъ изложеніемъ постановленій земскихъ съѣздовъ, высказанныхъ ими пожеланій и съ сообщеніемъ о мѣрахъ, принятыхъ для проведенія этихъ пожеланій въ жизнь.

Единогласно постановлено: «поручить бюро окончательно проредактировать текстъ обращенія, принявъ, по возможности, во вниманіе предложенныя поправки».

Кн. Д. И. Шаховской сдѣлалъ отъ имени бюро сообщеніе о необходимости вызвать на мѣстахъ теперь же обсужденіе проекта гофмейстера Булыгина.

Послѣ оживленныхъ преній совѣщаніемъ большинствомъ противъ одного голоса принята слѣдующая резолюція:

«Считая въ высшей степени важнымъ вызвать теперь же проявленія общественнаго отношенія къ законопроекту гофмейстера Булыгина, съѣздъ считаетъ необходимымъ организовать по всей странѣ въ теченіе іюля многолюдныя собранія, какъ это по мѣстнымъ условіямъ окажется возможнымъ, и внести на эти собранія принятое настоящимъ совѣщаніемъ заключеніе по означенному законопроекту. Желательно, чтобы резолюціи собраній съ подписями, принявшихъ эти резолюціи, присылались въ бюро общаго съѣзда земскихъ и городскихъ дѣятелей».

В. И. Вернадскій доложилъ заявленіе о положеніи повременной печати, представленное въ съѣздъ присутствовавшими представителями прессы. Совѣщаніемъ принята слѣдующая резолюція:

«Признавая нетерпимымъ современное положеніе печати, задерживающее правильное развитіе общественнаго самосознанія страны, выразившееся въ частности за послѣднее время въ рядѣ административныхъ каръ, завершившихся карами по отношенію къ газетамъ «Слово» и «Русскія Вѣдомости», съѣздъ единогласно постановилъ: выразить свое негодованіе по поводу репрессивныхъ дѣйствій администраціи, принимаемыхъ по отношенію къ печати».

А. А. Шмаринъ заявилъ, что съѣзду необходимо высказать свое мнѣніе по поводу участившихся за послѣднее время случаевъ примѣненія смертной казни.

Послѣ обмѣна мнѣній, единогласно постановлено: «съѣздъ протестуетъ противъ сохраненія смертной казни въ ряду наказаній и противъ участившихся въ послѣднее время случаевъ примѣненія этого наказанія на основаніи сепаратныхъ законовъ и въ формѣ военнаго суда».

Названное совѣщаніе вызвало репрессіи и, кромѣ того, по Высочайшему повелѣнію, сенатору Постовскому было поручено произвести особое дознаніе. И. И. Петрункевичъ и Ярославскій губернскій гласный С. М. Леонтьевъ составили весьма обстоятельныя записки-отвѣты по этому поводу, но мѣсто не даетъ намъ возможности ихъ привести.

Скажемъ еще объ іюльскомъ съѣздѣ, что тотчасъ по его окончаніи произошло, 9 — 10 іюля, совѣщаніе земской конституціонной группы. Вотъ журналъ засѣданій:

По вопросу о результатахъ земской депутаціи, принятой въ Петергофѣ 6 іюня 1905 г.

Постановлено: вопроса объ отчетѣ депутаціи 6 іюня по

существу не разсматривать и принять слѣдующую формулу: «Съѣздъ признавая, что посылка депутаціи 6 іюня не представляется актомъ земскихъ конституціоналистовъ, а актомъ коалиціоннаго съѣзда и что результатъ ея ни въ чемъ не связываетъ насъ, — переходитъ къ порядку дня». По вопросу объ образованіи конституціонно-демократической партіи.

Постановлено: 1) Съѣздъ признаетъ, что необходимо въ настоящее время приступить къ образованію конституціонно-демократической партіи, которая бы состояла изъ широкаго круга дѣятельныхъ единомышленниковъ въ странѣ и имѣла бы полную и цѣльную программу со включеніемъ въ нее положеній по экономическимъ, финансовымъ, областнымъ и національнымъ вопросамъ.

Съѣздъ поручаетъ уполномоченнымъ имъ на то 20 лицамъ вступить въ соглашеніе съ близкими по направленію группами по своему усмотрѣнію, составить вмѣстѣ съ лицами, которыя будутъ уполномочены отъ тѣхъ группъ, временный комитетъ партіи, приступить къ необходимымъ дѣйствіямъ по ея организаціи и о всемъ сдѣланномъ довести до свѣдѣнія слѣдующаго съѣзда.

2) Организацію настоящаго съѣзда земской конституціонной группы сохранить пока безъ измѣненія съ тѣмъ, чтобы бюро приглашало въ составъ членовъ и городскихъ гласныхъ.

3) Поручить бюро совмѣстно съ 20 лицами, избранными согласно 1 пункта, продолжать разработку программы по аграрному вопросу и организовать подобное же обсужденіе вопросовъ работъ финансоваго, національнаго и областного. По вопросу о постановленіяхъ общеземскаго съѣзда 6—8 іюля 1905 г.

Постановлено: 1) Поручить бюро возможно скорѣе разослать всѣмъ членамъ земской конституціонной группы полицейскій протоколъ, доклады и резолюціи общеземскаго съѣзда, а также въ достаточномъ количествѣ проектъ основаній государственнаго устройства, принятый общеземскимъ съѣздомъ и напечатанный въ газетѣ «Русскія Вѣдомости», № 180.

2) Поручить бюро озаботиться немедленнымъ созывомъ съѣзда земской конституціонной группы тотчасъ по обнародованіи правительственнаго закона о народномъ представительствѣ и при томъ до созыва общеземскаго съѣзда по тому же поводу.

3) Выразить пожеланіе, чтобы въ губернскихъ уѣздахъ въ ближайшемъ будущемъ были устроены мѣстные губернскіе съѣзды изъ губернскихъ и уѣздныхъ гласныхъ земскихъ и городскихъ и вообще изъ мѣстныхъ общественныхъ дѣятелей для обсужденія вопросовъ по улучшенію государственнаго благоустройства, согласно указу 18

февраля, въ цѣляхъ мобилизаціи общественныхъ силъ на мѣстахъ въ виду предстоящей избирательной кампаніи. По вопросу объ отношеніи земской конституціонной группы къ организаціи союза союзовъ различныхъ профессіональныхъ дѣятелей.

Постановлено: Принять участіе въ союзѣ союзовъ черезъ посредство уполномоченныхъ делегатовъ, назначеніе которыхъ предоставить усмотрѣнію бюро. По вопросу о возможномъ закрытіи высшихъ учебныхъ заведеній и предполагаемой вслѣдствіе того организаціи вольныхъ университетовъ.

Постановлено: Выразить пожеланіе, чтобы во всѣ губернскія и уѣздныя земскія собранія и городскія думы были разосланы доклады по данному вопросу, которые будутъ подготовлены ко времени предстоящаго въ августѣ академическаго съѣзда и чтобы въ предстоящихъ земскихъ собраніяхъ возбуждались бы вопросы объ ассигнованіяхъ на организацію вольныхъ университетовъ.

При посредствѣ отдѣленій «Союза Освобожденія», изложенныя воззванія и постановленія іюльскаго съѣзда земскихъ и городскихъ дѣятелей и конституціонной группы быстро были распространены по всей Россіи и также быстро стали приводиться тѣми же отдѣленіями въ исполненіе. Мы не имѣемъ никакой возможности сообщить здѣсь свѣдѣнія о безчисленномъ количествѣ засѣданій, банкетовъ, митинговъ, состоявшихся вслѣдъ за іюльскимъ съѣздомъ а тѣмъ болѣе привести ихъ резолюціи съ сотнями и тысячами подписей и постановленій земскихъ собраній.

Энергичная, открытая и смѣлая дѣятельность земства немедленно вызвала привычныя репрессіи.

Въ іюлѣ 1905 года извѣстный уже намъ ярославскій губернаторъ А. П. Роговичъ разослалъ циркуляръ городскимъ и земскимъ учрежденіямъ, въ которомъ, между прочимъ, говорилось:

«Считаю долгомъ поставить васъ въ извѣстность, что какъ московскій съѣздъ, такъ и организаціонное при немъ бюро, самовольно состоявшіеся и произвольно присвоившіе себѣ непринадлежащую имъ власть, состоятъ внѣ закона и постановленія ихъ никакой силы не имѣютъ и имѣть не могутъ; что посему всѣ извѣщенія, требованія, запросы, предложенія отъ означенныхъ съѣзда или бюро, обращенныя въ предсѣдательствуемую вами управу, къ членамъ ея, къ вамъ лично или къ другимъ земскимъ дѣятелямъ, должны быть оставлены безъ всякаго исполненія и всѣ получаемыя отъ съѣзда изданія должны быть представляемы мнѣ».

Въ августѣ 1905 г. исправляющій должность тверского губер-

натора, вице-губернаторъ Хитрово, разослалъ земскимъ начальникамъ циркуляръ, въ которомъ, между прочимъ, говорилось:

«По имѣющимся свѣдѣніямъ, въ городахъ и селахъ, между прочимъ, и въ тверской губерніи, разными лицами организуется приведеніе въ исполненіе постановленій не разрѣшеннаго, но состоявшагося въ Москвѣ 6 іюля съѣзда общественныхъ дѣятелей. Поэтому призываю васъ, м. г., всѣми имѣющимися въ вашемъ распоряженіи средствами противодѣйствовать исполненію этихъ намѣреній, не допуская обращенія въ народѣ вышеупомянутыхъ изданій, отбирая ихъ и присылая ко мнѣ и предотвращая и прекращая собранія и тому подобныя единения, для этой цѣли организуемыя, непремѣнно переписывая главнымъ образомъ руководителей ихъ».

Уфимскій губернаторъ, не задолго до открытія іюльскаго, 1905 г., экстреннаго губернскаго земскаго собранія, прислалъ на имя предсѣдателя управы Коропачинскаго бумагу такого содержанія относительно разсылки управою гласнымъ постановленій съѣзда земскихъ и городскихъ дѣятелей 22—26 апрѣля:

«Постановленія этого съѣзда, какъ содержащія въ себѣ приглашеніе земскихъ дѣятелей къ явному неповиновенію и противленію правительственнымъ распоряженіямъ и Высочайшему указу и недозволенныя сужденія о постановленіяхъ правительства, являются преступными, равно какъ и распространіе таковыхъ, согласно ст. 251, 262, 274, 281 и 301 улож. о наказ.».

Калужскій губернаторъ не допустилъ къ обсужденію іюньскаго экстреннаго губернскаго земскаго собранія вопросовъ: 1) объ избраніи представителей отъ населенія калужской губерніи для участія въ законодательствѣ, 2) объ аграрной комиссіи, 3) о выборѣ 4—6-ти лицъ для участія въ съѣздахъ, 4) объ изданіи брошюры о пріемѣ Государемъ Императоромъ 6 іюня 1905 г. земскихъ и городскихъ дѣятелей.

Вмѣстѣ съ этимъ управѣ предлагалось немедленно пріостановить выпускъ изъ земской типографіи отпечатаннаго и разрѣшеннаго цензурой доклада о народномъ представительствѣ. При разрѣшеніи этого доклада цензурой былъ вычеркнутъ и не допущенъ къ печати въ немъ текстъ всеподданнѣйшаго адреса калужскаго губернскаго земскаго собранія экстренной сессіи 21 марта 1905 г., тогда какъ въ вышедшихъ изъ печати журналахъ этого собранія означенный текстъ адреса преблагополучно напечатанъ и на обложкѣ значится: «дозволено цензурой».

Но всѣ эти административные указы, угрозы, приказы не оказывали уже ровно никакого дѣйствія. И вотъ, чтобы умиротворить

общественное мнѣніе, 6 августа 1905 года было опубликовано Учрежденіе Государственной Думы,—конституція, сфабрикованныя Булыгинымъ, давно уже извѣстная по газетамъ и всѣми осужденная. Дабы общество, земство и города не критиковали этого бюрократическаго дѣтища, министръ внутреннихъ дѣлъ, т.-е. авторъ «конституціи», въ августѣ же поспѣшилъ войти въ правительствующій сенатъ съ представленіемъ объ отмѣнѣ цѣлаго ряда постановленій губернскихъ по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствій, которыми за земскими собраніями и городскими думами было признано право обсуждать, въ порядкѣ, указанномъ Высочайшимъ указомъ 18 февраля, въ чрезвычайныхъ собраніяхъ мѣропріятія, клонящіяся къ устройству государственнаго быта, безъ предварительнаго разрѣшенія губернаторовъ на внесеніе этихъ вопросовъ въ программу означенныхъ собраній.

Затѣмъ принятъ былъ и рядъ другихъ мѣръ. Такъ, 20-го августа 1905 г., въ Москвѣ, въ квартирѣ темниковскаго уѣзднаго предводителя дворянства Ю. А. Новосильцева собрался кружокъ изъ 13 лицъ для обсужденія программы, которую, по ихъ мнѣнію слѣдовало бы препроводить въ Государственную Думу. Присутствовали въ этомъ совѣщаніи слѣдующія лица: проф. В. И. Вернадскій, проф. М. Я. Герценштейнъ, кн. Петръ Д. Долгоруковъ, кн. Павелъ Д. Долгоруковъ, предсѣдатель новгородской губернской земской управы А. М. Колюбакинъ, Н. Н. Львовъ, проф. И. В. Лучицкій, проф. А. А. Мануиловъ, Ю. А. Новосильцевъ, проф. Е. Н. Трубецкой, кн. Д. И. Шаховскій, Н. Н. Щепкинъ, В. Е. Якушкинъ. Бесѣда была скоро прервана появленіемъ полиціи, объявившей присутствовавшимъ распоряженіе московскаго генералъ-губернатора о немедленномъ прекращеніи совѣщанія. Послѣ этого бесѣда не могла продолжаться, такъ какъ полиція занялась составленіемъ протокола, что потребовало около трехъ часовъ. На заявленіе присутствовавшихъ въ квартирѣ Новосильцева лицъ, что они не видятъ ничего противозаконнаго въ фактѣ бесѣды, въ которой принимали участіе, и не намѣрены подчиниться незаконному распоряженію полиціи, имъ было объявлено, что въ такомъ случаѣ будетъ употреблена сила.

Затѣмъ, въ квартирѣ доктора Н. Н. Баженова, въ Москвѣ же, въ моментъ засѣданія организаціоннаго бюро съѣзда земскихъ дѣятелей явился исправляющій должность полиціймейстера Носковъ и участковый помощникъ пристава Косоворотовъ и также предложили немедленно прекратить засѣданіе. Послѣ категорическаго отказа, Носковъ отправился бесѣдовать по телефону съ градоначальникомъ и, вернувшись, заявилъ, что засѣданіе можетъ происходить лишь

въ его присутствіи. По окончаніи засѣданія, Носковъ составилъ протоколъ.

Но никакія мѣропріятія не могли уже смирить земцевъ, и они, какъ и раньше, находили возможность критиковать булыгинскую Думу.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ, 1905 г., земцы устроили послѣдній съѣздъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, въ которомъ, собственно говоря, уже намѣчалась программа конституціонно-демократической партіи. Это обстоятельство заставляетъ насъ привести краткій подлинный журналъ сентябрьскаго съѣзда, происходившаго отъ 12 до 15 сент. Въ засѣданіи 12 сентября.

Предсѣдатель Бюро Ф. А. Головинъ доложилъ объ условіяхъ, при которыхъ происходили подготовительныя работы по созыву съѣзда и о сношеніяхъ по этому поводу съ администраціей. Изъ сообщенія Ф. А. Головина выяснилось, между прочимъ, что настоящій съѣздъ разрѣшенъ правительствомъ по слѣдующей программѣ:

1) Объ участіи общественныхъ дѣятелей въ предстоящихъ выборахъ въ Государственную Думу.

2) Объ организаціи на мѣстахъ выборной компаніи: а) установленіе единообразнаго пониманія требованій закона объ организаціи Государственной Думы и выборовъ; б) установленіе общей программы для будущей избирательной компаніи.

3) Объ организаціи общеземской помощи населенію губерній, пострадавшихъ отъ неурожая.

Въ качествѣ представителя правительственной власти на съѣздѣ присутствовалъ управляющій канцеляріей московскаго генералъ-губернатора А. А. Воронинъ.

Послѣ обмѣна мнѣніями, большинствомъ противъ одного голоса, принята нижеслѣдующая резолюція, предложенная отъ имени Бюро Ф. Ф. Кокошкинымъ: «Совѣщаніе земскихъ и городскихъ дѣятелей, полагая, что Государственная Дума, имѣющая быть созванной на основаніи закона 6 августа 1905 года не явится народнымъ представительствомъ въ истинномъ смыслѣ этого слова, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣя въ виду, что выборное собраніе, объединяющее значительную часть общественныхъ силъ на всемъ пространствѣ Имперіи, можетъ послужить средоточіемъ и точкой опоры для общественнаго движенія, стремящагося къ достиженію политической свободы и правильнаго народнаго представительства, признаетъ желательнымъ, чтобы русскіе граждане, примкнувшіе къ политической программѣ, установленной совѣщаніями земскихъ дѣятелей 6—9 ноября 1904 года и 22—26 апрѣля 1905 года и совѣщаніемъ городскихъ дѣятелей

15—16 іюня 1905 г. вошли въ возможно большемъ числѣ въ Государственную Думу и образовали тамъ сплоченную группу съ цѣлью достигнуть черезъ ея посредство гарантій гражданской свободы и равенства, указанныхъ въ постановленіяхъ совѣщанія 6—9 ноября 1904 г., и введенія народнаго представительства на началахъ, установленныхъ совѣщаніями земскихъ дѣятелей 6—9 ноября 1904 г. и 22—26 апрѣля 1905 г. и совѣщаніями городскихъ дѣятелей 15—16 іюня 1905 года». Въ слѣдующія засѣданія обсуждались программы по вопросамъ: о правахъ національностей, о децентрализаціи управленія и законодательства, объ автономіи царства польскаго и программы: аграрная, по рабочему вопросу, экономическая и финансовая. Наконецъ выработанъ былъ текстъ обращенія къ населенію отъ земскихъ и городскихъ дѣятелей въ концѣ котораго говорится.

«При всей важности и настоятельности всѣхъ задачъ, съѣздъ убѣжденъ, что полнаго и цѣлесообразнаго разрѣшенія ихъ, какъ и удовлетворенія другихъ нуждъ страны, возможно добиться только тогда, когда создастся правильное народное представительство. А для того, чтобы добиться этой цѣли, нужно, чтобы какъ можно большее число представителей, посланныхъ въ Думу, безъ различія оттѣнковъ во взглядахъ на всѣ другіе вопросы, сошлись и согласились на одинаковомъ пониманіи первой и главной задачи—политической реформы Думы и обезпеченія основныхъ правъ гражданина. Такимъ образомъ, не отказываясь отъ преслѣдованія всѣхъ тѣхъ цѣлей, которыя намѣчены въ программныхъ постановленіяхъ съѣздовъ—на предстоящихъ выборахъ съѣздъ призываетъ всѣхъ избирателей объединиться около слѣдующей краткой и опредѣленной избирательной программы.

1) Обезпеченіе правъ личности, свобода словъ и печати, свобода сходокъ, собраній, союзовъ.

2) Установленіе выборовъ на основѣ всеобщаго избирательнаго права.

3) Рѣшающій голосъ Думы въ законодательствѣ и право дѣйствительнаго контроля надъ бюджетомъ и администраціей.

Только скорѣйшимъ осуществленіемъ этихъ первыхъ насущныхъ задачъ можно успокоить страну, вывести ее изъ теперешняго ея тяжелаго положенія, направить всѣ ея силы къ дѣйствительному обновленію и широкому развитію нашей жизни, обезпечить правильное и цѣлесообразное удовлетвореніе нуждъ и потребностей народа. Мы призываемъ поэтому всѣхъ избирателей, сознающихъ исключительную важность настоящаго положенія, соединиться для достиженія ближайшей цѣли, отложивъ всѣ споры и разногласія по вопросамъ, рѣшать которые придется только въ послѣдствіи!

Слѣдующій съѣздъ земскихъ и городскихъ дѣятелей былъ назначенъ черезъ мѣсяцъ—на 12 октября 1905 г.

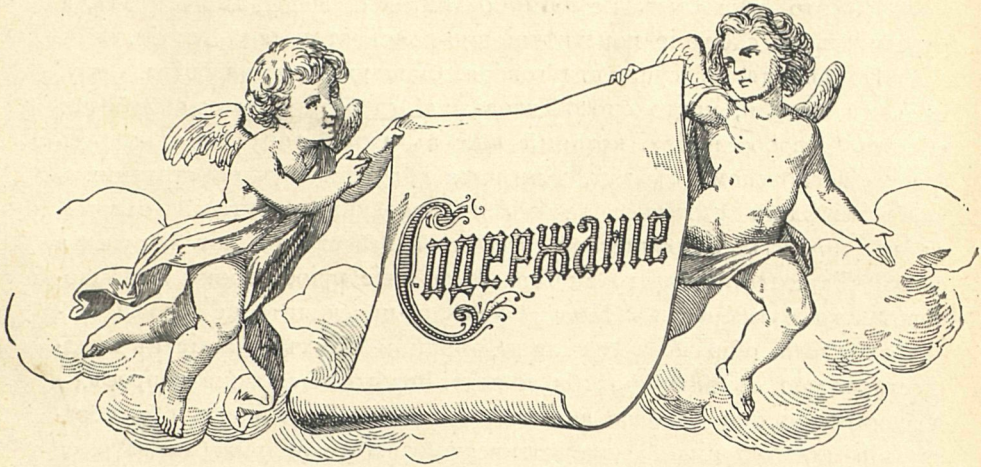
Но это уже былъ не обыкновенный безпартійный съѣздъ, а учредительное собраніе конституціонно-демократической партіи.

Послѣдняя, въ сущности говоря, была уже организована, чему, какъ мы видѣли, много способствовало «Освобожденіе», а еще болѣе «Союзъ Освобожденія», который еще въ мартѣ 1905 года, на 3-мъ своемъ московскомъ съѣздѣ, занимался обсужденіемъ конституціи.

Послѣдній съѣздъ земскихъ и городскихъ дѣятелей открылся въ моментъ исторической всеобщей забастовки, когда русская революція достигла своего апогея. Вслѣдствіе пріостановки желѣзнодорожнаго движенія, въ Москву успѣли проскочить не болѣе четвертой части общаго числа лицъ, принимавшихъ участіе въ предшествующихъ съѣздахъ подобнаго рода. Возбуждался даже вопросъ,—возможно ли при такомъ количествѣ обсуждать вопросъ объ образованіи конституціонно-демократической партіи и вырабатывать ея программу. Но быстрый ходъ событій заставилъ отвѣтить на этотъ вопросъ положительно, тѣмъ болѣе, что, въ сущности говоря, такая программа была уже представлена съѣзду, въ видѣ программы «Союза Освобожденія», постановленій IV-го съѣзда «Союза» и матеріаловъ съѣздовъ земскихъ и городскихъ дѣятелей. Дебатировалась главнымъ образомъ программа, выработанная III-мъ съѣздомъ «Союза Освобожденія», положенная въ основу конституціонно-демократической партіи.

Въ моментъ самыхъ горячихъ преній,—вечеромъ 17 октября, телеграфъ передалъ о назначеніи министромъ внутреннихъ дѣлъ Витте и содержаніе изданнаго въ этотъ день историческаго манифеста 17-го октября, 1905 года. Въ исторіи освободительнаго движенія начался новый періодъ.

— —

Стр.

I. 60-е и 70-е годы 5

II. 80-е годы 17

III. Первая половина 90-хъ годовъ. 31

IV. Вторая половина 90-хъ годовъ 39

V. XX вѣкъ—1900, 1901 и начало 1902 годовъ 70

VI. Съ апрѣля до конца 1902 года. 77

VII. 1903-й годъ 103

VIII. Первая половина 1904 года 117

IX. Вторая половина 1904 года. 127

X. 1905 годъ. 154

Московское
Книгоиздательское
„Образованіе.“
Товарищество

ГЛАВНАЯ КОНТОРА Камергерскій, д. № 4.
Телефонъ 245—30.

2007058723